

В. Феллер

ГЕРМАНСКАЯ ОДИССЕЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ: гармония истории	4
ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИОЛОГИЮ	7
I. ОСНОВЫ	7
Нация-община	7
История на службе Эволюции	7
Структурно-историологический метод	8
Макроциклы	8
Большие циклы	9
Средние циклы	11
Ценностно-целевой метод	11
Теологический код	12
Телеологический код	13
О применении методов	13
II. ЭСКИЗ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ	15
Схема	15
Предыстория	15
Весна	16
Тень	18
Лето	19
Миссия	21
Готика	22
Осень	24
Кризис	26
Антихрист	27
Судьба	28
III. ЭСКИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИИ	31
Эней	31
Схема	32
Предыстория	32
"Осенний" Эней	33
Нация кланов	34
"Зимняя" Италия	35
Синойклизм	36

Римское право.....	38
Итальянская весна.....	40
Итальянское лето.....	42
ПРЕДЫСТОРИЯ.....	45
I. ПРЕДЫСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО МИРА.....	45
Фракийская колонизация.....	45
Кельто-фракийское взаимопроникновение.....	47
Столкновение с Римом.....	47
II. ПРЕДЫСТОРИЯ РИМА.....	49
Иллирийские корни.....	49
Синойклизм.....	49
Искусственный синойклизм.....	50
III. ЭНЕИДА.....	51
Римская телеология.....	51
Эней.....	51
Комициальность.....	52
Римский универсализм.....	52
Рим в борьбе за Италию.....	54
IV. ОДИНОКИЙ РЕЙНДЖЕР СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ.....	55
Рим становится империей.....	55
Причины и последствия возвышения.....	55
V. ОДИССЕЯ.....	57
Тяжелые роды германской нации.....	57
Дарданско-ахейские счета.....	57
Одиссей.....	59
Экклесия.....	60
Империя согласия.....	61
Эллинизм.....	62
ВЕСНА.....	64
I. СВЕВЫ – КЕЛЬТО-ГЕРМАНСКАЯ ВЗВЕСЬ.....	65
Германское воплощение греческого духа.....	65
Свевия.....	65
Сепарация германцев и кельтов.....	66
II. ДАКИ – ФРАКИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ СМЕСЬ.....	69
Возвышение Дакии.....	69
Гибель Дакии.....	70
III. ПУТЬ ДОМОЙ: МАРКОМАННСКИЕ ВОЙНЫ.....	73
IV. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ: ГОТЫ В ДАКИИ.....	75
V. ЗАКАТ РИМСКОЙ ЕВРОПЫ.....	76
VI. ОДИССЕЙ И МЕФИСТОФЕЛЬ.....	78
Изменение направления германской экспансии.....	78
Теневая телеология германского духа.....	79
VII. МЕЖДУ СВОБОДОЙ И РАВЕНСТВОМ-БРАТСТВОМ.....	80
VII век: пробуждение Галлии.....	80
Гальская свобода.....	80
Равенство-братство.....	83
Король-солнце.....	83
Сравнительная телеология гальского и русского духа.....	84
Финикийское происхождение кельтов.....	86
VIII. НАЧАЛО ГЕРМАНСКОЙ ЕВРОПЫ.....	88
Создание Франкской державы.....	88
Византийское наступление в Европе.....	88
Локальный кризис германского мира.....	89
IX. ГАЛЛО-ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ.....	91
Галлизация германской Европы.....	91
Три мира в германской Европе.....	93
Южногерманская взвесь.....	94
ЛЕТО.....	95
I. ИМПЕРИЯ КАРЛА.....	96
Создание Империи.....	96
Шаткость имперской вертикали.....	96
III. ГАЛЛО-ГЕРМАНСКОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ.....	99
Причины размежевания.....	99
Сравнение Восточного и Западного королевств.....	100
V. НАЧАЛО ИТАЛЬЯНСКОГО РОМАНА.....	102
VI. НАЧАЛО ГОТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА.....	104
VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭНЕЯ.....	106

Реформа Гильдебранда	106
Крестовые походы	106
Нормандская Англия	107
VIII. ВОЗВЫШЕНИЕ ШТАУФЕНОВ	109
Фридрих Барбаросса	109
Комициальность по-итальянски	110
X. ГОТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ	112
Франция при Филиппе Августе	112
Пятый поход	113
Деяния Фридриха II	114
XI. СЕРДЦЕ ЕВРОПЫ	117
XII. ПЕРВЫЙ ИНФАРКТ	119
Междоусобица	119
Кризис папства	120
Кризис Империи	121
XIII. В ГОРНИЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ	124
Германская "зима" XIV-XV веков	124
Эпоха Возрождения	127
Возвышение Франции	127
Генезис Пруссии	129
ОСЕНЬ	131
I. ЛЮТЕР И ЧЕРТ	132
Изменение германской телеологии	132
Тень воплощается	134
Великое упрощение	137
II. ТРЕТИЙ ИНФАРКТ	139
Унижение	139
Депрессия	140
III. МЕТАНИЯ И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ	143
Донкихотство Фридриха-Вильгельма IV	143
"Порядок превыше всего!"	145
IV. ПРИШЕСТВИЕ АНТИХРИСТА	146
Империя Бисмарка	146
Первый Фюрер	148
V. СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИЯ	151
Неуверенная Германия	151
Корпоративность	152
Реальные и мнимые пороки "германус-политикус"	154
Прусский фактор	155
Земельный партикуляризм	157
Коммунальный базис	158
Соскальзывая в кризис	159
"Американизация"	160
VI. ГЕРМАНИЯ ЗАВТРА	162
Бунт партикуляризма: от земельных противоречий к корпоративной революции	162
Революция корпораций и "разбегание" земель	162
Восточный поход	163
<i>Указатель имен (личных, племенных, народов) .....</i>	<i>165</i>
<i>Географический указатель .....</i>	<i>170</i>
<i>Литература .....</i>	<i>174</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ: ГАРМОНИЯ ИСТОРИИ

Задавшись вопросом: кому эта книга может быть интересна, можно найти четыре категории ее потенциальных читателей. Одного заинтересует новая, историологическая и футурологическая теория. Другой читатель по-новому увидит историю Западной-Средней Европы. Третий обязательно вспомнит, как когда-то в детстве-юности он был очарован духом европейского Средневековья и увлечен готическим порывом к небу. Наконец, четвертый просто вдохновится поэзией истории, театром, "неистово шумящим на подмостках"...

В книге обосновывается новый взгляд на эту древнюю науку. Новизна этого взгляда в том, что в истории "наконец" увидены точные законы. Конечно, "точность" их производна от циклов внутреннего состояния национального организма, но она достаточна для создания глубоких сценариев, как прошлого, так и будущего.

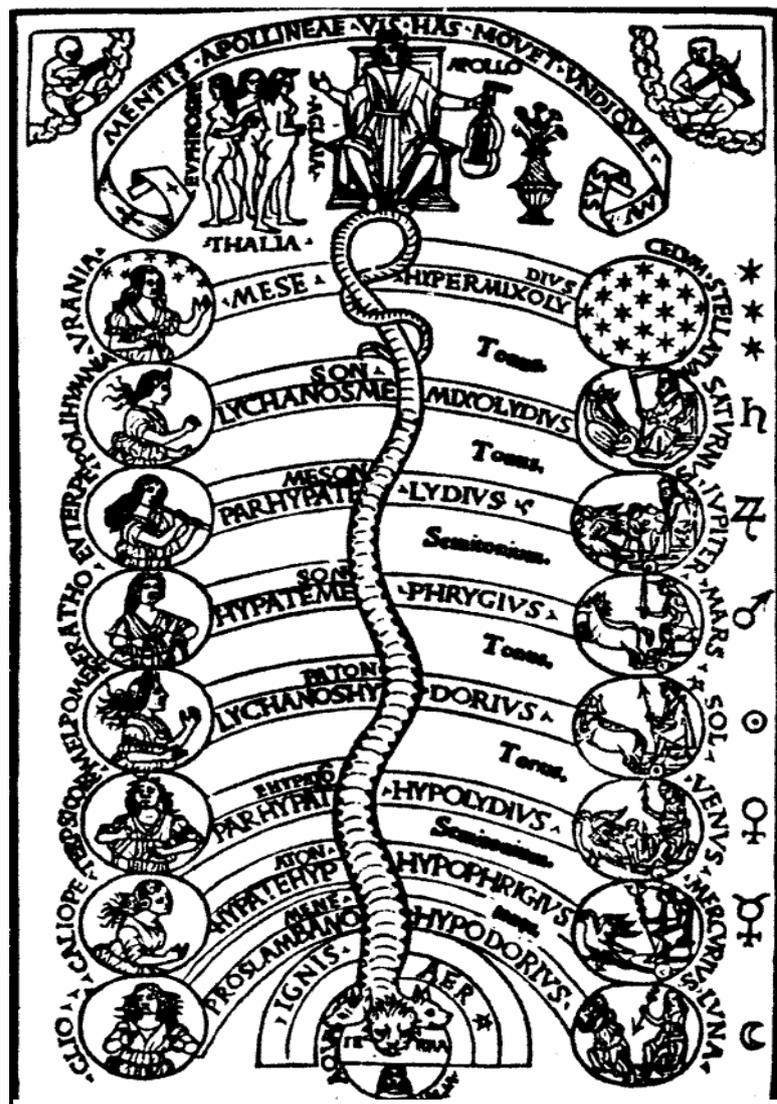
Законы истории – это циклические закономерности явлений, имеющие параметры в 3, 12, 48 и т.д. лет. Эти закономерности определяются гармоническими кривыми "состояния здоровья" национальной общины. Основным субъектом истории является гений национальных общин. Национальная община не только подвержена циклическим процессам активизации и угасания, но и наделена даром предвидения (Провидением).

Эта мысль, а на самом деле глубокое убеждение, и находится в центре новой историологической теории. Краткое (очень краткое) описание законов развития и "структур характера" национальных общин дано в первой главе первой части книги. Конкретный анализ германской и переплетенных с нею итальянской и французской истории проведен во второй и третьей главах введения, во второй, третьей и четвертой частях книги.

Может быть, эта теория станет одним из шагов на пути к открытию старых истин, когда-то данных нам в мифологии и откровениях религиозно-теологических систем?

Например, предлагаемые здесь схемы вполне совместимы с концепцией неоплатоника Макробия. В иллюстрации "Гармония мира" изображен Змей времени, являющийся емким символом этой концепции и, как представляется, символом наиболее длительного 3072 летнего цикла в историологической концепции.

Кроме того, "орбиты планет – это еще и

Гармония мира

Иллюстрация из книги итальянского музыканта и теоретика Ф. Гафурио "Практика музыки". Милан 1498 год

музыкальные лады, основные и производные. Они же – тона октавы. Аполлон, сопровождаемый фигурками трех Граций, *они же – Хариты: Аглая (светоносная), Евфросине (радостная), Талия (цветущая, цветоносная)*, восседает на царственном троне в позе, кощунственно подобной изображению небесного Судии; колебания туловища трехглавого змея (*этот змей, бывший некогда атрибутом египетского бога Сераписа, означал, согласно доктрине Макробия, трехчленное Время: прошлое, настоящее и будущее*), как колебания струны, передаются Земле, окруженной оболочками Воды, Воздуха и Огня..." (В. Л. Глазычев).

Изображение Змея времени рассматривается в книге как емкий религиозный символ логики истории. Вы, видимо, не раз вспомните о нем во время чтения книги. Тело Змея – это четыре волны, одна из которых идет против течения времени (в предлагаемой концепции это зимний сезон макроцикла).

Символы троичности-четверичности: Аполлон и три Грации; Земля и оболочки Воды, Воздуха и Огня можно перевести на язык разрабатываемого и применяемого здесь ценностно-целевого метода.

Каждая из восьми муз, расположенных вдоль тела Змея, является представительницей определенного периода исторического цикла. Девятая муза – молчаливая Талия, сокрыта в недрах Земли. Здесь же и "конец истории" – царство человеческой (или божественной?) комедии. Ведь Талия – еще и муза комедии.

Но впереди не конец германской истории, а завершение ее третьей четверти, которое выморочным периодом растянется на все третье тысячелетие. И первым об этом возвестил Ницше:

"И некогда вы должны будете стать моими друзьями и детьми единой надежды; тогда я захочу в третий раз быть среди вас, чтобы отпраздновать с вами великий полдень.

Великий полдень – когда человек стоит посреди своего пути между животным и сверхчеловеком и празднует свой путь к закату как свою высшую надежду: ибо это есть путь к новому утру.

И тогда заходящий сам благословит себя за то, что был он переходящий; и солнце его познания будет стоять у него на полдне.

"Умерли все боги; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек" – такова должна быть в великий полдень наша последняя воля!"

Перелистнув несколько десятков страниц, вы окунетесь в холодные бурные воды германской предыстории. Но сначала – краткое содержание теории и общий взгляд туда, куда текут эти потоки.

Германская история – это история-судьба народа, призванного в начале христианской эры к созданию общеевропейской эллинистической империи. На пути к этой цели германцы столкнулись с Римом и в течение трех веков жестко сдерживались им.

В процессе своего генезиса в течение полутора веков до н.э. предгерманцы боролись с выдыхающимся в своей экспансии кельтским миром и на пересечении двух миров появилась Свевия. Образовались взвеси кельто-предгерманских (Свевия) и фракийско-предгерманских (Дакия) племен, которые уже в первом веке сепарировали на кельтов, германцев и даков-гетов.

В ожесточенной борьбе с Римом Дакия была уничтожена, а остатки фракийских племен влились в общегерманский мир. Слияние стало возможным, поскольку даки, геты и "ясторфцы"-предгерманцы (гипербореи?) были изначально родственными нациями, ведь северные предгерманские племена – это "эмигрировавшие" в VII-IV веках до н.э. фракийцы (те же даки и геты).

Дальнейшая судьба германцев – это отчаянная борьба с Римом и победа над ним. Это краткая попытка встроиться в Византийскую империю. Это галло-германский союз в державах Меровингов и Карломанов, союз, создавший основы феодализма. Это вершинные века готического синтеза, родившего единую западноевропейскую культуру и выплеснувшего избыток энергии в крестовых походах.

После головокружительного взлета – междоусобье, слом, падение в пропасть. И только в XVI веке Германия возрождается как великая империя и как великая духовная сила. Но в XVI веке наступил жертвенный (768 летний осенний) период в истории германской нации.

Реформация упростила германскую душу, выхолостила и германский дух, а в XIX веке воплотила в жизнь старый римский комплекс германцев, который стал антихристовым царством Вильгельма II и Гитлера.

Что ждет Германию впереди? Жертвенная эпоха продолжается... А дальше... Пруссия, в духе своем славянская, возможно, возьмет и распашет Ее по-своему...

Читателю, влюбленному в историю как науку, но скептически относящемуся к новым теориям в гуманитарных науках, и для которого мало интересна история Германии, Италии и Франции, откроется европейское Средневековье, столь многообразное, многоплановое и деятельное, и тем очаровательное, что в ваших глазах явно поблекнет Новое и даже Новейшее время.

Востребуется и поэтическое восприятие-вдохновение. Ведь здесь логика истории лишь контрапунктом проступает через ее живые образы.

Но важнее всего то, что "новый взгляд" – это новое-старое видение истории, в котором вновь оживают боги и демоны, в котором Геродот уже не кажется сказителем легенд, а его "История" – лишь началом современной историографии.

Ведь, говоря о богах, он говорит о реальном мире "трансцендентных личностей" национальных и племенных общин, он описывает и законы этого мира. Старые мифы, низведенные в сказки, байки и притчи, под "новым взглядом" вновь превращаются в миф, а история, из сухомятной борьбы интересов и виртуального кружения идей, вновь становится человеческой драмой и божественной комедией.

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИОЛОГИЮ

I. ОСНОВЫ

НАЦИЯ-ОБЩИНА

Основным субъектом германской истории, как и истории любой другой нации, является национальная община. Это Личность, которая локализована в пространстве личностным воплощением коллективного сознания. В коллективном состоянии постоянно пребывают какие-то "отделы" мозга включенных в общину людей. Мозг одного человека инициирует наше индивидуальное Я, мозг многих людей инициирует Я Общины, столь же реальное, как и то, что мы воспринимаем как свое собственное Я.

По-видимому, Ф. Ницше это и имел в виду, когда написал:

"Созидающими были сперва народы и лишь позднее отдельные личности; поистине, сама отдельная личность есть еще самое юное из творений.

Народы некогда навесили на себя скрижаль добра. Любовь, желающая господствовать, и любовь, желающая повиноваться, вместе создали себе эти скрижали.

Тяга к стаду старше происхождением, чем тяга к Я, и покуда чистая совесть именуется стадом, лишь нечистая совесть говорит: Я.

Поистине, лукавое Я, лишенное любви, ищущее своей пользы в пользе многих, – это не начало стада, а гибель его...

Тысяча целей существовала до сих пор, ибо существовала тысяча народов. Недостаёт еще только цепи для тысячи голов, недостаёт единой цели. Еще у человечества нет цели.

Но скажите мне, братья мои: если человечеству недостаёт еще цели, то, быть может, недостаёт еще и его самого?"

Нация-община способна к предвидению и планированию жизни-деятельности своих подопечных на несколько веков вперед, т.е. в рамках 768 летнего "большого" цикла. Но ее Провидение включает в себя и видение неизбежных периодов собственной слабости и "глупости", поскольку ее активность (энергетика) и способность к планированию (интеллект) подчинены гармоническим законам активизации и угасания в рамках 12, 48, 192, 768, а также 3072 летних циклов. Эти циклы имеют свои цели и характеристики.

Нация-община является не только субъектом планирования, но и объектом воздействия некоей революционной программы (Софии?), жесткой в своей цели, но гибкой в способах ее достижения. Эта программа рассчитана на реализацию в течение 12288 лет. Целью этой программы является генетический скачок, имеющий в графике времени-силы форму S-образной кривой.

ИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ ЭВОЛЮЦИИ

Этот 12288 летний отрезок является временем естественного эксперимента, периодом становления нового вида. Можно сказать, что S-переход является историей-революцией на службе Эволюции. Например, пройдя через такую революцию, неандерталец всего за несколько тысяч лет преобразовался в кроманьонца.

Основное отличие кроманьонца от неандертальца – это способность создавать племенные общины, которые стали эффективным коллективным мозгом, наделенным даром предвидения на несколько сот лет вперед. Даром предвидения, существенно более точного, чем у предшествующих племенным родовым общин неандертальцев.

Ф. Кликс конечно не подозревал, насколько он близок к этому открытию в своих попытках прояснить механизмы гомеостаза и когда рассуждал о том, что "неудачная охота, нападение могучих хищников, засухи и длительные периоды похолодания, болезни, эпидемии и гибель труднозаменимых членов группы кроманьонцев требовали постоянной готовности к коллективным ответным действиям. И лишь одно могло помочь как-то избежать этих бедствий – взгляд в будущее. Знание о том, чего следует ожидать, могло бы устранить или значительно уменьшить неопределенность решений, которая, как правило,

связана с индивидуальным или коллективным страхом. Очевидно, что знание, касающееся будущих событий, имеет высокую социальную ценность. Оно является также решающей мотивационной основой, ведущей к выработке когнитивных стратегий, целью которых является предсказание будущего на основе воспринимаемых данных".

Сейчас человечество переживает очередной генетический скачок, новую революцию вида. И это тоже увидено Ницше:

"Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка.

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход и гибель*".

СТРУКТУРНО-ИСТОРИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД

В историологическом исследовании применяются две взаимодополняющие методологии.

Первая разрабатывается в предположении, что история нации имеет сильную корреляцию с ее "состоянием здоровья", иначе говоря, с циклами активизации – угасания нации-общины. Эту методологию можно назвать структурно-историологической.

Она работает по принципу линейки, прикладываемой к потоку исторических событий, линейки с характеристиками конкретных исторических сезонов, точнее, с характеристиками-диагнозами "состояния здоровья" нации.

Эта линейка макроцикла имеет 3072 летнюю длину и разделена на четыре равных отрезка, каждый из которых имеет свою характеристику. В свою очередь, следующий, 768 летний цикл (названный мной большим), является одновременно макросезоном, и разделен на четыре, теперь уже "больших", сезона по 192 года. У этих сезонов тоже имеются собственные характеристики. Подобные деления можно производить тем же способом и дальше, вплоть до самого "мелкого", трехлетнего сезона.

Можно сказать, что история наций-общин состоит из трехлетних (или даже девятимесячных) временных квантов, обладающих как повторяющимися, так и неповторимыми признаками. Например, 12 летний сезон повторяется в 48 летнем цикле, но он же, как часть 48 летнего сезона, повторяется только в 192 летнем цикле и т.д., вплоть до 12288 летнего S-перехода, не цикличного, а "скачкового" и потому в принципе неповторимого...

МАКРОЦИКЛЫ

Макроцикл (3072 летний цикл) – это цикл активности национальной души (коллективного бессознательного нации-общины?) или цикл активности нации в ее теологических основах. Для этой души не суть важно, сильна нация или нет, для нее важно другое – насколько многообразна среда обитания человека, насколько она способствует революции вида. Поэтому национальная душа не стремится предотвратить страдания, бедность и унижения нации и составляющих ее групп людей, если эти страдания, бедность и унижения прибавляют ей знаний и мудрости.

Макровесной нация и ее человек активны, деятельны, экспансивны, задиристы, наивны, самонадеянны, по-детски жестоки. Нация как губка впитывает глубокие религиозные и философские знания, но то, что выдает сама похоже на примитивную подделку, впрочем, это заметно только для наций, находящихся выше (а не ниже) на линии S-перехода.

Формула внешних взаимоотношений макровесенней нации – "От других к себе", причем впитываются глубокие, "душевные" истины.

Макролетняя нация и ее человек одухотворены великой гармоничной идеей. Нация несет ее, как миссию, другим народам, причем небезуспешно.

Формула внешних взаимоотношений макролетней нации – "Для себя и для других".

Макроосенняя нация и ее человек одухотворены, как и летом, великой идеей, но вместо гармоничной, живой, пронзительной до осознанной жертвенности "увидеть и умереть" и в то же время ласковой, как теплый летний ветерок, чувственности, приходит тяжеловесная,

обидчивая и монументальная одержимость. Краски сгущаются, полутона исчезают, рельеф становится четким и ясным, как удар ножом. Жертвенность и глубина становятся жертвой, могилой духа.

Формула внешних взаимоотношений макроосенней нации – "от себя к другим", ведь нация идет к великой цели, ломая и круша на своем пути, она вынуждена отдавать в уплату "за нанесенный ущерб" все лучшее, что накопила весной и летом.

Макрозимняя нация и ее человек погружаются, через 100-150 лет после начала цикла, в "растительное существование". Нация тихо страдает, правда, не от утерянной славы и гордости, а от мелких обид. Но, находясь "под паром", она копит силы для новой миссии в следующем макроцикле.

Формула внешних взаимоотношений макрозимней нации – "В себе и для себя".

БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ*

Большой цикл, т.е. 768 летний, – это цикл развития и угасания общинной личности (духа или коллективного сознательного) нации-общины и одновременно цикл роста, закоснения и разрушения "материального" могущества нации.

Под "материальной" мощью нации (т.е. материальной в кавычках), понимается не непосредственно материальное богатство и военная мощь, а продуманность и сложность "интеллектуальной собственности" – политических, юридических, экономических, социальных систем, в общем того, что можно назвать производственными и надстроечными отношениями. Другими словами, это способность экономических систем производить материальное богатство, социальных – распределять созданное богатство, а политических – производить государственную мощь, в т.ч. и военную.

В рамках большого цикла нация борется за "место под солнцем". Ниже даны описания сезонов большого цикла. Обратите внимание на то, что эти описания больше всего соответствуют нациям, находящимся в летнем макроцикле, меньше в весеннем и осеннем и сильно смазаны – в зимнем.

Большое лето можно назвать институциональным или антиинституциональным периодом. Большое лето начинается в то время, когда страна в результате предыдущего развития "материально" еще относительно слаба, но духовно сильна и едина. Новые ценности стали общепринятыми.

Это повысило оптимизм и активность (духовную силу) большинства людей и общин в этой стране, одновременно усилило их солидарность, умение действовать сообща во благо всей страны. "Материальная" мощь, впрочем, уже достаточна (но главное, гармонична), чтобы предпринять экспансию вовне, будь то агрессия или распространение влияния. Энергия людей бьет через край, а влияние страны быстро растет.

"Летом" в стране проводятся серьезные и, самое главное, успешные реформы: политические, экономические, военные, социальные.

Летняя агрессивность не такая целеустремленная, как осенняя, она идет от избытка здоровья и силы. Летняя нация скорее ненароком кого-нибудь зашибет, чем сделает это по заранее спланированному сценарию.

Большую осень можно назвать "материальным периодом". Большая осень начинается на пике духовной мощи, но официальная идеология уже закоснела, как и многие народные привычки. Это уже сказывается на темпах развития. Появляется определенный зазор между национальным духом и бытием, который в дальнейшем усиливается.

Национальный менталитет (т.е. то, что нация думает о себе самой) и объективные его характеристики также начинают расходиться, появляется, заметное глазу иностранца, самодовольство, не критичность по отношению к себе и своим, и т.д.. В обществе распространяется упрямое экспансионистское настроение, т.к. появляется искушение использовать свою мощь как силу для остановки начинающегося процесса собственной дезинтеграции и упадка духа.

Летняя и весенняя агрессивность – веселая и лихая (в тяжелых случаях – "шизофреничная"), осенняя – злобная и тяжелая, параноидальная.

* Примечание: это переработанная глава из моей статьи "Предположение о структуре Истории"

Большой осенью все эти проблемы усиливаются, начинается дезинтеграция "материальной" основы, но в период "бабьего лета", т.е. в начале осени, происходит чудо расцвета искусств, рождаются великая литература, живопись и т.д. Причем, для периода характерны не отдельные яркие вспышки гениев-одиночек, а целая череда гениев, поддержанных сотнями и тысячами талантливых мастеров. Возможно, этот расцвет имеет не только подытоживающий почти 400 лет развития характер, но и, частично, характер компенсаторный. Художники и музыканты ищут новые возможности для развития нации, "латают дыры" в национальном духе, но им это удается только частично, т.к. открытия искусства несравнимы с открытиями религиозными.

Но если страна в это время одержима экспансионистскими настроениями, то творческая энергия гениев уходит не в искусство, а в науку, организацию, карьеру. Гении, не принявшие правил игры помешанного на экспансии общества, погибают от удушья или их убивают.

Большую зиму можно назвать "духовным периодом" или, с тем же успехом, "циничным", т.к. одновременно с распадом старого духа происходит рождение нового. Большая зима приносит морозы и, хотя уровень национального богатства высок, но структура его перекошена, там много "хлама", начинается абсолютное сокращение "материальной" культуры, ее примитивизация, снижение качества, ответственности. Все это сопровождается явными признаками утраты солидарности людей и общин. Идет активная дезинтеграция общества по всем параметрам, в т.ч. нравственным.

Но уже в начале периода в среде интеллектуальной элиты пелена спадает с глаз: рушатся авторитеты, в обществе распространяется цинизм, но одновременно открывается простор для новых идей и духовных исканий.

В конце периода уже в среде не интеллектуальной, а новой духовной элиты обретается новая национальная идея, причем, не только идея, а вся система ценностей. Позже формируется политическая, властная элита, разделяющая эту систему ценностей.

На пике этого периода (средней зимой большой зимы) общины более низкого порядка как бы освобождаются от контроля национальной общины, территориально обособленные части нации могут стать новыми нациями.

Страна в этот период наиболее уязвима для внешних агрессий и внутренних распрей, тем более, что материальное, вещественное богатство в первой половине большой зимы еще значительно – "есть что делить". Тем и занимаются – делят, отбирая у более слабого.

Зима может быть мягкой, если соседи спокойные или цивилизованный сосед установил свое политическое господство в стране, тем самым искусственно интегрируя ее, препятствуя внутренним деструктивным проявлениям. Очень суровая зима грозит расколом и даже исчезновением народа, а в лучшем случае обретенный новый национальный дух будет содержать в себе "мину замедленного действия", комплекс неполноценности, которые в будущем создадут проблемы для народа, страны и соседей.

Большую весну можно назвать "народным периодом", и, с тем же успехом, "антинародным" – уж очень много народных страданий в нем. Большая весна начинается в период наибольшей разрухи. Страна внутренне дезинтегрирована, бедна, но над ней уже простирается какой-то радостный духовный свет. Этот дух вполне уместно сравнить с настроением и запахами ранней весны. Народ снова полон надежд и неясных, но радостных предчувствий. Начинается духовное возрождение нации. Все больше людей принимают новые ценности, обычно происходит религиозная реформа, глубокая социальная реформа.

В конце большой весны материально страна не намного сильнее, чем в начале. Но имеются хорошие перспективы для дальнейшего роста, люди полны оптимизма и силы. Даже войны и смуты не подрывают этой динамики роста, уничтожая материальные ценности, неся гибель людям, они не уничтожают, а укрепляют "материальные" системы, в том числе институты социальные и экономические. Они укрепляют духовные силы людей, неся с собой, как ни странно это звучит, какое-то праздничное, карнавальное начало, тем самым даже в море крови укрепляя дух и оптимизм. Народ ищет ответа на вопросы и находит их, сами несчастья не парализуют, а воспринимаются как уроки на будущее.

Если снова попытаться ответить на вопрос, что такое большой цикл, то ответ может быть и таким: это цикл приспособления нации к новой, изменившейся реальности

материального мира и реальности окружения других наций и, одновременно, цикл преобразования этого окружения, переделывания его под свои ценности на основе собственного плана-прогноза. Это основной телеологический цикл, который исследуется, прежде всего, через изучение политических, социальных, экономических явлений.

СРЕДНИЕ ЦИКЛЫ*

Средний цикл так же состоит из четырех сезонов.

Среднее лето можно иначе назвать "гармоничным периодом" развития национального духа, но в каждом из больших сезонов эта гармония имеет разное значение. В период большого лета происходит наиболее интенсивный рост материального и "материального" богатства, одновременно духовное развитие замедляется и какое-то время эти процессы идут с равной скоростью – прежде всего отсюда "гармония".

В период большой осени это бабье лето духовных открытий и болдинская осень искусств. В период большой зимы это интенсивное подражание внешним проявлениям других культур и активное приспособление к соседним культурам. В период большой весны это наиболее интенсивное распространение в народе новых ценностей, это чудо возрождения народной нравственности.

Среднюю осень можно назвать "реформистским периодом". В период большого лета происходит наиболее интенсивное создание новых экономических, социальных, политических институтов. В период большой осени происходит глубокое реформирование институтов общества. В период большой зимы это анархия почти во всех сферах жизни. В период большой весны происходит восстановление внутреннего единства народа на новых духовных основах.

Среднюю зиму можно назвать "кризисным периодом". Для периода большого лета характерно такое явление, как "власть дуриет", или, по другому, богатые и знатные "с жиру бесятся". Политические неурядицы, однако, не останавливают развития, но притормаживают его. Массовая активность людей еще довольно легко перекидывается в те сферы общественной жизни, где общественные и личные интересы совпадают.

В период большой осени решительно проводятся, как правило, ложные реформы, которые приводят к тяжелым последствиям. В период большой зимы страна и общество проходят пик дезинтеграции, но духовная элита уже нашупывает путь к спасению.

В период большой весны развитие приобретает настолько бурный характер, что чаще всего это приводит к хаосу, временной дестабилизации общественной жизни. Новый национальный дух впервые порождает массовый и жестокий фанатизм.

Среднюю весну можно назвать "периодом озарения". В период большого лета это наиболее красивый и богатый период. В период большой осени происходит "возвращение к истокам". В период большой зимы происходит духовное озарение, формирование национального духа. В период большой весны идет бурное развитие всех форм общественной жизни, динамичное формирование новых институтов. Турбулентное течение снова становится ламинарным.

Подводя итог, сформулируем сущность среднего цикла: от гармонии к реформированию (динамизации), затем к кризису и, далее, к озарению (восстановлению гармонии). В отличие от большого цикла, определяемого как "цикл жизни" национального духа (конкретной его формы), средний цикл является циклом активности национального духа, а можно сказать и так: цикл настроения национального духа.

ЦЕННОСТНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД

Вторая методология разрабатывается исходя из предположения о том, что, зная характер народа, его "программу", хотя бы его цели и ценности, можно достаточно правдоподобно спрогнозировать, или, за неимением времени и терпения, "сфантазировать" и ход его истории, устремленной к этим целям, к воплощению основных ценностей народа. Эту методологию можно назвать ценностно-целевой.

---

* Примечание: это глава из моей статьи "Предположение о структуре Истории" с незначительными изменениями

Мысль о том, что знание характера народа может дать ключ к пониманию его истории и прогнозированию его будущего, далеко не нова. Возможно, что ей столько же лет, сколько самой культуре. Но размышления ученых нового времени об этом предмете скорее беспомощны, чем оригинальны:

"Если бы было возможно, говорит Кант, проникнуть достаточно глубоко в характер одного человека и народа, если бы все обстоятельства, действующие на индивидуальную или коллективную волю, были известны, то можно было бы точно вычислить поведение данного человека или народа; так же, как высчитывают время солнечного или лунного затмения. Стюарт Милль, ум положительный в своих основных принципах, но восторженный в своих выводах, предполагал, что психология народов будет в состоянии со своей стороны сделать возможным для нас почти столь же чудотворное предсказание событий, наилучший пример которого дает астрономия. Он представлял себе науку о характерах вообще, а особенно о национальных характерах, как своего рода социальную астрономию, которая может сделать нас способными предсказывать малейшие изгибы кривой, определяющей жизненный путь людей и наций. Еще совсем недавно аналогичные мысли высказывал Гумплович. По его мнению, если часто бывает трудно угадать, что сделает в данном случае отдельная личность, то можно предвидеть действия этнических или общественных групп: племен, народов, социальных и профессиональных классов" (А. Фуллье).

Ф. Ницше, как всегда точно и емко, выразил эту мысль словами:

"Поистине, брат мой, если узнал ты потребность народа, и страну, и небо, и соседа его, ты, несомненно, угадал и закон его преодолений, и почему он восходит по этой лестнице к своей надежде".

Ценностно-целевой метод разрабатывается на основе гипотез о существовании двух троичных-четверичных кодов-субъектов "тео" и "телео".

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОД

Код-субъект "тео" реализуется (воплощается) в течение 12288 лет. По-видимому, это и есть София или Премудрость Божия. Структурно он задает соотношение между новой, переживающей становление, общинностью (ей в христианской теологии полностью соответствует образ Бога-Отца), общностями, т.е. миром идей, подчиненным общине (это Дух), духовно-душевыми мирами людей, устремленными к общине (это Сын), а также общинностью обреченной, преодолеваемой, но сопротивляющейся (это дьявол).

В истории современного человечества, как истории наций, насчитывающей уже 10 тысячелетий, преодолеваемой является надплеменная (квазинациональная) общинность, а воплощающейся – национальная. А общечеловеческой истории еще не было.

Код-субъект "тео" работает как основная программа преобразования современного человека, т.е. кроманьонца. Революция вида происходит через фрактализацию этого кода, его воплощение в институтах общества, в событиях национальной истории, а, ближе к концу, после полного опробывания воплощенных в истории идей, этот код всего в течение нескольких десятков поколений перестроит и генетическую программу человека (образуется новый вид). Поэтому история – это и отчаянная гонка наций, первыми стремящихся достичь финиша.

Корневой интерес у теологического кода-субъекта – это заинтересованность в создании максимально разнообразной среды и в том, чтобы естественноисторический "эксперимент" не прервался катастрофой, катаклизмом вроде тотальной ядерной войны.

И, быть может, современный "ненормальный" научно-технический прогресс инициирован коллективным сознанием в предвидении близкой опасности вселенской катастрофы, например, из-за приближающегося столкновения с метеоритом, с какой-то другой серьезной объективной опасностью для человечества, предотвратить которую и призвана современная научно-техническая революция?

Правда, для конкретного историологического и футурологического анализа неважно, есть ли такая, чисто "техническая", внешняя цель у истории или ее нет. Главное, что в истории есть внутренняя цель и внутренняя логика, мягкий, но неумолимый закон – закон совершенствования вида.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОД

Код-субъект "телео" раскрывается в 768 летнем цикле на основе Провидения – стратегического плана-прогноза нации-общины. Он включает в себя три базовые национальные ценности и одну антиценность, которая, впрочем, в силу своих подражательных способностей, тоже может "разстроиться".

Базовые ценности "отвечают" одна – за личностный идеал нации, другая – за принцип и способ формирования первичных социальных и политических коллективов-кирпичиков, третья – за универсальный правовой язык общения, за сопряжение этих коллективов-кирпичиков и личностей между собой и друг с другом.

Антиценность – это национальный комплекс, "раковая клетка" нации и, одновременно, "тайный агент" кода "тео" в коде "телео". Этот агент постоянно вредит своей нации а, захватив власть (и такое бывает), может обезличить и даже разрушить ее. Он толкает ее на безумные эксперименты, причиняет страдания и несет смерть людям, массам людей. Но он же выводит миссию нации за пределы ее собственных интересов, в широкий круг многонационального взаимодействия. Более того, этот агент сопрягает интересы нации, как совокупности ныне живущих людей, с интересами Человека, как носителя генетической программы, созданной сотнями миллионов лет Эволюции.

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ

Вот такая "рациональная мифология". Характеристики исторических сезонов, правда, далеко не исчерпывающие, даны выше. Но вам надо быть готовым к тому, что характеристики, сами по себе, мало помогут без интуиции, без вчувствования в эпоху как, к примеру, весеннюю, праздничную или, напротив, промозглую, с унылой опадающей листвой.

Еще важнее помнить и о том, что существует много фактов, подтверждающих "силу", "слабость", "активизацию", "угасание", "шизофрению", "паранойю" и т.д. нации и ее элиты, которые лучше улавливать и усваивать в потоке историологического описания, чем пытаться сконструировать некую теоретическую модель с последующим ее формальным наложением на живую историю. Так не получится.

Необходимо помнить и о том также, что не столько само будущее прогнозируется, сколько некие будущие состояния нации-общины и вектор ее развития. Живая история может далеко отклоняться от этого вектора, ведь и здоровяк может помереть, а калека жить и даже здравствовать...

Поэтому к историологическому анализу, кроме выше определенного инструментария, должны быть привлечены "классические" политологические, социологические, социально-психологические, историографические и т.д. инструменты.

Очень эффективен здесь и инструментарий сценарного прогнозирования, также утверждающий примат воображения, но "воображения дисциплинированного", над позитивистским моделированием, как правило неэффективно переносящим методы точных наук в науки общественные.

И, между прочим, хорошая интуиция, тренированная опытом и "заряженная" знаниями, способна и без теорий и формализаций "выдать" правильные предсказания:

"Французская революция была предсказана Руссо и Гольдсмитом; Артур Юнг предвещал Франции, после кратковременного периода насилий, "прочное благосостояние, как результат ее реформ". Токвиль, за тридцать лет до события, предсказал попытку южных штатов американской республики отделиться от северных. Гейне за много лет вперед говорил нам: "Вы, французы, должны более опасаться объединенной Германии, чем всего Священного Союза, – всех кроатов и всех казаков". Кинэ предсказал в 1832г. перемены, которые должны были произойти в Германии, роль Пруссии, угрозу, висевшую над нашими головами, железную руку, которая попытается снова овладеть ключами Эльзаса. Так как государственные люди поглощены текущими событиями, то близорукость – их естественное состояние. Отдаленные предвидения могут основываться лишь на общих законах психологии народов или социальной науки. Этим объясняется тот кажущийся парадокс, что легче предсказать отдаленное будущее, чем ближайшее, находящееся на расстоянии, доступном, по-видимому, каждому глазу" (А. Фуллье).

В эту книгу проще всего вникать через интуитивное погружение. Критическое мышление пусть пока постоит за дверью нашей доверительной беседы. Но потом оно востребуется.

II. ЭСКИЗ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ

СХЕМА

Ниже показана схема германской истории, в которой развернут "дневной" или третий макроцикл дорийско-фракийско-"ясторфско"-германской истории. Макроцикл включает четыре макросезона – больших цикла. Большие циклы, в свою очередь, состоят из четырех больших сезонов – средних циклов.

<p>"Возврат" фракийцев и начало "дневного макроцикла" германцев - 11</p>				МАКРОВЕСНА				757
-11	большая весна	181	большое лето	373	большая осень	565	большая зима	757
757				МАКРОЛЕТО				1525
757	большая весна	949	большое лето	1141	большая осень	1333	большая зима	1525
1525				МАКРООСЕНЬ				2293
1525	большая весна	1717	большое лето	1909	большая осень	2101	большая зима	2293
2293				МАКРОЗИМА				3061
2293	большая весна	2485	большое лето	2677	большая осень	2869	большая зима	3061
								<p>Конец "дневного германского макроцикла" и начало "вечернего"</p>

ПРЕДЫСТОРИЯ

Германский большой цикл и цикл греческий совпадают. Но германцы отстают от греков и греко-фракийцев на один макросезон. В I – VIII веках греки находились в макролете, а германцы в макровесне. Случайно это или нет?

Не случайно. Ведь германцы это те же греки. Или дорийцы. А точнее, они фракийцы – даки и геты. Все эти нации являются носителями одного и того же общинного кода.

Большой греческой зимой II – I веков до н.э. в Европе, взмученной македонцами, галлами и римлянами, на основе ясторфской культуры, распространившейся на обширных территориях Средней, Восточной и Юго-Восточной Европы, образовалась германская нация. Появилась огромная страна – Свевия, и тесно связанная с нею Гетия-Дакия, вместе занимающие пространство от Дуная и Черного моря до Рейна, Северного и Балтийского морей.

В это время и сложились первая форма германской нации – свевская (свебская). Правильнее сказать, свевы были взвесью кельто-германских племен, постепенно сепарирующей на верхний – германский и нижний – кельтский, слои. В Дакии "дунайские германцы" были переплетены с родственными им гетами и даками. Всем этим утверждениям есть множество, пусть противоречивых, но позволяющих увидеть общую картину, подтверждений:

"В сведениях Диона Кассия содержатся данные и о свевах, и о даках, что заставляет предполагать соседство обоих народов. Дион писал об играх, которые давал римскому народу Август по случаю Актийской победы над Антонием: на арене цирка пленные даки и свевы боролись в кулачном бою. Относительно свевов Дион сообщает, что они являются кельтами. Даки же своими нравами и обычаями принадлежат к скифам. Свевы обитают на берегу Рейна, хотя многие другие племена, поясняет Дион, называют себя принадлежащими к народу свевов. Даки же обитают на берегу Дуная. Это сообщение Диона подтверждает значительность объединения свевов и указывает также на их местоположение, поскольку

свевы в его время оказываются и на Рейне, и по соседству с даками. Можно считать их одним народом – свевами, часть которого продвинулась далеко на запад, к Рейну" (Ю. К. Колосовская).

И далее: "Для Страбона свевы – это племена, о которых "говорят, что они германцы". Эта оговорка заставляет сомневаться, были ли они германцами на самом деле. Свевы, продолжает Страбон, самое большое племя, к ним примыкает земля гетов. На границе с гетами был расположен Герцинский лес, который берет начало близ истоков Дуная. Занятая свевами территория простирается от Рейна до земель гетов. В сообщении Страбона речь идет о свевах, которые достигли Рейна при Цезаре, а также о тех, которые остались дома и сами себя называли свевами. Вся народность свевов занимала пространства от Рейна до владений даков. Названный Страбоном Герцинский лес является обширным лесным массивом южной Германии, тянущимся до Карпат. А это заставляет считать, что под властью свевов действительно находилась обширная область Европы вплоть до земель даков" (Ю. К. Колосовская).

О даках: "В этот мир племен Центральной и Юго-Восточной Европы I в. н.э. составной частью входили и племена даков. Они сыграли немалую роль в войнах придунайских племен, под ударами которых пало на Дунае кельтское сообщество бойев. История даков, как уже говорилось, была также связана и со свевами, а именно с той их частью, которая издавна принадлежала к народам внутренней Германии; Тацит назвал их народами "истинными и древними". Жизнь даков доримского времени остается, к сожалению, почти неизвестной, хотя, несомненно, она была схожа с историей соседних народов: свевов, семнонов и лугиев" (Ю. К. Колосовская).

Определилась ценностная основа германцев, как свободных и воинственных людей (тех же дорийцев), подсознательно устремленных к греческому идеалу Одиссея-странника и воина. Одиссей только в движении обретает себя, обретая свою судьбу. В возвращении домой видит конечную цель, но живет здесь и сейчас.

Их ценностная система: в политическом устройстве – это партикуляристская империя эллинистического образца; их личностный вектор – это Одиссей странствующий, открывающий мир и возвращающийся; их социальный мир – то, что можно назвать "эклесиальностью", "народностью" или верховным правом народного собрания.

ВЕСНА

Напомним схему "макровесны" в "средних циклах":

- 11	МАКРОВЕСНА						757	
-11	большая весна	181	большое лето	373	большая осень	565	большая зима	757

Есть что-то магическое в имени Ариовиста – первого, известного истории, вождя германских племен. В этом имени словно слились воедино дух греческих богов и дух эпохи великих переселений народов. В нем словно вихрь и крушение эпохи!

Ариовист был разбит Цезарем и бежал за Рейн вместе с остатками своего войска. Римское государство в то время уже приближалось к вершине своего могущества, а младенческий германский дух цепкой ручонкой Геракла ухватил его за шею и "чуть было" не задушил.

С тех пор мир на востоке за Рейном становится германским. Римляне, хоть и не сразу, это признают. Мир к западу от Рейна перестает быть галльским. Он становится римским. Эпоха галльских побед закончилась еще в III веке до н.э. Наступила галльская макрозима, которая продлится с конца II до н.э. до середины VII века н.э. Поэтому великое галльское племя сначала подпадет под господство римлян и германцев, а потом – только германцев.

Но уже в VII веке проснувшиеся галлы дали отпор наступавшим из Испании арабам. Они составили основу боевой мощи и элиты предфранцузского общества, которое осознало себя в этом веке чем-то иным, выделенным из германского мира.

В имени и делах Карла Великого во второй половине VIII века слились силы большевесенних германцев и галлов. Империя Карла не стала империей великой германской нации. Это была империя двух наций-общин: более зрелой, но только что очнувшейся от 150

летней спячки, германской и молодой, обновленной, уже более столетия бодрствующей галльской. Франки-германцы не могли не утонуть в галльском демографическом море:

"Франков было, возможно, примерно 80000 человек, бургундов – 100000, вандалов – 20000 (когда они пересекали Гибралтарский пролив, их было примерно 80000), и остальных не больше. Столкнувшись с населением, достигающим многих миллионов человек, они не могли не подпасть под действие закона численности. Анри Пиренн любил повторять, что варвары варваризировали Империю, но утонули в массе ее населения, утратив свой язык и переняв латынь и романские языки, утратив свою религию и переняв христианство" (Ф. Бродель).

Италийцы во времена империи Карла Великого все еще находились в макрозиме и спускались к низшему уровню своей активности в 853-1045. Поэтому в это время, несмотря на возрождение идеи Римской империи, италийцы, как и папский Рим, либо следовали в фарватере политики германско-галльской империи, либо влачили "растительное существование" под германцами, византийцами, норманнами и сарацинами, кроившими – делившими Италию.

Но вернемся во времена Римской империи. Через сто пятьдесят лет после Ариовиста римляне и фракийцы-германцы, а точнее даки, в союзе с "дунайскими германцами" (тоже свевами), вновь столкнулись в бескомпромиссной войне. На этот раз это произошло не на берегах Рейна, а на берегах Дуная.

Римляне столкнулись уже не с позднезимними германцами, как во времена Ариовиста, а с германцами, находящимися в середине большой весны. Сами римляне уже вступили в свою большую зиму. Таким образом, соотношение сил национальных общин существенно изменилось. Римляне "в духе" существенно ослабли, а даки и германцы усилились.

Римляне и на этот раз победили германцев. Но траянские войны (войны императора Траяна) в Дакии и Персии стали последними крупными завоевательными войнами Римской империи. Эти войны, несмотря на формальную победоносность, закончились пирровой победой. Уже через несколько десятков лет римляне начали отступление из Дакии, отступая перед усиливающимся напором германских племен.

Последующие войны для германцев уже не были войнами защиты, они стали наступательными войнами.

Германское имперское пространство, появившееся на месте Римской империи, стало воплощением идеи империи Александра Македонского, не просто терпимой к чужим культурам, а призванной к служению культурам завоеванных народов:

"Плутарх пишет очень хорошо: "Его намерением не было пройти и опустошить Азию, как сделал бы глава разбойников, ни грабеж и разорение для неожиданного удовольствия добычи, как со временем Ганнибала делала Италия... его воля была такова, чтобы сделать всю обитаемую землю подчиненной одному разуму и всех людей гражданами одного и того же полиса и одного и того же правительства. Вот причина, почему также он изменял свою одежду. Он хотел, чтобы, если бы великий бог, который послал душу Александра сюда, на землю, отозвал ее вдруг к себе, чтобы в этом случае имелся только один закон, который и царствовал бы над всеми живущими, и чтобы весь этот свет управлялся одной и той же справедливостью, как освещался одним светом. Вот поэтому первый замысел и первое намерение его экспедиции и показывают, что у него была цель истинного философа, который совсем не был завоевателем ради удовольствия и огромных богатств, а ради того, чтобы создать всеобщий мир, согласие, единство и общение всех людей, живущих вместе на земле" (А. Боннар).

Не случайно "самым популярным античным героем в средние века был Александр Македонский, вдохновитель целого романного цикла; он побывал и на дне морском, спустившись туда в батискафе, и на небесах, куда его подняли два грифона. Рядом с ним стоял Траян, обязанный своим спасением некоему милосердному деянию, о котором сообщает "Золотая легенда" (Ле Гофф).

Символическая пара: Александр и Траян! Один носитель жертвенного греческого, другой – жертвенного римского духа.

На этом пространстве не было предусмотрено единого города-центра, куда бы, как и в Рим, "вели все дороги". Отношения здесь строились не через отнесение всех норм и действий

в обществе к единым абстрактным принципам, а через систему свободных (уникальных, партикулярных) договоров, через систему "горизонтальных" отношений. В этой системе право творится не "сверху", а "сбоку":

"Принося клятву верности, вассал обязуется не причинять вреда сеньору, не покушаться ни на его личность, ни на его имущество, ни на его честь, ни на его семейство. Часто встречаются акты оммажа, в которых вассал клянется уважать "жизнь и члены" сеньора. Эти отрицательные обязательства были, по-видимому, взаимны. "Сеньор, – говорит Бомануар, обязан своему человеку такой же верностью и преданностью, как человек – своему сеньору". Сеньор и вассал обязаны любить друг друга. Каждый из них воздерживается от какого бы то ни было враждебного поступка по отношению к другому. Поэтому сеньор не должен ни нападать на своего вассала или оскорблять его, ни соблазнять его жену или дочь. Если он сделает это, вассал может порвать связь с сеньором, сохраняя все-таки феод. Этот разрыв обозначается актом, который составляет противоположность инвеституры: вассал бросает соломинку или перчатку; это называется *defi* (уничтожение верности)" (Э. Лависс и А. Рамбо).

Именно эта система породила германский текучий племенной мир, который затем преобразовался в феодальную систему, с ее естественной, ненавязчивой и гибкой иерархией.

ТЕНЬ

Но, вместе с тремя ценностями, германцы несут в себе и одну антиценность – комплекс любви-ненависти к централизованному государству. Это Тень германского духа.

В V веке германцы добились Римскую империю, но тут же провозгласили ее вновь. Однако продолжили искоренять институты Рима, причем, с последовательностью не варваров, а византийских политиков. Иначе говоря, "антицивилизованность" германских варваров уже давно носила не естественный, а сознательный характер. Римская империя не была разрушена вихрем диких орд, она была последовательно демонтирована германскими вождями.

За пять веков взаимодействия с римской и греческой цивилизациями германцы вполне "окультуривались". Римская империя фактически уже несколько веков была по своему составу преимущественно варварской, причем не только по населению, но и по управленческому составу Империи – ее чиновничеству.

Поэтому Римская империя не была уничтожена стихией. Она была демонтирована сознательной силой. А если речь пойдет о варварских разрушениях и убийствах, так мы знаем и "неварварские": погром крестоносцами Константинополя, резню армян современными турками, геноцид евреев, учиненный немцами в XX веке, наконец, Хиросиму и Нагасаки. Примеров цивилизованного геноцида и варварства достаточно и они множатся.

Последовательнее всего германцы в V – VI веках искореняли римский централизм, уничтожая институты, которые могли бы возродить Империю-спрут. Искоренению подверглось чиновничество, писатели, ученые и торговцы. Но не "профессии" военного, земледельца и монаха. Уничтожались города, а дороги зарастали травой.

Упадок культурной жизни, торговли и городов привел к позднему представлению об этих веках, как о "темных". Но ведь темны они лишь потому, что мы о них мало знаем, а узнали бы больше – изменили бы это мнение. И, между прочим, такая перемена в оценке Раннего Средневековья уже происходит.

Духовная жизнь в это время была ключом. Только эта жизнь была закрыта в дворцах племенных вождей, на виллах богачей и в общежитиях армейских и монастырских братств, а также во внутриплеменных институтах: на тингах, пирах и в церквах.

Упадок хозяйственной жизни в Римской империи наступил задолго до варварского нашествия, и хотя с упадком городов и коммуникаций, хозяйственная жизнь не могла не разрушаться, мы знаем, что в самые "темные века" (VI – VIII) внедряются новые системы землепользования, формируется крестьянство как великое производительное сословие и вполне дееспособные верхние сословия: военно-аристократическое и духовное.

Германцы, последовательно разрушив основы римского централизма и создавая новое общество, соответствующее германской ценностной системе, все же подсознательно стремились к Римской империи и к Риму как мировому центру. Рим был низведен до уровня

провинциального центра, но "почему-то" не был стерт с лица земли, как Вавилон или Карфаген. Он с неудержимой силой манил германцев к себе, обладая в германском мире великой магической силой и властью:

"Теперь на смену прежнему образу свирепых воинов, обрушившихся на Западную Европу, приходит образ "людей, в изумлении взирающих на то, как обваливаются стены Империи, в ворота которой они до сих пор стучались и входили на цыпочках" (limes для германцев была Teufelmauer, стеной дьявола). Что же до их вождей, то уже Франсуа Гизо, ставший в этой области предтечей современных историков, описывал, как они "упорно рядились в какие-нибудь римские обноски, подобно негритянскому царьку, что облачается в европейский мундир" (Ф. Бродель).

Историческая одиссея германцев – это и вечное возвращение в Рим. Что может быть сладостнее и почетнее, чем признание и покорность заклятого вечного врага?

Альфред Вебер невольно утверждает это, говоря: "на самом деле римская история Моммзена захватывает нас как потрясающей глубины огромная трагедия, как наша собственная участь".

И вот Карл Великий коронуется в Риме, вознося сравнительно малозначительного римского епископа в высшие духовные авторитеты. Папская власть еще два века после Карла будет деградировать (ведь наступит большая зима италийской нации), а германские императоры будут, словно шизофреники, стремиться в Рим за короной Римской империи.

Через 150 лет после Карла король Восточно-франкского королевства Оттон I также примет от папы корону римского императора. Западные франки (будущие французы), к тому времени давно осознавшие себя галлами, не стремятся к римской короне. А вот восточные, как бабочки на костер, еще многие века будут слетаться в Рим.

Германский комплекс – это и попытки примирения двух имперских начал: александровского эллинистического и римского цезаристского. Не важно, что первоначально в системе Германской империи римскому папе предназначалась не самая важная роль, подобная роли константинопольского патриарха при византийском императоре.

Но на то он и комплекс, чтобы обманывать ожидания "больного".

Патриарх Константинопольский возглавлял греческую церковь как внутреннюю, греческий император управлял греческой государственной администрацией и армией. Византийское государство и Православная церковь составляли иерархию греческой нации. А вот германская нация в той же Италии была представлена только в верхних слоях итальянского общества. Папская власть росла и выросла на иной, негерманской почве – итальянской. После начала макровесны ее сила подпитывалась соками итальянской нации-общины.

Даже Карл Великий реально не мог претендовать на объединение церковной и императорской власти:

"В Византии "басилевсу" удалось заставить рассматривать себя, как священную особу, бывшую одновременно главой духовной и политической власти. Это и получило название цезарепапизма. Похоже, что и Карл Великий пытался объединить в своем лице звания духовное и императорское. Возложение рук во время коронации 800г. напоминало обряд рукоположения в священство, как если бы Карл отныне облакался властью священника. Он именовался новыми Давидом, новым Соломоном, новым Иосией, но Г.Фихтенау остроумно заметил, что в тех случаях, когда его называли "государем и священником" ("rex et sacerdos"), ему, как уточнял Алкуин, приписывались функции проповедника, пастыря, но не священника, наделенного благодатью. Ни один текст не описывает его как нового Мельхиседека – единственного ветхозаветного царя-священника в строгом смысле этого слова" (Ле Гофф).

Вот основной парадокс (обман) комплекса-антиценности следующей – "летней" эры германской истории. Вместо утверждения германского единства, Германская империя, как бы против воли императоров, утвердила дуализм власти: императорской германской и папской итальянской.

ЛЕТО

Напомним схему макролета в средних циклах:

757	МАКРОЛЕТО						1525	
757	большая весна	949	большое лето	1141	большая осень	1333	большая зима	1525

Германское имперское пространство, ставшее во второй половине VIII века реальностью великой империи, было не возрожденным римским, а преобразованным эллинистическим.

Но и Рим не умер. Он восстанавливал силы для того, чтобы во втором тысячелетии бросить вызов германскому миру и вновь утвердить "централистско-низовой" принцип. Позже в этом ему помогут и галлы, с их "централистско-верховым" принципом.

Уже в VII веке в германском мире началось обособление галло-франкского мира. Это обособление было бесконфликтным и естественным благодаря особой феодально-"демократичной" структуре германского общества. Германские отношения феодальности и корпоративности в VII веке пронизывали всю Западную – Среднюю Европу, не мешая самореализации других наций, волей-неволей оказавшихся в сфере германского права.

Не политика королей и императоров, а само общество творило историю и культуру, в том числе и политическую.

Испания, по-видимому, не смогла освободиться из-под власти арабов из-за макрозимнего периода испанской истории, полностью совпадающей с италийской.

В период последней четверти большой италийской зимы в преддверии макровесны, т.е. в начале XI века, Италия снова выйдет на европейскую политическую сцену. А во второй половине XI века папский Рим предпримет успешные очистительные реформы.

Рим вновь начнет реализовывать римскую имперскую идею, преобразованную в идею папской теократической империи. Это была не столько религиозная, сколько политическая идея.

А каково было место католицизма в ценностных системах германцев? Ведь католицизм был изначально италийским явлением.

Если вернуться к базовым германским ценностям: "феодальной империи", "Одиссея-воина" и "политической общины народного собрания", то в них мы не увидим места для узурпации какой-либо из этих ценностей исключительно религиозным сознанием.

В политической ценности "феодальной империи" Церковь может быть рядом, как одна из сил, она тоже правит "сбоку", а не "сверху". В личностной ценности "Одиссея-воина" мы видим крестоносца – все-таки воина, а не монаха. В социальной ценности "народного собрания" мы видим на сеймах и рейхстагах представителей не только черного и белого духовенства, но и представителей светской аристократии, рыцарства и городского патрициата.

Религиозные идеи пронизывают всю духовную жизнь германцев после принятия ими христианства, но они уравновешены вполне светскими идеями, направляющими энергию нации на расширение германского мира.

Католицизм для немцев – это поиск равновесия в служении другим нациям. Немцы в то время не могли, даже если бы захотели, замкнуться в себе, не могли быть довольными собой, примирившись со своим Богом.

Они вынуждены быть если и не "всечеловеками", то уж точно – "всеевропейцами". Они вынуждены духовно прислуживать "народам-богоносцам": итальянцам, французам, испанцам.

Реформация, возможно, стала первым актом отрицания такой всеевропейской миссии немцев, которую с V века они несли на своих плечах. Бог немцев стал своим, домашним, которого не грех, словно дорогой шкаф, и в угол поставить. Суть лютеранства: не я для Бога, а Бог для меня, нация не для других, а для себя. После Реформации германская нация нацелилась на экономические достижения. Архетип "телео" получил явный перевес над архетипом "тео", который "в отместку за это" активизировал национальный комплекс.

К настоящему времени германская нация почти прошла уже три макросезона в рамках дневного макроцикла: весну I – VIII веков, лето VIII – XV веков, осень XVI – XXIII веков.

Макровесной это бурлящая лавина. Весенние германцы принесли Европе разрушение и очищение.

Макролетом это империя Карла Великого. Это формирование феодализма и создание Германской империи, борьба императоров и пап, крестовые походы, готика, Высокое Средневековье, готическая империя Штауфенов и начало городской Германии. Затем поражение в Италии, оттеснение Империи с места вершителя судеб европейской политики и феодальная раздробленность.

В летний сезон макроцикла создан готический синтез, выросла культура Высокого Средневековья. Империя в это время была реальностью, как империя не централизованная, а "горизонтальная" – корпоративно-феодальная.

Религиозно-духовная власть итальянского папства, коммунальная революция итальянских городов, духовно-практическая власть германской аристократии и французский идеализм слились в полифонии готического преобразования Европы.

МИССИЯ

Дуализм папской и императорской власти приведет, в конечном счете, к унижению и разрушению Германии, но создаст основу для развития Западной Европы на основе готического синтеза.

В XI веке утвердился динамический баланс между Империей и Церковью, между германцами и итальянцами. А также между аристократией и рыцарским сословием, с одной стороны, и сословием белого и черного духовенства, с другой (заметьте, внутри сословий тоже дуализм).

В XI веке утвердилась и "поправка" к Основному догмату. Дух Святой исходит как от Отца, так и Сына. В этом емком символе-архетипе было не только утверждение статуса личной совести наравне с гласом Божьим (волей общины), но и претензия на критическую трактовку явлений Духа, признание права несакрализованной светской власти на самостоятельность.

Это плодотворный и четко заданный компромисс между правами религиозной и светской власти в германском, а, после дуализации и готического синтеза, в германо-итальянском и германо-галльском мире.

Империю все больше сплачивала не императорская власть, поставившая себя в зависимость от папства, а сама феодальная система, как система своеобразных договорных отношений между патронами и клиентами на всех уровнях социальной пирамиды: от соглашений между крестьянами и баронами до соглашений между императором и имперскими городами, императором и папой, императором и королями.

"Централистский комплекс" германцев стал несчастьем для самих германцев, но приобретением для всей Западной – Средней Европы. Германия приносила себя в жертву идее великой Европы. Германская нация сознательно шла к этой цели, цели создания единой "горизонтальной" Европы. Несколько позже, т.е. в XV веке, в головах великих германских политиков эта жертвенность приобрела характер навязчивой идеи Священной Римской империи. Пусть кто-то воспринимает это как глупость. На самом деле – это жертвенность.

Светоч германского (эллинистического) имперского гения осветил в VIII – XV веках всю Европу светом деятельной свободы, светом готического возрождения, после которого только и стало возможным итальянское и общеевропейское возрождение античности (Ренессанс) и само Новое время. Германцы в то время доминировали и на политическом, и на человеческом уровнях. Они светили всем, освящая и свой путь.

Вершиной развития германского гения стало время правления императора Фридриха II Штауфена (1215 – 1250) – эпоха готической империи:

"Идея вселенской империи в последний раз облачилась в ослепительные одеяния при Фридрихе II, увенчавшем свои юридические притязания на всемирное верховенство эсхатологическими аргументами. В то время как его противники видели в нем Антихриста или предтечу Антихриста, он представлял себя "императором конца времен", спасителем, который приведет мир к золотому веку – "дивной неизменчивости" (*immutator mirabilis*), новым Августином, почти что новым Христом" (Ле Гофф).

"Вершинность" этого правления лучше всего подтверждается тем, что в Италии и Германии имя Фридриха II стало легендарным. В народе еще триста лет ходили легенды о его возвращении:

"Если память о Фридрихе и после этого продолжает жить в Италии, если, например, Данте много раз говорит о нем в своих сочинениях, то вера в его возвращение более не возникает. Но в Германии народное предание упорно хранит эту веру. В последние годы его царствования швабские доминиканцы, отчасти под влиянием иоакимских идей, в свою очередь признали Антихристом Иннокентия IV и заявили, что Фридрих и его сын – "совершенные", "праведные", что император является защитником и преобразователем церкви, *principalis defensor Ecclesiae*. Крушение Фридриха разбило их надежды, но не остановило работы их апокалиптического воображения. Они предсказывали, что он вернется завершить свой труд. В 1283 г. в Кельне явился Лжефридрих, Тиль Колноп, или Дитрих Гольцшу. Итальянский францисканец Салимбене изображает его окруженным большой толпой немцев, которых он щедро одаривает; даже ломбардские города посылают гонцов в Германию, чтобы собрать точные сведения о нем. Но и после того, как он, осужденный за колдовство, был сожжен в Майнце в присутствии Рудольфа Габсбургского и прах его рассеян, народ все еще не хотел верить в смерть Фридриха: он вернется, прогонит попов и освободит Германию от церковной тирании. Новый самозванец, появившийся спустя короткое время в Любеке, также был признан простонародьем. Легенда растет от поколения к поколению и становится выражением чаяний немецкого народа: Фридрих восстановит мир, завоюет св. Гроб. В 1348г. Иоанн Винтертурский пишет, что распространяется уверенность в том, что он явится во главе могущественной армии, чтобы все преобразовать, – и как францисканец, он считает необходимым опровергнуть ожидания тех, которые верят в Фридриха, как евреи в своего Мессию. По одним известиям, он исчез однажды во время охоты и живет со своими слугами за морем. Другие – особенно писатели XV в. – сообщают, что он живет в Киффгейзере в Тюрингии, в пещере или развалинах замка; он сидит перед столом, вокруг которого несколько раз обросла его борода. Еще в 1537г. в царствование Карла V появилась поэма, предрекавшая его возвращение" (Э. Лависс и А. Рамбо).

Поскольку в середине XIV века началась большая германская зима, завершавшая собой летний макроцикл VIII – XVI века, то уже с XIV века германцев начали быстро отеснять с территорий негерманских европейских стран.

Французы вытеснили их из Италии, как и из самой Франции, английские короли решительно отвергли вассальную зависимость от германского императора, а разные части Германии начали дрейф к превращению в самостоятельные нации или были отторгнуты от Германии сопредельными государствами.

В XV веке влияние папства в Германии стало преобладающим. Немцы в это время как бы попали под итальянцев, а в XVI веке, освободившись от итальянцев, они временно попали в зависимость от испанцев.

ГОТИКА

Западная Европа VI- VII веков – это германская, арабская и византийская Европа. Все эти силы конфликтуют между собой и делят Европу на культурно чуждые ареалы. Германцы и греки уже очень далеки друг от друга. Ведь германцы молоды, а греки уже стары. Германцы – в конце макровесны, греки – в конце макролета. Германцы энергичны и бестолковы, греки грузны и коварны. Это похоже на встречу старого человека с самим собой в юности. Будет ли эта встреча приятной?

И все же в это время германцы желают подстроиться под греков, встроиться в их империю. Кое-что у них получается и, может быть, получилось бы вполне, если бы греки не растратили своего авторитета в итальянских интригах и войнах VI века.

Греческая возлюбленная германского князя была старше его "на 20 лет", а молодая итальянка оказалась стервой. Германо-итальянский союз в XI – XIII веках не был любовью, он стал иссушающей страстью.

Уникальный германо-кельто-латинский сплав готической культуры в XI – XIII веках возвысил Европу до античных высот. Одновременно он стал счастливым плодом общеевропейского пробуждения:

"Знаменитым стал отрывок из сочинения бургундского хрониста Рауля Глабера: "С наступлением третьего года, последовавшего за тысячным, почти все земли, но особенно Италия и Галлия, оказались свидетелями перестройки церковных зданий; хотя большая часть

из них была хорошей постройкой и в этом не нуждалась, настоящее соперничество толкало всякую христианскую общину к тому, чтобы обзавестись церковью более роскошной, чем у соседей. Мир как будто стяхивал с себя ветошь и повсюду облачался в новое белое платье церквей. В то время почти все епископальные, монастырские церкви, посвященные разным святым, даже маленькие деревенские часовни были перестроены верующими и стали еще краше" (Ле Гофф).

Легкая, как бы устремленная в небо, готика храмов утверждает человека в величии своего жизненного пути на пути к Богу. Жизненного, деятельного, творческого пути, а не ухода от жизни во имя загробного воздаяния.

Готический дух развил идею крестовых походов, цель которых – построить Божье царство на Святой земле. Не в душах, а на земле. Трубадуры и куртуазность возвеличили неземную красоту земной женщины – Дамы.

Готика – это утверждение земного в почти равном статусе с небесным, подобно тому, как Сын стал почти равен Отцу. Готический человек творит сложный баланс в обществе, устремленном к будущему, устремленном к новому обществу – все более сложному, такому же сложному, как витражи и узорчатая архитектура готических храмов и такому же стремительному, как их острые шпили.

Готическая красота – это красота взаимной любви зрелого трансцендентного католицизма и юной чувственности обновленной Европы:

"Возможно, самое важное из всех изменений, которые являет нам средневековое искусство, – это то, которое породило – вместе с реализмом или натурализмом – новый взгляд на мир, новую систему ценностей. Этот взгляд задерживался теперь на видимом, на мире, даваемом в ощущениях, вместо того чтобы быть лишь простым символом скрытой реальности; этот мир обретал ценность сам по себе, становился объектом непосредственного восхищения. В готическом искусстве цветы стали настоящими цветами" (Ле Гофф).

Готический дух – это, прежде всего, германский дух, дух германской нации, находящейся в макролете.

Именно германцы несли в это время культурную эстафету, принятую даже не от римлян, а от греков. Их ценность – это ценность Одиссея, создающего новую реальность везде, где он появляется, реальность индивидуального откровения, возникающую при соприкосновении богов Одиссея с чужими.

До Одиссея путешественники иных народов несли только своих богов, а чужих не замечали или уничтожали. Боги Одиссея впервые создали мифологию, в которой было уютно и чужим богам. Поэтому мы так любим ее. Любим потому, что она не замкнута, а открыта. Она, как Греческая или Германская империя, объединенная не сверху, а сбоку. Хочешь? Пристраивайся!

Германцы, как наследники одиссеева духа, в готические времена создали уникальную культуру, в которую включились культуры и других европейских народов. Это был страстный, негармоничный мир. Это был мир, в котором велись малые и большие войны, подавлялись слабые, господствовал голод и фанатизм. Но это был мир, верный своим святыням и "устремленный к тому берегу", мир самоусложняющийся, а не застывший. Это был карнавальный, театральный, праздничный мир:

"Замок, церковь, город – все служило театральными декорациями. Симптоматично, что средние века не знали специального места для театрального представления. Там, где был центр общественной жизни, импровизировались сценки и представления. В церкви праздником были религиозные церемонии, а из литургических драм уже просто получался театр. В замке один за другим следовали банкеты, турниры, выступления труверов, жонглеров, танцовщиков, поводырей медведей. На городских площадях устраивали подмостки для игр и представлений. Во всех слоях общества семейные праздники превращались в разорительные церемонии. Свадьбы вызывали оскудение крестьян на годы, а сеньоров – на месяцы. В этом сумасшедшем обществе особое очарование имела игра. Пребывая в рабстве у природы, оно охотно отдавалось воле случая: кости стучали на каждом столе. Будучи в плену не гибких социальных структур, это общество сделало игру из самой социальной структуры. Унаследованные от Востока в XI в. шахматы, игра королевская, были феодализованы, власть короля в них урезана, а сама игра трансформирована в зеркало

общества, после того как в XIII в. доминиканец Жак де Сессоль научил, как можно "морализировать", играя в эту игру. Это общество изображало и облагораживало свои профессиональные занятия в символических и имевших магический смысл играх: турниры и военный спорт выражали самую суть жизни рыцарей; фольклорные праздники – существование сельских общин. Даже церкви пришлось примириться с тем, что ее изображали в маскарade Праздника дураков" (Ле Гофф).

Не Ренессанс, и, тем более, не Новое время – эпохи Барокко и Просвещения, родили современную западную цивилизацию. Ее родила Готика.

Современная Западная цивилизация – это цепочка превращений со времен Гомера. Она развивалась через культуры-цивилизации – эллинскую, затем эллинистическую и римско-эллинистическую, затем германскую и, наконец, после готики, в полифонии трех европейских национальных блоков: германского, латинского, кельтского. Западные славянские народы также были вовлечены в этот великий европейский процесс.

Взлет готики – это взлет и миссия германской нации. Окончание готического периода оставило вакуум и опустошение в ее душе. Готическая революция создала современную Европу. Начало современной Западной цивилизации следует искать в культурной революции XI – XIII веков. Это начало было "волшебным" системным превращением созданных германцами или с их помощью в VI – X веках предпосылок в виде корпоративизма, феодализма, королевской, императорской и папской власти. Не менее важными были институты народных собраний, сеймов, соборов, рейхстагов.

ОСЕНЬ

Напомним схему макроосени в средних циклах:

1525	МАКРООСЕНЬ						2293	
1525	большая весна	1717	большое лето	1909	большая осень	2101	большая зима	2293

Макроосенью мы видим сильную, иногда целеустремленную, иногда бессильную Германию, рождение протестантизма, создание классической немецкой философии, расцвет науки, музыки, рождение и фиаско идеологий марксизма, нацизма.

В это время немцы теряют тонкое обаяние готики, перестают быть всеевропейцами. Они экспансивны, обидчивы, настырны, мистичны. Их уважают, но не любят, как любили "летом". В этот период любят "летних" французов и англичан.

В XVI веке начался новый осенний макросезон. Немцам уже не хватает живой энергии, чтобы светить всем и торить уверенный путь среди других наций. Нация зацикливается на двух-трех идеях и несет их, подобно факелу, освещая уже не путь, а только место, в котором она находится. Нация упряма и упорна, она слепо идет вперед, а другие, пользуясь ее близорукостью и исходящим от нее светом, решают свои задачи, не забывая бросить камень в эту "нацию-светоч".

Первым макроосенним деянием германцев стала лютеровская революция. Реформация сделала религию более рассудочной, рациональной, "экономической" и экономной. Реформация сбросила римско-папское ярмо.

В это время бездонно глубокая готическая культура преобразовалась в мятущуюся, но светящую отраженным светом прошлых эпох культуру фаустовскую. Фауст Гете, как и сам Гете – это уже не греко-германец и не всеевропеец, это "просто" гениальный немец, ушедший в свои мистические глубины, в которых почти все – вторично.

В народе же: "Реформация устранила светлый и полный утешения готический миф: культ Марии, почитание святых, реликвии, картины, паломничество, дароприношение. Остался только миф о дьяволе и ведьмах как олицетворение и причина внутренней муки, возросшей теперь до крайних пределов. Для Лютера крещение было актом экзорцизма, таинством изгнания нечистой силы. Возникла великая, чисто протестантская сатанинская литература. Из всего богатства красок готики остался только черный цвет, из всех видов искусства только органная музыка. Однако на месте светлого мифического мира, без которого народная вера не могла обойтись, из давно забытых глубин снова возродились фрагменты древнегерманских мифов. Это произошло настолько незаметно, что подлинное значение этого события до сих пор так и не понято. Сказать, что это были только народные

легенды и обычаи – значит сказать очень мало. Это был настоящий миф и настоящий культ, выраженный в глубокой вере в гномов, кобольдов, русалок, домовых, блуждающие души и проявлявшийся в ритуалах и жертвоприношениях, сопровождаемых священным трепетом. По крайней мере, в Германии эти легенды незаметно вытеснили миф Марии, Марию называли теперь Фрау Хольде, и на месте святого оказался верный Экард, а в английском народе возникло явление, которое именуется библейским фетишизмом" (О. Шпенглер).

Реформация принесла в Германию религиозные войны, раскол и провинциализацию. В выматывающей Тридцатилетней войне от меча, голода и эпидемий погибла половина населения страны, многие части Германии ушли в "самостоятельное плавание" или отошли к государствам-соседям.

Но, несмотря на унижения зависимой и раздробленной страны, войны и голод, немцы совершенствовали экономику и растили гениев: художников, философов, изобретателей, ученых, музыкантов, проповедников.

У немцев в это время охотно учатся и перенимают опыт, но почему-то их все больше не любят. Их ненавидят, когда они сильны. Их презирают, когда они слабы. Это судьба "осенних" наций. В свое время древние германцы всею душой ненавидели римлян, хотя учились у них и завидовали им вплоть до формирования не только подсознательного, но и осознанного национального комплекса.

За что же их не любят?

За отсутствие легкости. Тяжелых и старых ведь не любят. А категоричных старых, пусть, и тем более, если они правы, ненавидят. Любят молодых не за их ум и моральные качества, а за запах кожи и незавершенность. Это справедливо как для людей, так и для наций. Аромат органичных культур также реален, как и аромат духов. Он и определяет "любовь-нелюбовь".

Две военные попытки в XX веке окончились провалом. Третья, послевоенная и мирная, стала вполне успешной и сделала возможным создание единой Европы с доминированием в ней немцев.

Но уже в XXI веке немцев снова ждет разочарование. В первой половине XXI века они встретятся не только со все более сильным и успешным сопротивлением, особенно со стороны испанцев и итальянцев, но и с тем явлением, что созданные ими или под их контролем структуры начнут работать на итальянцев и испанцев, вытягивая, как и во времена папского господства, из Германии все большие финансовые ресурсы, парализуя ее силы и подчиняя ее волю.

И это лишь начало германских проблем. Во второй половине XXI века "враг" придет на территорию самой Германии, прежде всего в виде активного католицизма и обострения отношений между югом, севером и северо-востоком Германии.

Русский национальный комплекс сформировался в годы монгольского ига. Его суть в том, что богатеть опасно, а много трудиться глупо. Наказание за излишнее трудовое усердие придет в виде татарского набега или царского произвола, причем, чтобы ты не возмутился, у тебя возьмут не только "не твое" богатство, но и "не твоих" жену, ребенка, жизнь! Поэтому русский комплекс можно назвать антиэкономическим.

Германский национальный комплекс сформировался в годы борьбы с Римом. Несколько сотен лет безуспешной борьбы с Римской империей сформировали комплекс любви-ненависти не к идее богатства, как у русских, а к идее государственного централизма. Для "настоящего немца" любой централизм плох, любой партикуляризм хорош:

"Германское влияние, если оно заявляло о себе, всегда имело индивидуальный характер. Всякий раз, когда развитие Европы определяла Германия, она, так сказать, отверзала свое чрево и, как в эпоху высокого средневековья, непосредственно, физически выпускала из себя своих детей, одновременно сама обращаясь в состояние сильнейшей раздробленности, либо создавала индивидуального свойства идеи, представления, которые, подобно идее Реформации, по своей глубинной сути противились какому бы то ни было унифицированию бытия или, как идеология романтизма, возникали на основе индивидуального исторического и к нему возвращались – если только, на манер немецкого идеализма, сами не делались предпосылкой всех конкретных форм существования" (А. Вебер).

Древнеримские историки особо отмечали свободолюбие древних германцев, не желавших селиться в тесных городских стенах. По-видимому, их свободолюбие уже тогда носило характер ценностного антицентралистского императива: "Мы не будем жить, как вы, в тесных стенах разросшегося города-спрута".

Римская империя представлялась германцам как город-опухоль, с метастазами крепостей и провинциальных городов. Лимес (граница между римлянами и варварами), по их понятиям – это "стена дьявола".

Не случайно немцы до возвышения Берлина не имели полноценной столицы. У них не было столицы и в период великой европейской империи, а короноваться императорской короной они предпочитали во враждебном-любимом Риме.

Любовь-ненависть к централизму – это и любовь-ненависть к самому Риму, пронесенная германцами через два тысячелетия своей истории.

Но, как и русские, которые в XX веке решили "догнать и перегнать", т.е. победить на чужом для себя экономическом поле экономичных американцев, англичан и немцев, и положили на алтарь этой "великой" цели силы и здоровье нации, так и немцы со второй половины XIX века до 1945 года решили "перецентрализовать" всех, позволив создать уже "не свой", т.е. эллинистический, а чуждый своей природе, прусский рейх.

Две трагедии двух великих народов, изменивших своей природе, своим базовым ценностям.

Разгром Германии вернул ее к гармоничному федерализму. Крах советской империи возвращает русских к гармоничному для них состоянию внутренней демобилизованности, готовности к встрече с неизвестным как с давно знакомым: "куда кривая выведет". Что в общем-то и является адекватным поведением на великой русской равнине, на которой встречаются (через которую демпфируют) четыре великих и чуждых друг другу культуры: европейская, тюркская, иранская, китайская.

КРИЗИС

В XVI веке проримско-антиримский комплекс проявился во всей его силе. Этот комплекс в XVI веке раздробил Германию на лютеранские и католические земли.

Германия не захотела и не смогла стать единой, несмотря на то, что подвергалась возрастающему давлению могущественной централизованной Франции, несмотря на то, что на севере появились экспансивные Англия и Швеция, а на востоке Речь Посполитая и Московия. С юга самому ее существованию угрожала наступающая Османская империя.

Немцы не смогли и не захотели собраться в кулак национального государства и продолжали разрываться между величием мечты о Римской (общеевропейской) империи и сравнительным ничтожеством курфюршеств.

Удивительно не то, что постепенно почти все германские государства были низведены до положения пешек в большой европейской игре между Францией, Австрией, Англией, Пруссией, Россией и Турцией. Удивительно, что это (низведение до пешек в чужой игре) произошло лишь в начале XIX века, т.е. через 300 лет после Реформации и через 150 лет после разрушительной Тридцатилетней войны.

Маленькая Австрия создала великую восточно-европейскую империю и на протяжении XVII – XIX веков играла ключевую роль в Юго-Восточной Европе.

Австрийскую империю, под влиянием событий XIX века, наш современник считает рыхлой и слабой. Но это неверно. Это была сильная империя эллинистического "горизонтального" типа. Поэтому Австрия, оставаясь в своей империи первой среди равных, могла уверенно управлять лоскутными имперскими союзами с включением немцев, венгров, чехов, словаков, итальянцев, сербов.

Наполеоновские войны стали шоком и мнимым пробуждением Германии. Они возродили в стране старый римский централистский комплекс, который еще в XVII веке стал основой Прусского государства. Впрочем, в славянской (да, да, славянской!) Пруссии централизм был не комплексом, а органичной ценностью. А германская Тень воплотилась в Антихриста вильгельмовского и гитлеровского нацистских режимов.

После наполеоновского унижения немцы открыли глаза и увидели, насколько устаревшими стали их представления об общеевропейском доме. Бессмысленен стал

феодальный баланс перед лицом централизованного национального государства. Бессмысленной стала корпоративная экономика перед безличием капитализма. Анахронизмом становилась империя договорного баланса в сравнении с английской колониальной империей и французской социальной империей.

Институты публичной власти (парламенты) стали эффективным средством выражения прямой народной воли. Аристократия германских княжеских домов теперь тоже казалась "морально устаревшей".

Немцы вдруг ощутили себя как у разбитого корыта. Все их застойно готическое мироощущение разом исчезло. Новый мир был логично индивидуалистичен и одновременно обезличен. Стихия приняла упорядоченные формы. Рынки управляли экономикой лучше, чем старые цеховые правила. Все как-то усреднилось и оформилось в системах парламентской демократии и рыночной экономики.

Но на германском дворе была середина большого лета. Энергии было достаточно. Шок наполеоновских войн подтолкнул немцев не к униженному смирению, а к действию. Из своего позднего и бессмысленного романтизма немцы ринулись в капитализм, в парламенты, в социальную революцию.

Их запоздалое ученичество вызвало насмешки у более "продвинутых" соседей. Ситуация примерно такова: за ученическую парту сел взрослый мужчина тридцати лет и с головой отдался учению, зубря, осмысливая основы, радуясь хорошим оценкам. Зрелище это смешное и немного жалкое. Тем более, что "наблюдатели" еще не забыли прежнего образа немца: проповедника, крестоносца, ландснехта, монаха, алхимика.

Немец тоже об этом не забыл и как бы держал фигу в кармане, чего тоже не могли не заметить его наблюдатели. Самым же саркастическим наблюдателем немецких потуг были "свои" евреи, особенно из прогрессивного и революционного лагеря.

АНТИХРИСТ

Все бы ничего. За 50-100 лет страна, подтянувшись до уровня своих соседей, мало-помалу рассталась бы и со своими новыми комплексами недоучки. Но переучиваться немцы начали лишь вместе с отказом от базовой национальной ценности – ценности александровской империи согласия и заменой этой ценности "ценностью" компенсаторной – идеей централизованного (то же – пирамидального) государства.

Поскольку эта идея не была органичной, то она повела себя как раковая клетка, заражая весь организм германской нации и переиначивая его под себя. Централизм здесь приобрел отталкивающий характер "прусской" муштры и единообразия:

"Развитие новой Германии, каким оно представлялось Моммзену, он чаще всего обозначал словами "дегуманизация" и "возвращение к эпохе варварства". Казалось, он видел – и, вероятно, первым выразил это в столь общей форме, что в новой империи органы духа нашего народа начинают изменяться, а именно – становиться менее восприимчивыми; что самобытное сочетание внутренних свойств и интересов, определяемых степенью образованности, ранее служившее основанием великих свершений немцев в области культуры, – т.е. "тип гуманиста" и его влияние, – исчезает и на смену ему идет гораздо более обыденное, даже просто заурядное соединение качеств, исходя из которых первой личной и конечной практической целью деятельности служит отстаивание материальных интересов средствами "реальной политики" и которые наиболее ярко выражают себя в беспринципном оппортунизме и образе поверхностного и бездушного "аппаратчика" (Apparatmenschentum). Как раз это имел в виду Моммзен, говоря о существующей в нашу эпоху тенденции к дегуманизации, которая, по его мнению, своей неубедительностью и недостоверностью подтачивала самую способность немцев создавать культурные ценности" (А. Вебер).

Даже немецкая философия приобрела какой-то казарменный, застегнутый на все пуговицы формат. Гегель – это готика, запертая в каземат Абсолюта и посаженная на цепь понятий. Дух остался свободным, но он не греет, и даже не коптит. Он светит каким-то мертвенным светом, высвечивая гротескные светотени.

Германский централизм, доведенный до абсурда – это тоталитарная идеология, это геноцид любых групп, не укладывающихся в централистскую схему, это готовность на

любую жертву во имя этой схемы. Как русские попытались прихлопнуть экономику с помощью военно-экономического рывка, так и немцы попытались уничтожить ненавистный централизм с помощью централизации всего и вся.

Немцы быстро догоняли соседей по богатству, экономической мощи и военной силе, но внутренне они переродились:

"Я не хочу подробно говорить об изменениях в характере, которые претерпели в XIX в. не очень сильно фиксированные немцы, и о распаде этой фиксации, которая с ужасающей силой произошла в гитлеровское время. Однако все-таки следует задать вопрос: как стало возможно, что за менее чем полтора столетия в Германии без изменения субстанции народа вместо добропорядочного, мечтательного и добродушного немца, как несколько свысока, но правильно описала в гётевское время средний тип немца мадам де Сталь, как вместо среднего типа немца времени "поэтов и мыслителей" появился вдруг очень реалистичный, духовно жестко упорядоченный, готовый к действию, отнюдь не мечтательный человек бисмарковской эры, что в сущности представляет собой коренное изменение типа характера? И как оказалось возможным, что за этим последовал тот полный распад, та дезинтеграция всех прежних задатков фиксации в гитлеровское время, когда – не следует пытаться это скрывать от себя – не только "наверху" господствовала бессовестная, занимающаяся массовыми убийствами клика гангстеров, но, что во всяком случае не менее важно, в широких бюргерских слоях возникло такое хаотическое изменение народного характера, что никто не мог быть уверен, не будет ли он предан, даже родители – не будут ли они преданы собственными детьми" (А. Вебер).

Бедные немцы! И бедные соседи немцев! В 1870 году Пруссия поставила на колени Францию. Антихрист принял последовательно облик сначала Вильгельма II, а потом Гитлера. В 1914 году вильгельмовская Германия ринулась в общеевропейскую войну, но сил не рассчитала и была повержена. В 1939 году гитлеровская Германия, доведя до абсурда власть над собой прусского централизма, ринулась в мировую войну. И опять просчиталась. Мир оказался сильнее Германии. Антихрист был побежден.

СУДЬБА

Дьявольское наваждение прошло. Немцы снова увидели многообразный мир в красках и полутонах. Поэтому "так легко и естественно" они создали социальную рыночную экономику и здоровый федерализм. Поэтому, всего через 40 лет после сокрушительного поражения, немцы уже претендуют на ведущую роль в мирном объединении Европы.

Что впереди?

Впереди фанатичная третья четверть большой германской осени, потом большая зима, а еще дальше макрозима германской нации. Крестный путь и терновый венец:

"Закат Европы. Мне известно, что это второе видение сегодня более не является специфически немецким и наполняет собою также французскую, английскую, испанскую литературу, а возможно, литературу других наций. Но в его всеохватности и тяжести, как предмет горячих обсуждений и исследований, оно овладело, по-видимому, только нами, немцами, уподобясь темному облаку, откуда заключенные в нем проблемы исторгаются, как разъедающая мучнистая роса, на нашу волю, которая в ином случае, может стать, была бы устремлена в будущее. Я не помышляю о том, чтобы ответить здесь на ваши вопросы" (А. Вебер).

А мы попробуем ответить на поставленные вопросы, один из которых – вопрос о закате германской Европы. Но заглянем пока лишь в "завтра" XXI – XXII веков.

Какие формы этот фанатизм примет? Что это несет Германии и Европе? До конца ли излечен "римский" комплекс?

Нельзя представить себе, что немцы снова предпримут военно-политическое наступление в Европе. В многообразной богатой Европе с 500 миллионным населением, где немцев всего 15 процентов, а с германоязычными странами все равно меньше четверти, с учетом недавнего исторического опыта, они не смогут и не захотят предпринять каких то грубых действий.

Напротив, закон развития Европы последних двух тысячелетий – это многообразие, общежитие, а не централизм и унификация. Новая Европа создает великолепные

предпосылки для проявления корневого органичного германского имперского комплекса – эллинистического, а не комплекса компенсаторного – "римского".

Поэтому фанатизм германцев в первой половине XXI века – это фанатизм в скорейшем утверждении новоготической Европы. Но проблема в том, что немцы сейчас слабеют и что их дух закоснел. Они движутся в правильном направлении, но не видят кочек и подставленных им подножек. Они будут постоянно спотыкаться на неровностях политической местности.

Немцы и поныне свято верят в свою миссию, но уже сомневаются в своих силах:

"Нам не достает того, что помогло бы нам подняться над самими собой, дав нам возможность реализовать себя; того, что объединило бы нас с другими во имя осуществления великой духовной и конкретной материальной задачи. Это состоит в следующем: мы – народ, в крови которого больше всего разнородных этнических элементов Европы, народ, который, оставаясь верен себе и наиболее полно постигая себя, в силу своего многообразия и неоднородности всегда особенно глубоко, в определенном роде инстинктивно понимал многообразие Европы и правомерное стремление европейских народов, при всем своеобразии проявлений заключенной в них энергии, свободно сосуществовать и взаимодействовать друг с другом. Борьба против такого всепостижения, которую у нас в последние десятилетия вели приверженцы некоего узкого идейного направления, служит лучшим доказательством тому, сколь присуща нам эта идеология многообразия. Нам только надлежит осознать ее, придать ей ясную форму духовного и политического постулата, чтобы отчетливо увидеть наше национальное призвание, нашу одновременно германскую и европейскую миссию" (А. Вебер).

Фанатизм немцев в первой половине XXI века проявится в том, что они постепенно рассорятся с итальянцами, испанцами и французами, попытаются "водить дружбу" со славянами, но и здесь будут "обмануты в своих лучших чувствах". Наконец, хлопнут дверью, и от этого удара Европа треснет пополам. Но позже треснет пополам и сама Германия.

Восторжествует ли после этого в Европе централизм? И кто станет в этом случае этим центром? Латины? Или французы? Что такое римская идея в отличие от эллинистической?

Римская идея устремлена в будущее, она нацелена на создание лучших форм политического и социального устройства общества, она "прогрессивна". В ней нет особого пиетета перед прошлым и перед малыми национальными культурами.

Римская идея ищет и утверждает универсальное и общее. Но римский централизм, в отличие от французского, идет "снизу", от закладки сначала фундаментных камней, потом уже строительства этажей и только после этого он решает какой быть крыше.

Французы же начинают строительство своего здания всегда с крыши, с универсальной идеи. Поэтому итальянцам очень трудно объединиться, но объединившись, они неразрушимы (и неударжимы?). Французы, словно дети, играющие в кубики: построят, не понравилось – разрушат, снова построят ...

Французские "игрушки" немцам сейчас не страшны, они лишь вызывают досаду. Итальянец – вот вечное наказание для немца! Не случайно немецкий Мефистофель столь напоминает по внешности и по сути ломбардца.

Эллинистическая идея уважает прошлое и ценит малые культуры, стремясь создать наиболее гармоничные условия для их саморазвития. Она дает инициативу в поиске наилучших форм свободной игре этих культур, сама же не столько изобретает новое, сколько организует и поддерживает межобщинное равновесие. Эллинистическая идея помогает особенному и местному. Она партикулярна в своей основе.

Римская идея в своем воплощении может погубить богатство чужих культур, но может и обогатить, пронеся через толщу веков и расстояния универсальные и общие идеи, ценности, институты. Римляне распространяли не сам "греческий опыт", а его эманацию.

Эллинистическая идея в своем воплощении может просто растворить передовой опыт в "непередовом опыте" в силу того, что носителей передового опыта окажется недостаточно. Так "случилось" с эллинистическим миром, постепенно растворившимся в местных культурах.

Римский централизм в XXI – XXII веках, по-видимому, приобретет форму политическо-религиозного организма. Католическая церковь, становясь некоей

политической структурой с собором-парламентом во главе, обретет все прерогативы государственной власти с католическими орденами, системой епископств, а кое-где с прямым управлением государствами, как своими (церковными) землями.

Входящим в "зиму" германцам останется только подчиниться новому римскому мировому порядку. Правда, случится это где-то во второй половине XXII века.

Но, чтобы ответить на основной вопрос: "восторжествует ли в Европе XXI – XXIII веков централизм?" следует провести историологический анализ, как минимум, итальянской и французской истории, что в последующем мы и попытаемся сделать. Сейчас ясно одно – Германия, бывшая в течение более тысячи лет основным гарантом европейского многообразия, в начале XXII века должна "передать ключи" от общеевропейского дома.

Кому?

III. ЭСКИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИИ

ЭНЕЙ

Ключевым событием в истории греко-римского мира стала Троянская война (~1270-1260 до н.э.). Троянская война в памяти греков и римлян запечатлелась как событие особенное, начальное. Римляне стали прямыми потомками троянцев, бежавших вместе с Энеем. Не столько по крови, сколько по духу:

"С течением времени было совершенно забыто замечание Г.Б. Нибура, что троянская легенда сложилась на местной почве, а не пришла в Рим через греческую литературу. Кардинали не сомневался в легендарности сложившегося в эпоху Августа рассказа о прибытии Энея в Италию. Но Альфельди в книге "троянские предки римлян" привел археологические доказательства, что эта легенда возникла до распространения греческого влияния в Риме III-II вв. до н.э." (И.Л. Маяк).

Сами римляне были убеждены в своем троянском происхождении:

"О твердой убежденности римлян в своем троянском происхождении и об официальном признании этого Римским государством можно узнать из биографии Клавдия, написанной Г. Светонием Транквиллом (ок. 70-150 гг. н.э.). В ней сказано, что император Клавдий навеки освободил от податей жителей Илиона как родоначальников римского народа. При этом Клавдий сослался на официальный документ, старинное письмо от имени сената и народа к царю Селевку, в котором ему предлагаются дружба и союз за освобождение от поборов илионян, бывших римскими соплеменниками. Указанное сообщение из уст Светония, которому был доступен государственный архив, заслуживает полного доверия" (И.Л. Маяк).

Греки родили миф о скитаниях Одиссея, римляне – о скитаниях Энея. Но Одиссей возвращался с победой, а Эней бежал после поражения. Одиссей стремился домой, но открывал для себя мир и сам открывался миру, Эней искал место, где бы он смог укорениться, которое его потомки смогли бы назвать своей родиной.

Поэтому один "хитроумный", но открытый. Другой "добродетельный", но суровый. Один стремится быть первым среди равных. Другой должен покорять и господствовать. Один путешественник и первооткрыватель. Другой политик и строитель.

В 1259 году начался летний макроцикл аборигинов – потомков иллирийцев и прибывших вскоре на берега Тибра троянцев – тоже потомков иллиров. Эней нашел общий язык с царем Латинумом и вскоре они породнились.

"Ф. Бемер справедливо акцентировал иллирийскую принадлежность Энея. Он называет героя иллирийцем с Балкан, где обитали айнеады (энеады), пока не переселились в Трою, или фрако-иллирийцем. Действительно, в XX песне Илиады дается генеалогия троянских царей. В эпоху поздней античности эта генеалогия была записана каким-то анонимом. Согласно этим данным Эней был из рода Дарданидов. Сервий замечает, что Эней считался дарданом, а те – безусловно иллирийское племя. Известно, что дарданы мигрировали во II тыс. до н.э., дав название проливу и городу в Малой Азии. Дед Анхиза Ассарак носит иллирийское имя. Признавая идентичность материальной культуры фрако-иллирийского региона и Трои I, К. Шукхардт относит переселение дарданов в Малую Азию к III тыс. до н.э., а Энея – к потомкам первой троянской династии, идущей от Дардана. Она, по его мнению, сменилась потом другой ветвью потомков Зевса, к которой принадлежали Приам и Гектор. Эти хронологические уточнения Шукхардта, углубляющие во времени пребывание дарданов в Троаде, не противоречат представлению об Энее как о символе фрако-иллирийского мира, а даже подтверждают его. То же самое отмечает в своей книге Э. Перуцци" (И.Л. Маяк).

Но ведь не только троянцы были выходцами из Фракии-Иллирии, но и италики, к которым относились и аборигины, т.е. те племена, которые заселили Италию задолго до поселения здесь Энея:

"Италики – пришельцы из Дунайского ареала. Быть может, глухим отголоском воспоминаний о давних миграциях является и одно из объяснений этнонима Aborigenes – от скитаний, столь противоречащее основному смыслу объясняемого слова" (И.Л. Маяк).

В XIII – XI веках до н.э. троянцы и аборигины слились в единый народ – в латинов. Этот народ стал носителем ценностной системы Энея-строителя. Ей противостоит и ее дополняет антиценность Энея-изгнанника.

Ценность Энея – это ценность практичного, рассудительного политика-воина, устремленного к господству и подчинению, ориентированного на строительство сложной и устойчивой политической системы, экспансивной и реализующей правовой принцип универсализма.

Антиценность Энея – это психологический комплекс человека (и нации), изгнанного с родины, у которого отняли прошлое и потому он пытается монополизировать будущее. Он уже не может быть с окружающими на равных, он должен господствовать. Ситуация должна постоянно находиться под его контролем. Он не может позволить себе роскоши "дружбы между народами".

Римская культура стала воплощением ценностей Энея-строителя. Ее упорная, не знающая сомнений агрессивность стала следствием развития антиценности Энея-изгнанника.

СХЕМА

Ниже показана схема итальянской истории, в которой развернуты $\frac{3}{4}$ "дневного" и $\frac{1}{2}$ "вечернего макроцикла" иллирийско-троянско-латинско-римско-италийско-итальянской истории.

Макроцикл включает четыре макросезона – больших цикла. Большие циклы, в свою очередь, состоят из четырех больших сезонов – средних циклов:

...			"ДНЕВНОЙ МАКРОЦИКЛ"					...	
- 1259			макролето ("римское лето")					- 491	
- 1259	большая весна	- 1067	большое лето	- 875	большая осень	- 683	большая зима	- 491	
- 491			макроосень ("римская осень")					277	
- 491	большая весна	- 299	большое лето	- 107	большая осень	85	большая зима	277	
...			"ДНЕВНОЙ МАКРОЦИКЛ"					конец	1045
277			макрозима ("италийская зима")					1045	
277	большая весна	469	большое лето	661	большая осень	853	большая зима	1045	
1045	Начало		"ВЕЧЕРНИЙ МАКРОЦИКЛ"					...	
1045			макровесна ("италийская весна")					1813	
1045	большая весна	1237	большое лето	1429	большая осень	1621	большая зима	1813	
1813			макролето ("италийское лето")					2581	
1813	большая весна	2005	большое лето	2197	большая осень	2389	большая зима	2581	

ПРЕДЫСТОРИЯ

Поскольку письменности в те времена у латинов еще не было, то сведения о большей части того "римского лета" очень скудны. Поэтому достижения огромной доморуловой эпохи "приписали" Ромулу, правившему в Риме на заре появления письменности.

Ромул не был великим царем. Он был просто типичным "троянцем". По-видимому, комплекс Энея-изгнанника у него преобладал над образом Энея-созидателя. Он окружил себя телохранителями, ссорился с сенатом, воевал, боролся за власть. Потом он исчез. В народе ходили слухи, что отцы-сенаторы его тайно убили, а тело спрятали.

Но Ромул стал, также как и Эней, архетипическим образом. Вернее, Ромул и Рем. Ромул воплотил в своей личности латинский путь ограниченного Рима, строящего свое универсалистское государство "снизу". Рем воплотил греческий путь Рима без границ, который бы строил свое партикуляристское государство "сбоку":

"Средневековый Запад зародился на развалинах римского мира. Рим поддерживал, питал, но одновременно и парализовал его рост. Прежде всего Рим передал средневековой Европе в наследство драматичную борьбу двух путей развития, символизируемую легендой о происхождении города, согласно которой Рим, замкнутой стеной, восторжествовал над Римом без границ и без стен, о котором тщетно мечтал несчастный Рем.

Римская история, которой положил начало Ромул, оставалась, даже в период наибольших успехов, лишь историей грандиозного закрытого мира. Город благодаря завоеваниям собирал вокруг себя все более обширные земли, пока его территория не достигла оптимальных для его обороны размеров, и тогда он в I в. решительно закрылся пограничным валом, этой своего рода китайской стеной западного мира. Под защитой этого укрепления город занимался эксплуатацией и потреблением, сам ничего не производя: после эллинистической эпохи не появилось никаких технических новшеств, хозяйство поддерживалось за счет грабежа и победоносных войн, которые обеспечивали приток рабской рабочей силы и драгоценных металлов, черпаемых из накопленных на Востоке сокровищ. Он великолепно преуспел в искусстве самосохранения; война – всегда оборонительная, несмотря на видимость завоеваний; право строилось на прецедентах, предотвращая нововведения; дух государственности обеспечивал стабильность институтов; архитектура – по преимуществу искусство жилища" (Ле Гофф).

Правивший позже Ромула, уже не "символический", а "живой" Нума был выдающийся личностью. Время его правления – начало большой зимы – было предкризисным. Он провел религиозные реформы, направленные на формирование социально-политического единства Древнего Рима. Реформы Нумы были разумны и последовательны. Основные из созданных им институтов прижились.

Затем наступила вторая половина большой зимы и ослабленный "зимний" Рим подпал под власть этрусков.

Уже через сто лет латиняне вполне ассимилировали этрусских завоевателей. А в 509 году до н. э., изгнав последнего этрусского царя, установили Республику. Началась большая весна нового, теперь уже осеннего, макроцикла. Уже не троянско-латинской, а римской истории.

Из предыстории Рим вошел в историю. Он начал упорное движение к Империи. К империи универсалисткой, империи, отталкивающейся от Прошлого и нацеленной на Будущее.

"ОСЕННИЙ" ЭНЕЙ

Напомним схему римской макроосени в больших сезонах:

- 491	макроосень ("римская осень")						277	
- 491	большая весна	- 299	большое лето	- 107	большая осень	85	большая зима	277

История Рима начинается с "осени".

Изменилась ли к началу нового макросезона система национальных ценностей?

Ведь в период "лета" решалась задача создания ядра, задача слияния с родственными и поглощения неродственных наций-общин. А "осенью" небольшой латинский народ, хоть и смог ассимилировать большую часть италийских народов, но сам утонул в демографическом океане Римской империи, поскольку италийцы составляли в лучшем случае 15% (а то и 10%) ее населения. Одних галлов в Империи было больше, чем италийцев.

Поэтому ассимиляционная машина Энея в новом большом цикле римской истории была дополнена механизмом универсального гражданства.

Эней-строитель, став Энеем-гражданином и завоевателем, стал более узким и "заостренным". Его интеллект стал отточнее, совершеннее, но его душевная организация – проще. Это свойственно макроосенним характерам: возвышение интеллекта и увядание, точнее, усыхание, души.

Макролетом народ естественен в душевных проявлениях, его душа – цветущая поляна.

Макроосенью он смотрит в небо и вглядывается в даль. Он видит далеко, но не воспринимает всего многообразия мира в запахах, звуках и зрительных образах.

Его душа похожа на тревожное отражение облаков в луже воды – одновременно глубоко и мелко. Если только смотреть – глубоко, если наступить – мелко. Такие народы влюблены в свою "летнюю" историю и в свои "летние" мифы. Они несут свою национальную идею по миру. Они хорошие, но жестокие учителя. Мир у них учится, но и недолюбливает их.

Вся система римского мирового господства была построена на римском гражданстве и римском праве. Каждый инородец, получивший римское гражданство, должен был, по идее, ценить это право больше, чем иную социальную принадлежность. Так, в период расцвета римского мира, и было.

Новая ценностная система быстро преобразила римское общество и римлянина-человека. Эней вступил на тропу войны и все то время, когда не защищался, тогда напал, расширяя свой полис до беспредела.

Курии довольно скоро потеряли свое значение, зато выросла корпоративная социальная иерархия патронов, клиентов, плебеев, рабов. Появилась система профессиональных корпораций. Род, как основа курии, тоже постепенно терял свою власть над индивидом и обнажил более мелкую структурообразующую единицу – familia (большую семью).

Если раньше система национальных ценностей и социальная структура общества адекватно воплощали иерархию общин: от рода к племени (курии) и от племени к нации (трибе, затем полису), то теперь, по мере расширения римского мира, вся система общинной жизни оказалась разрегулированной.

Не проблема, что на смену роду пришла семья. Проблема в том, что пантеон римских богов уже не выполнял функций племенных богов. Он не мог выполнять и функций национальных богов. Римское право, как здание, было вне общин, хотя и опиралось на общинный фундамент. Культ императора также не смог стать ни национальным, ни интернациональным.

В римском мире началось брожение в поисках Бога. Уже во II веке до н.э. римский мир распахнулся для восточных и греческих культов. Острое и повсеместное нарастание чувства одиночества, ощущение потерянности характерно для этого времени.

Закономерный парадокс: римляне, завоевав средиземноморный мир, потеряли себя. Их Бог-нации отдал себя в жертву цивилизационной идее распространения эллинизма. Более того, римляне создали вакуум в воплощении своего Бога-нации. Их Бог-нации в это время был жив, но был закован, как Прометей, так как уже не имел адекватного ритуала и адекватной веры. Возникло огромной напряженности поле, способствующее интенсивному распространению христианства и его апокалиптическому мироощущению.

Эней-завоеватель оказался Энеем, принесшим себя в жертву. Но он добился того, что вся Италия в это время стала "троянской". Италиец стал Энеем.

Символично, что последним "наступающим" римским ("троянским") императором стал Траян. В жесточайшей войне он завоевал Дакию. Но в Дакии погиб римский наступательный дух и выковались новые силы, которым суждено было стать могильщиками Римской империи. Изгнанные на север даки уже через несколько десятилетий вернулись нашествиями германских племен.

НАЦИЯ КЛАНОВ

В основе римского архетипа "тео" лежит межобщинный баланс рода и нации. Римлянин живет в небольшой клановой общине, но ценит свободу, которую он находит в противопоставлении Я-нации и Я-клана.

Клан может быть малой церковной общиной, курией, корпорацией, преступным кланом. Главное, что это малая община – общежитие (если не общежитие, то регулярное и тесное общение). Эта община объединяется жизненно важной деятельностью и имеет свой ритуал.

Эней (личность римлянина, италийца, итальянца) всегда интегрирован в малую клановую общину, но его клановая община всегда пытается интегрироваться "снизу" в национальную или квазинациональную общину.

Римский теологический баланс – это баланс между тотальной властью рода и нации. В римской Троице Христос это, скорее, Клан, а не Личность. Это Христос, Мария и Иосиф. Христос и 12 апостолов. Это Семья. Это малая христианская община.

Власть итальянской нации – это власть папской курии (даже не римского папы). Это централизованный мощный механизм Римской католической церкви, принявшей на себя эстафету сакрализованной императорской власти, которая, в свою очередь, приняла эстафету от *populus romanus* (римского народа).

Но как римский Клан противостоит Нации? К чему приводит их взаимоограничение? Что было бы, если бы одна из этих основ исчезла?

Тотальность Нации, Бога, Церкви, не ограниченная тотальностью малой христианской общины, рода, клана, семьи, привела бы к простой иерархической структуре общества. В этой структуре малая община была бы лишь производной от национальной, а свобода личности сжалась бы до минимума, обеспечивающего практические недуховные потребности жизни.

Тотальность Клана возможна в ситуациях общего кризиса нации-общины, которая характерна для второй половины большой зимы. В это время жизнь нации атомизируется.

Клановость римлян, их погруженность в небольшую общину, является отличительным признаком этой нации, её основным зерном, центром кристаллизации. Соединяющиеся между собой кланы и создают римское общество и государство. Создают его "снизу".

"ЗИМНЯЯ" ИТАЛИЯ

Напомним схему римской макрозимы в средних циклах:

277	макрозима ("италийская зима")						1045	
277	большая весна	469	большое лето	661	большая осень	853	большая зима	1045

Что было дальше? И в чем значение Римской империи?

Из очередной большой зимы римляне вышли, но в 277 году вошли в макрозиму. Позади осталось столетие хаоса и бедствий. Впереди было последнее возвышение Римской империи и римского духа. Теперь уже на новой основе – христианской.

Римский дух 277-1045, возродившийся в зимнем макросезоне, всю свою ослабленную силу направил на завершение своей великой цивилизаторской миссии, на создание единообразного права и единой религии для латинских, кельтских, германских и славянских народов.

Кому римский дух в IV – V веках передал цивилизаторскую (и невольно, культурную) эстафету?

Он мог бы передать ее галлам, но галлы сами в это время были в зимнем макросезоне. Он мог бы передать ее грекам. Но греки не нуждались в подарках. Их культура была выше и оригинальней, чем римская. Да и воцарились они уже только Восток.

Поэтому итальянцам пришлось передать эстафету ненавистным им (и ненавидящим их) германцам, вступившим в макровесну в 11 году до н. э.

Теодорих в 476 году "убрал" последнего императора Западной Римской империи, а знаки императорской власти отправил в Константинополь. Римская империя закончилась.

Эней-гражданин стал Энеем-монахом. Эней-изгнанник стал Энеем-покоренным. Гордый, но холодный римлянин, постепенно становился теплым, но коварным итальянцем. А имперская эстафетная палочка была передана германцам. Италия стала ареной борьбы между германскими племенными союзами, норманнами, арабами и Византией.

Темные века, хаос, варварство? Действительно, писатели, теологи, ремесленники, купцы, государственные чиновники практически исчезли. Города пришли в упадок, дороги заросли травой. Грабежи, захваты, эпидемии...

Но одновременно распространяется христианство. В Галлии процветают тысячи вилл, возникают монастыри, идет интенсивное формирование крестьянского, духовного и военно-аристократического сословий. Новое общество творится по-гречески и по-германски "сбоку": возникают миллионы и миллионы горизонтальных связей между равными и неравными, между патронами и клиентами, между персонами и общинами.

Первые два "темных века" были веками разрушающего созидания. Они были разрушительны для элиты, в том числе интеллектуальной и "денежной", для городов и ремесел. Они были тяжелы для всех (а легки ли революции последних веков?). Но они были созидательны для новой цивилизации, где деревня получила приоритет над городом, чтобы потом уже вырастить новую децентрализованную городскую цивилизацию, в рамках которой исторически сложились три основных сословия: духовенство, аристократия, крестьянство.

Итальянцы в эти века были вынуждены жить в этом, чуждом им, мире, где место Энея занял Одиссей, место универсалистской империи "снизу" заняла партикуляристская империя "сбоку".

Итальянцы попадают попеременно и по частям под власть готов, лангобардов, византийцев, франков, арабов, норманнов... Они взаимодействуют с завоевателями, но не смешиваются с ними. Они живут своей "растительной жизнью", производя материальные ценности и торгуя. Но они живут по своим, римским законам. Они постепенно осваиваются в этом новом мире.

Уже в 800 году римский папа (как потом выяснилось, подпольный римский император) венчает императорской короной франкского короля Карла. Правильнее сказать, Карл Великий стал германо-галльским королем, объединившим в своей империи германцев, галлов и итальянцев.

По духу и принципу организации германо-галльская, по задаче – стать централизованной империей – чисто галльская, империя Карла существовала недолго. Галлы были еще слишком молоды, чтобы диктовать свои законы германскому миру или явно обособиться.

Империя Карла завершила более чем трехвековой процесс формирования германского мира. Ему не надо было поддерживать политическое единство, но важно было поддерживать культурное, религиозное и социальное единство, которое можно назвать "пониманием", "языком". Одним из проявлений этого единства был принцип ротации.

Ведь в это время империи, королевства, герцогства и графства кроились и перекраивались, причем не столько в результате насилий и войн, сколько по "доброму согласию" – в результате разделов между наследниками, дарений, пожалований, объединений, династических браков.

Сама ротация ленов – герцогств, графств и целых королевств стала условием единства германского мира. Если римлянин стремился разделять и властвовать (а точнее – расщеплять и комбинировать), то германцы пытались поддерживать равновесие в динамичном, текучем, вращающемся мире земель и границ (вспомните Ремов мир без границ). По сути, это и было великой германской империей, постепенно расширяющейся на восток и юг вместе с распространением католицизма.

В середине X века восточнофранкский король Оттон I был коронован на Римскую империю. В этой империи уже не было галло-франков, но оставались германцы и итальянцы.

Слабая и "не притертая снизу" Италия вполне еще вписывалась в германский мир. Но начиналась новая римская весна, теперь уже итальянской нации-общины, которая принесла германцам много неприятных сюрпризов, постепенно "съевших" германскую мощь и обессиливших Германскую империю.

СИНОЙКИЗМ

Прежде, чем окунуться в итальянскую историю, попробуем еще раз, но теперь более точно сформулировать ценностную структуру латинян в период макролета 1259-491 до н. э.

Это Эней-строитель и политик.

Это "комициальность" (вот, наконец, точное слово и точное понятие), т.е. решение всех вопросов на малых собраниях, будь то сенат, куриальная комиция или сходка членов религиозного братства, где каждый равен в подаваемом им голосе, но неравен в личном значении, поскольку эти собрания являются лишь продолжением их тесного общения или даже общежития.

Это гентильно-куриальная, в основе своей универсалистско – "низовая", республика, т.е. политическая структура, которая имеет в основе своей род и курию, которая признает

народную волю в качестве основной и конституирующей, но придает ей малые формы, увязанные в пирамидальной иерархии.

Эней-политик строил политическую систему, которой в следующем сезоне предстояло воплотиться в мировую империю. Комициальность стала универсальным способом обеспечения социальной солидарности людей и общин, цементом, который связывал основные общественные блоки между собой. "Низовая" республика воплотилась в универсалиях римского гражданства и римского права. Она, в союзе с комициальностью, растворяла нации и племена в латинском общинном организме, обеспечивая экспансию и рост римского национального организма за счет его соседей.

Каким образом?

Первоначально новое племя становилось новой трибой, т.е. неким союзником других, уже интегрированных в римскую национальную общину триб, и имела свою землю и собственную организацию. Затем, внутри этой новой трибы, по образцу латинской, создавались курии, как сравнительно небольшие объединения родов по территориальному признаку.

В течение десятилетий в куриях концентрировалось все больше функций, ранее принадлежавших общеплеменному или общенациональному организму "союзника": религиозные ритуалы, суд, принятие законов, набор воинов и делегирование сенаторов. Через некоторое время от ранее целостного организма "союзного" племени оставалась лишь оболочка, а полнокровной жизнью жили десять составляющих его курий:

"Деятельность курии достаточно многообразна. Ее можно довольно ясно представить себе. В источниках нет недостатка в упоминаниях о куриях. Древние дают этимологию слова от *cura* – забота, попечение. Павел Диакон передал нам Фестово определение курии: "Курия – это место, где вершились общественные дела. Калабрской курией называется такая, где занимаются только сакральными делами. Куриями называются также части народа, на которые его разделил Ромул, числом 30... так что каждый в своей курии совершал священнодействия и справлял празднества..." Дионисий определяет курию как греческую фратрию и лох, греческими буквами изображая ее латинское название, также как и Плутарх. И он говорит о них, как о местах собраний: это были помещения или участки с очагом, вокруг которых собирались на пиршества. В собраниях участвовали главы курии, курионы, вместе со жрецами. Вероятно, эти угощения можно рассматривать как видоизмененные общие трапезы членов курии или часть общекуриальных трапез" (И. Л. Маяк).

Курии гораздо легче было навязать любые реформы, чем племени-трибе в силу того, что она меньше, чем триба, потому также, что она являлась искусственно выращенным организмом в среде "римского права":

"В связи с этим Де Франчиши выдвигает положение о наличии в древнейшую эпоху римской истории двух в разное время появившихся видов курий. Первые, или древние, существовали до Палатинской общины, т.е. до Ромула, в качестве "гентильных консортерий". Позднее, около середины VII в. до н.э., когда в результате реформы были созданы три трибы, произошла трансформация курий. Эти новые курии при этрусских царях были источником набора пехоты. В другом своем труде Де Франчиши поясняет эту трансформацию: новые курии стали искусственными подразделениями гентильных триб" (И. Л. Маяк).

В "свои" курии римляне (еще предримляне) вводили роды из "чужих" курий, постепенно "перемешивая" и, тем самым, ассимилируя "союзное" племя.

Старый римский принцип "Разделяй и властвуй" воплотился в политику "Расщепляй чужое племя и объединяй его в наших куриях".

С завоеванными территориями и покоренными племенами римляне поступали бесцеремоннее. Они просто распределяли роды и семьи по уже существующим трибам и куриям, но чаще – только по куриям, т.к. именно в куриях и производилась ассимиляция (синойкизм):

"Весьма существенное значение имеют данные, касающиеся первых римских побед над соседями. Рассказывая о совместной войне Ромула и Тация против Камерии, Дионисий говорит, что "после победы цари разрешили поселиться в Риме 4000 камеритов, которых они распределили по фратриям". Поскольку галикарнасец употребляет глагол $\epsilon\lambda\iota\mu\epsilon\rho\iota\zeta\omega$, т.е.

сложный с предлогом ετι, а не просто μεριξω (делить, разделять), можно думать, что распределение новых римлян производилось по имеющимся в Риме "фратриям" а не по созданным заново из переселенных камеритов. Точно также, согласно Дионисию, поступил Ромул и после триумфа над Вейями. Пожелавших принять римское гражданство вейентов он распределил по фратриям. Если учесть, что Дионисий переводит слово курия словом фратрия, становится ясным, что римское население увеличивалось, пополняя уже сложившиеся курии новыми людьми. Аналогичное явление засвидетельствовано этнографами" (И. Л. Маяк).

Не так трудно было ассимилировать племена иллирийского происхождения, т.к. циклы их национальных общин совпадали с римско-латинским. Племена иного происхождения можно было ассимилировать через войну и насилие, или союзничество, которое тоже, как правило, заканчивалось насилием:

"Побежденный город обычно принимал римских колонистов – Антемна и Ценина, Фидены. Вместе с тем жители этих городов переселялись в Рим: камерийцы и, вероятно, вейенты, и те и другие распределенные по фратриям, фиденаты, крустумерийцы, антемнаты, латинцы при Анке Марции; альбанцы при Тулле Гостилии и т.д.

Выселялись в колонии, по-видимому, нуждавшиеся в земле люди из числа *populus*, что косвенно свидетельствует о дифференциации внутри родов. Ведь именно об этом контингенте должна была заботиться складывающаяся гражданская община, ограничивающая количество своих членов с помощью колонизации. Но в таком случае колонисты, оторвавшиеся от своих родо-племенных подразделений, вряд ли сохраняли компактные, основанные на родственных связях, единицы. Зато они, безусловно, селились в одном месте с другими бывшими римлянами, как это делали их потомки, именовавшие свои поселения привезенными из Рима привычными названиями. Уже это обстоятельство способствовало созданию в колониях, т.е. в окружающей Рим среде, селений соседского характера" (И. Л. Маяк).

Латины не были едины в X-V веках до н. э. Позднее римляне объединят всех латинов. Именно с этого начнется их победное шествие по Аппенинскому полуострову.

РИМСКОЕ ПРАВО

Какая ценностная система была в основе римского общинного организма в период макроосени 491 до н. э. – 227 н. э.?

Это Эней-гражданин, та же комициальность, республика граждан.

Все стало проще по сравнению с предыдущим макросезоном. В период 1259-491 до н. э. "римляне" открывали и совершенствовали формы и способы выживания в среде чуждого им племенного окружения, и они нашли способы собственного выживания и ассимиляции чужих племен, они создали систему гентильно-куриальной республики, в которой цари были лишь должностными лицами отлаженного снизу государственного механизма.

После 491 года до н.э. политическая система становится более динамичной, она опробывает разные формы и методы объединения, но на место разнообразной богатой общинной жизни гентильных, куриальных и "братских" общин, она ставит холодноватый универсализм гражданства и права. Она с чисто римской настойчивостью насаждает эти ценности сначала на Аппенинах, потом везде, куда бы ни ступала нога римского воина.

Зато чистую религиозность и искусных мастеров Риму приходится импортировать, как и рабов. Эней-политик, расчетливый, но и вдохновенный игрок, трудяга и хозяин, стал Энеем-гражданином, воинственным, упорным, рассудочным, неутомимым в завоеваниях и политических дискуссиях, но ленивым в других сферах деятельности. Он, если не воюет и не борется, то беспощадно эксплуатирует своих домашних и рабов:

"Трактат "О земледелии" рисует образ сельского хозяина бережливого до скупости. Принцип его: все, что дороже одного асса, – излишество. С идеей максимальной экономии денег и припасов связана и идея максимальной эксплуатации рабского труда. К рабам Катон беспощаден: пусть они едят меньше, а работают как можно больше" (К. Куманецкий).

Гражданская идея упростила комициальную ценность. Комициальность гентильно-куриальной республики основывалась на искусственном синтезе племенных начал в куриях, на братстве и на общности религиозного ритуала, на признании того, что неравные люди

могут быть признаны условно равными в общинных политических сходах и на голосованиях.

Комициальность гражданской республики затвердила принцип равенства граждан в политической жизни, но не как живой компромисс, а как универсальный, хотя и гибкий, абсолют:

"Подчинив своей власти население завоеванных земель в Италии, римляне разделили его на категории, пользовавшиеся разными правами. Всея полнотой прав, т.е. правом заключать браки по римскому закону, свободно распоряжаться своим имуществом, прибегать к римскому суду для защиты своих материальных интересов, голосовать на собраниях и занимать должности, обладали только римские граждане: патриции и плебеи, а также жители тех латинских городов, которые после долгих войн были присоединены к Риму, и вообще все латиняне, переселившиеся на постоянное жительство в Рим. Все эти полноправные граждане были приписаны к римским трибам, число которых возросло в середине III в. до н.э. до 35 (4 городские трибы и 31 сельская). Полноправными гражданами считались, кроме того, обитатели римских колоний, основанных как стратегические центры в разных местах Италии. Колонии имели самоуправление, в котором главную роль играли двое правителей – дуумвиры и совет декурионов.

Существовала также категория граждан с ограниченными правами – "цивес сине суффрагио". Они могли заключать браки по римскому обычаю и распоряжаться своим имуществом, как полноправные римляне, но не имели права голосовать и занимать должности в Риме. Города, где жители обладали такими ограниченными правами, назывались муниципиями. Одни из них имели самоуправление, другие получали префектов из Рима. Еще больше были ограничены в правах вольноотпущенники, не имевшие возможности даже вступить в легальный брак по римскому закону, голосовать же они могли только на трибальных комициях. С жителями муниципиев сближалось по своему юридическому статусу население латинских колоний, т.е. колоний не на римском, а на латинском праве. Они были автономны, чеканили собственную монету, а их обязанности по отношению к Риму ограничивались выступлением ему в помощь воинских контингентов, составлявших отдельные подразделения – когорты. Еще слабее была связана с Римом категория жителей Италии, называвшаяся "соции" ("союзники"). "Цивитасес федератэ", союзнически города, также должны были помогать Риму войсками, но сохраняли при этом ограниченный государственный суверенитет: им запрещалось лишь заключать договоры с третьей стороной без согласия Рима, вести самостоятельную внешнюю политику, начинать войны по собственной инициативе. Наконец, особую категорию союзников Рима составляли греческие города Южной Италии, обязанные оказывать ему помощь только флотом" (К. Куманецкий).

Республика граждан стала воплощением римского универсалистского принципа. Она оказалась не в силах ассимилировать другие нации, но она оказалась способна создать в покоренных странах гражданское общество по римскому образцу, сформировать там значительную прослойку "политических индивидуумов", "граждан мира".

Отныне римская идея, как идея всемирной республики граждан мира, станет одной из важных идей, политическим архетипом, применяемым к месту и не к месту, ко времени и не ко времени.

Конкретно же в Римской империи она обрела форму Рима как Мира, гражданского полиса, разросшегося почти до пределов Вселенной. Но с четко осознаваемым центром этого мирового полиса в Риме. Эта римско-имперская идея станет навязчивой идеей для германской нации, имеющей совсем иной, не римский, а греческий ценностный (общинный) код.

Макрозима римской нации (теперь уже италийской нации) 277-1045 воплотила в жизнь новую ценностную систему. Это все тот же Эней-гражданин, но гражданин монастыря. Это та же комициальность. Это невидимая республика монахов.

Но как в этой республике монахов работает комициальность?

Комициальность тоже изменилась. Это не доримская комициальность малых синкретичных куриальных общин. Это не римская комициальность собраний граждан. Это комициальность христианских общин, имеющих столь же синкретичный характер, как и в

древних куриях. Но она обращена не на политический баланс в *populus romanus*, она скрепляет межобщинный баланс в христианской республике, т.е. в Церкви во главе с "президентом"-папой.

Поэтому Эней-гражданин перестал быть гражданином римского мира, но стал гражданином христианского мира. Правда, житейской реальностью "зимней" эры стало внутримонастырское, приходское и вообще мелкообщинное "гражданство". Ослабленная формула нового италийского национального духа была естественна для макрозимы. В это время италийская нация погружается в спячку, в "растительное существование" и обретает покой в малых формах. Поэтому идея гражданства замыкается на малую христианскую общину.

Созидательный дух Энея тоже концентрируется на внутриобщинной жизни малой христианской общины. Нация, хоть и объединена христианством-предкатолицизмом, но в этом ее объединении отсутствуют политические структуры, в нем есть лишь некое объединяющее духовное начало. Объединяющее для понимания, а не для борьбы.

В начале макрозимы – большой весной 277-469, когда новые национальные ценности только проникают в толщу народа и утверждаются в нем, Западная Римская империя еще существует и борется. Правда, весь V век – это не борьба, а агония, да и то какая-то вялая, обезнадёженная. После 469 года римский мир самоуничтожается, передавая цивилизаторскую эстафету макровесеннему германскому миру.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЕСНА

Напомним схему итальянской макровесны в больших сезонах:

1045	макровесна ("итальянская весна")						1813	...	
1045	большая весна	1237	большое лето	1429	большая осень	1621	большая зима	1813	...

В 1045 году наступает новая макровесна последней ("вечерней") четверти иллирийско-римско-италийско-итальянского S-перехода.

Новая формула включает ценности Энея-гражданина, христианской комициальности, теократической папской республики.

Эней-гражданин уже не довольствуется малой общиной монастыря и церковного прихода. Он снова создает большие общинные организации городов, цеховых сообществ, католических орденов. Он снова строит всемирную республику, теперь уже папскую республику, или, что то же самое, но увиденное с другой стороны, мировую католическую империю.

Итальянец – это все тот же практичный и волевой римлянин, упрямо созидающий великое государство:

"Джиоберти утверждает, что "французы "совершенно лишены" двух качеств, которые необходимы, чтобы "господствовать над миром", и которыми, разумеется, обладает Италия: "творческой силы, соединенной с глубиной мысли, в сфере идей; верной оценки, настойчивости, терпения и воли в сфере действия". В то время как итальянцы составляют, так сказать, "аристократическую нацию", француз – плебей по натуре, так как он походит на толпу" легковесностью и подвижностью ума, изменчивостью и непостоянством" (А. Фуллье).

Комициальность пронизывает всю политическую жизнь в итальянских городах-республиках и в римской курии. Ведь папа не монарх, как, кстати, и германский император. Он должностное лицо, президент с огромными полномочиями, полученными "снизу".

Если его нельзя заменить легально, то можно убрать или окоротить с помощью императора или короля. Можно избрать еще одного папу, а этого объявить антипапой. Можно саботировать его начинания. Можно, если уж ничего другого не остается, отравить. Да и в папы чаще всего избирались пожилые люди. Ему прежде, чем начинать борьбу со своей курией, надо оценить силы в борьбе с собственными недугами.

Макровесна, в отличие от многообразного и творческого "лета", упрямой и экспансивной "осени", слабой и разобщенной "зимы", многообразна и деятельна, но упряма и разобщена. Она соединяет в себе положительные и отрицательные качества всех других сезонов, создавая гремучую смесь. В этот период нация "окультуривается", по-новому

осознает себя и окружающий мир, создает основы для действительно гармоничной системы национальных ценностей, которой предстоит воплощение в следующем, т.е. "летнем", сезоне.

С середины XI века итальянцы будут упорно добиваться своих целей. Начинается эпоха крестовых походов и соперничества пап с германскими императорами. Начинается вытеснение арабов из Испании, мощная торговая и финансовая экспансия итальянских городов. Затем – культурная экспансия Ренессанса до тех пор, пока сила итальянской нации временно не угасла в большой итальянской зиме 1621-1813.

Но почему итальянцам на этот раз не удалось создать Империю? Почему так хаотична история Италии XI-XVI веков? Почему сила и богатство ломбардских и тосканских городов, блеск Сицилии при Фридрихе II, авторитет папы, торговая гегемония Венеции не сложились в общеитальянскую мощь? Почему силы были растрчены на борьбу за достижение невыполнимых целей и на внутреннюю борьбу?

Сказать, что помешали германцы – лишь дать частичное объяснение этому. Дело все-таки в какой-то внутренней неувязке. Вспомним, что макровесна – это период, когда нация тратит энергию на то, чтобы учиться, вбирать достижения других: "от других к себе".

В чем реализовывалось "ученичество" итальянцев в 1045-1813? Может быть, они переняли у немцев идею ротации территорий и открытых границ? У французов "равенство-братство"? Или ... или что?

Или у итальянцев не получилось "прокатиться на шее" у немцев и французов? Впрочем, почему же нет? Итальянцы как раз тем и занимались, что обирали всю Европу, пока их не "попросили". Французы это сделали раньше, еще при Филиппе Красивом, а другие в XVI веке.

Может быть, это "обвинение" несправедливо по отношению к итальянцам? Ведь в это время они тоже страдали под чужеземным господством, а их культура была самой яркой на континенте.

И все-таки, объединиться итальянцам помешали немцы. Ведь "гвельфы и гибеллины", отчаянная борьба городов между собой и были начальной, грубой притиркой строительных блоков общеитальянского государства:

"Итак, в конце XI и первой половине XII вв. совершается революция, благодаря которой епископское управление во многих городах заменяется муниципальной автономией. В Ломбардии одним из признаков этой революции является распространение консулата, который уже и раньше встречается в некоторых итальянских городах, например, в Вероне, Орвието, Равенне и др. В 1093г. консулы появляются в Бландрате, в 1095-м – в Асти, в 1109-м – в Комо, в 1107-м – в Милане, в 1115-м – в Гвастале, в 1126-м – в Пьяченце, в 1150-м – в Модене и т.д., а за пределами Ломбардии в 1094-м г. – в Пизе, в 1099-м – в Генуе и т.д." (Э. Лависс и А. Рамбо).

Ненависть, с какой итальянцы боролись между собой – это следствие огромной трудоемкости "низовой" притирки. Вспомним, что Италию Рим завоевывал дольше, чем мир. А тут еще "третий лишний" – немец. Поэтому "непримиримая ненависть разделяет города одной и той же области; они истощают свои силы, разоряя друг друга. "Казалось, – говорит один итальянский писатель того времени, которого нельзя заподозрить в пристрастности, – что каждое поколение старается по мере сил увеличить эту пагубную наследственную ненависть. Мести домогаются с ужасающей настойчивостью, осуществляют ее с самой варварской жестокостью. Миланцы, овладев Лоди после продолжительной осады, разрушают стены, сжигают дома, разгоняют население и оставляют на месте города груды развалин... Когда Милан был покорен Фридрихом Барбароссой, жители Лоди, Кремоны, Новары, Павии просили привилегии разрушить стены и дома побежденного города" (Э. Лависс и А. Рамбо).

Итальянцам не дали объединиться самим, выстроить иерархию "снизу". Только к началу XVI века Макиавелли почувствовал, что объединение Италии возможно. Причем, он увидел не только "что", но и "как". Но наступил XVI век. Было уже поздно. В это время сила итальянской нации клонилась к закату XVII века.

В этой главе я сознательно опускаю описание прекрасного периода итальянской истории – эпохи Возрождения XIV-XVI веков. Ведь цель этого историологического эскиза –

только чуть высветить ключевые явления национальных сезонов. Но эта эпоха освящает себя сама! Достаточно упомянуть имена Данте, совместившего в себе Готику и Возрождение, а также Боккаччо, Петрарки, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Гафурио, Корреджо, Рафаэля, Тициана, Макиавелли, Джордано Бруно, ... Можно назвать еще четыре десятка имен, которые сделали бы честь любой стране и, числом в 7-10, составили бы содержание ее любого века.

Не только папство и Рим (существовавшие в XIV веке отдельно), но и Флоренция, Милан, Венеция, Генуя и Неаполь играли в то время заметную роль в европейской политике, а венецианцы долгое время контролировали средиземноморскую торговлю.

Но, со второй половины XVI века на всю, столь многообразную, Италию, неумолимо надвигается сезонный кризис, который и наступил в XVII веке, причем как-то сразу во всех областях итальянской жизни и итальянской культуры.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ЛЕТО

Напомним схему итальянского макролета в больших сезонах:

1813		макролето ("итальянское лето")					2581	
1813	большая весна	2005	большое лето	2197	большая осень	2389	большая зима	2581

С чем же итальянцы вошли в гармоничный летний макросезон 1813-2581?

Новая формула, по-видимому, включает ценности Энея-гражданина, корпоративной комициальности, теократической республики (соборности).

Почему произошел скачок от христианской комициальности к корпоративной?

Христианская комициальность была нацелена на "лечение", воссоздание общинных основ жизни, разрушенных "осенью". Корпоративная также действенна, как политическая или гражданская. Она нацелена на создание больших сообществ, а не на гармонизацию отношений в малых.

Но почему итальянцы не возрождают гражданскую комициальность? Почему они создают корпоративную, объединяющую людей не по территориально-государственному признаку, а по принципу принадлежности к какой-то профессионально-социальной группе?

Наверно потому, что национальное государство, а также федерация и конфедерация, не являются единственной и конечной формой политического прогресса. В информационно-прозрачном и быстро сообщаемом мире (мире Большой Деревни) территориальный принцип объединения и размежевания теряет особые преимущества. И нация-личность это видит задолго до наступления событий, и, соответственно, программирует себя под новые реалии.

Не очень убедительно?

Посмотрите на факты итальянской истории XIX-XX веков. Ведь не очень хорошо получается у итальянцев с государственным строительством. Правительства неизменно коррумпированны и неэффективны, партии вырождаются быстро, как и капиталистические, особенно госкапиталистические, крупные компании. Правда, тоталитарные партии, такие как фашистская и коммунистическая, вполне жизнеспособны.

А корпорация убийц – мафия, сильна и эффективна. Духовная корпорация – Церковь, наращивает свою мощь.

Посмотрите на такое чисто итальянское явление, которое А. Грамши назвал "трансформизмом", когда партии и движения перетекают друг в друга не по индивидуальным решениям, а решениям групповым – клановым, "комициальным":

"Разница между положением дел в Италии и в других странах объективно заключается в следующем: в других странах рабочее и социалистическое движение дало только отдельных политических деятелей, в Италии же – целые группы интеллигенции, которые в качестве групп и перешли в другой класс... В сущности, это то же самое явление – трансформизм, но в других условиях. Благодаря "классическому" трансформизму произошло объединение партий итальянского Рисорджименто; такой трансформизм выявляет контраст между культурой, идеологией и т.п. и силой класса. Буржуазии не удастся воспитать свою молодежь (конфликт поколений); молодых в культурном плане привлекают рабочие, более того, они становятся или стараются стать их лидерами ("бессознательное" желание их

осуществить гегемонию своего класса по отношению к народу), но в критические периоды развития они возвращаются в отчий дом".

Может быть, дело лишь за образованием современных экономических корпораций? Первая, слабая попытка сделана Муссолини. Хотя его экономическая политика действовала слишком недолгое время, чтобы оценить ее как удачную или неудачную, и, думаю, что у Грамши получилось бы лучше. Правда, для этого ему бы пришлось постепенно отречься от коммунизма. Или же наполнить итальянский коммунизм католически-корпоративным содержанием.

Дело только за адекватной революционной идеей, которая вобрала бы в себя антилиберализм, корпоративность, уважение к институтам католической Церкви и общеевропейский (хотя бы) универсализм.

Создающаяся сейчас единая Европа – для итальянцев. Предстоящая в 20-х годах наступившего века антилиберальная и корпоративная революция – в конечном итоге тоже для них.

Итальянское общество уже в ближайшие 10-15 лет будет готово трансформироваться в что-то принципиально иное, но полностью соответствующее итальянским архетипам "телео" и "тео".

Другой вопрос: почему ценность теократической республики примет форму не папской (эдакой президентской), а соборной (скорее, парламентской) республики?

Папы сами отдадут значительную часть своей власти собору–парламенту.

Зачем?

Во имя единства католического и даже католическо-протестантского мира. Ведь скоро папами придется назначать не итальянцев, а латиноамериканцев, которые уже численно преобладают в католическом мире.

Но раз папы перестанут быть итальянцами, по-видимому, и в римской курии количество итальянцев будет убывать или же курии придется поделиться властью с епископами-неитальянцами. Курия постарается сохранить свою власть уже не на основе абсолютного контроля, а на основе политического балансирования между бразильцами, аргентинцами, испанцами, французами, мексиканцами, немцами, поляками и т.д. в ходе работы собора-парламента.

Это объяснение может показаться поверхностным, конъюнктурным. Но не конъюнктурно, а "вечно" стремление макролетней национальной общины к экспансии. Итальянская экспансия XXI – XXIII веков не может быть военной, как древнеримская. Она должна быть духовной. Будет естественно и закономерно, если она разовьет скорость по накатанной колее католицизма.

Экспансия в мире XXI-XXIII веков примет преимущественно невоенные формы, так как мир будет геополитически сбалансирован, опутан единой инфраструктурой. Мир действительно станет Большой Деревней, в которой можно подраться, но без применения огнестрельного оружия.

Итальянец – наш современник, это все тот же Эней, упрямо и вдохновенно идущий к своей цели. Современный Эней – это Макиавелли и макиавеллианец Грамши. Это и гениальный комедиант Бонапарт, но не шут Муссолини, лишь игравший Цезаря, но сыгравший в Нерона.

Итальянец "подобно природе, в своих действиях подчинен неизменным законам, основанным не на моральных критериях, а на критериях логики. Здесь не ставится вопрос, хорошо ли или дурно то, что делается, а соответствует ли это разуму или логике, существует ли соответствие между средствами и целью. Миром правит не сила как таковая, а сила разума" (Ф. Де Санктис).

Для итальянца "моральная ответственность заключена в цели, а не в средствах. Что же касается средств, то они не хороши лишь тогда, когда ими не умеют или не желают пользоваться, когда человек невежествен или слаб. Макиавелли говорит: внушайте ужас, только не ненависть и не презрение. Ненависть – бессмысленное зло, внушаемое сластолюбием, страстью, фанатизмом. Презрение есть результат слабости воли, которая мешает тебе идти туда, куда зовет разум" (Ф. Де Санктис).

Главное, что итальянцам во второй половине XX века не помешали притереть низовые блоки своего общества одно к другому. Мафия, масоны, государство, капиталистические корпорации, политические партии сейчас составляют неплохой сыгранный ансамбль, над которым морально возвышается Церковь, обновленная папой Ронкалли.

Думаю, что в этом все необходимое и достаточное для начала общеевропейской экспансии итальянцев уже в первые десятилетия XXI века.

ПРЕДЫСТОРИЯ

I. ПРЕДЫСТОРИЯ ГЕРМАНСКОГО МИРА

ФРАКИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Еще в V веке до н. э. сложилась предгерманская культурная общность во Фракии на юге Европы, и между Рейном и Одером на севере (ясторфская культура).

Фракийцы, южные и северные (даки и геты), по культуре (нации-общине) и крови были греко-дорийцами. О близости греческого и фракийского миров можно судить, например, по свидетельствам военной истории греков:

"Откуда полисы черпали наемные силы? Можно выделить два существенных момента: во-первых, таким источником являлись строго определенные районы Эллады, и, во-вторых, каждый из них представлен был, так сказать, своим видом войска, т.е. между отдельными видами войска и местом их происхождения обнаруживается несомненная связь: подавляющее большинство наемников-гоплитов в этой войне, родина которых известна, – из Пелопоннеса, причем преобладают среди них аркадяне, пельтасты – из Фракии, лучники – с Крита, а пращники – с Родоса... И эта слава сохранилась за ними надолго, намного пережив IV век" (Л. П. Маринович)

Фракийский мир был активно вовлечен во многие общегреческие процессы:

"Совершенно очевидно, что в самом начале III в. до н.э. союз гетов уже представлял грозную силу: военное столкновение армии Лисимаха – прославленного сподвижника Александра Македонского – с гетами под руководством Дромихета закончилось в 293 (или 292) г. до н.э. поражением греков и пленением сына Лисимаха, а затем и его самого, и заключением позорного для греков мира. Такой крупный военный успех не был случайностью (армии Лисимаха терпели поражение от гетов по крайней мере дважды: сначала под руководством сына Лисимаха – Агафокла, а потом под руководством самого Лисимаха). Он оказался под силу только союзу племен. Не должно быть сомнений в том, что возникновение этого гетского племенного объединения относится к периоду, предшествующему битве, т.е. к IV в. до н.э." (Т. Д. Златковская, Л. Л. Полевой).

Греческий и фракийский миры имели общих богов (Арес, Дионис, Артемида, Гермес и Орфей – тоже фракийцы) и общих философов:

"Огромную роль, цементирующую всю общину, играло учение жреца гетов Залмоксиса. По словам Геродота и Диогена Лаэртца, в философии Залмоксиса, которую он проповедовал гетам, сказалось греческое влияние. Залмоксису были известны идеи Пифагора. Его собственное учение о бессмертии души и о том, что он сам и их потомки никогда не умрут, но перейдут в другую обитель, где их ожидает блаженная жизнь, оказывало немалое влияние на нравственные нормы гетов" (Ю. К. Колосовская).

Фракийцы столь же "недружны", "партикулярны", как и сами греки. По свидетельству Геродота "народ фракийский после индийцев – самый многочисленный на земле. Будь фракийцы только единодушны и под властью одного владыки, то я думаю, они были бы непобедимы и куда могущественнее всех народов. Но так как они никогда не могли прийти к единодушию, то в этом-то и коренилась их слабость. Племена их в каждой местности носят особые названия. Нравы и обычаи у всех одинаковы, кроме гетов, травсов, живущих севернее крестонеев."

В то время, когда южные греческие племена и города-государства осуществляли морскую колонизацию Средиземноморья и Причерноморья, фракийцы осуществляли сухопутную колонизацию, отправляясь на север, подымаясь до самого Северного моря по рекам – нынешним Дунаю, Рейну, Везеру, Эльбе, Одере, Варне, Висле и Западному Бугу. Там они постепенно стали "ясторфцами", которые через некоторое время также начали свою экспансию, двигаясь на восток и юг, не теряя связей и с живущими далеко на юге "родственниками-фракийцами".

О том, что фракийский мир не ограничивался территорией собственно Фракии, существует много авторитетных свидетельств. Они, конечно, противоречивы, но, имея в руках путеводную нить, как, например, нашу гипотезу, многие противоречия вполне можно объяснить и устранить:

"Румынский исследователь В. Пырван считал, что еще с бронзового века не только к югу от Дуная, но и к северу от него, во всем Карпато-Дунайском районе жили фракийские племена – геты и даки. Геродот не упоминал о них только потому, что они не были известны его ольвийским информаторам. О том, что области к северу от Дуная были заняты гетами, знали в Истрии. Не посетив этого города, Геродот не мог получить полных сведений о гетах. Восточной границей расселения гетских племен В. Пырван называл Днестр. Точку зрения В. Пырвана разделяли и разделяют многие румынские ученые... Описанные памятники междуречья Прута-Серета и левобережного Дуная VII-III вв. до н.э. хотя и немногочисленны, но достаточно очевидно свидетельствуют о том, что в течение всего интересующего нас отрезка времени на этой территории обитало фракийское население, отличавшееся по культуре от скифских племен Северного Причерноморья и близкое к племенам, жившим на правом берегу Дуная. Были ли это геты или какое-то другое, родственное им фракийское население, сказать пока невозможно. Таким образом, пять левых притоков Дуная, которые, как думал Геродот, протекали в скифской земле, оказываются в местности, заселенной в эпоху, известную Геродоту, и в последующее время не скифами, а фракийцами" (Т. Д. Златковская, Л. Л. Полевой).

Уже в IV веке до н. э. фракийцы, идя как с севера, с ядра ясторфской культуры, так и с юга, с берегов Дуная, освоили и обширные территории современной Польши (поморская культура). Ранее жившие здесь племена не были полностью вытеснены, уничтожены или ассимилированы. Напротив, на огромных пространствах Средней и Северной Европы образовалась мозаика, а кое-где и племенная взвесь разных этносов. Но влияние ясторфской (протогерманской) культуры здесь усиливалось.

В Средней и Северной Европе образовался единый "ясторфско"-фракийский мир, в котором племена и племенные союзы активно взаимодействовали друг с другом по единым "фракийским" правилам: торговали, воевали, вместе защищались, перенимали достижения и обменивались женщинами. Не случайно греков так манил к себе гиперборейский север, может быть, манил не север, а родственники – "ясторфцы", т.е. фракийцы, обосновавшиеся на севере Европы?

Приведу замечательное в своей внутренней достоверности сообщение Геродота о гипербореях:

"Гораздо больше о гипербореях рассказывают делосцы. По их словам, гипербореи посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов дары принимают ближайшие соседи, и каждый народ всегда передает их все дальше и дальше вплоть до Адриатического моря на крайнем западе. Оттуда дары отправляют на юг: сначала они попадают к додонским эллинам, а дальше их везут к Малийскому заливу и переправляют на Евбею. Здесь их перевозят из одного города в другой вплоть до Кариста. Однако минуют Андрос, так как каристийцы перевозят святыню прямо на Тенос, а теносцы – на Делос. Так-то, по рассказам делосцев, эти священные дары наконец прибывают на Делос. В первый раз, говорят делосцы, гипербореи послали с дарами двух девушек, по имени Гипероха и Лаодика. Вместе с ними были отправлены провожатыми для безопасности девушек пять гиперборейских горожан. Это те, кого теперь называют перфереями и весьма почитают на Делосе. Однако, когда посланцы не вернулись на родину, гипербореи испугались, что посланцев всякий раз может постигнуть несчастье и они не возвратятся домой. Поэтому они стали приносить священные дары, завернутые в пшеничную солому, на границу своих владений и передавать соседям с просьбой отослать их другим народам. И вот таким образом, как передают, дары отправлялись и наконец прибывали в Делос. Мне самому известно, что в других местах происходит нечто подобное со священными дарами. Так, фракийские и пеонийские женщины при жертвоприношениях Артемиде-Царице всегда приносят священные дары завернутыми в пшеничную солому".

Не указывает ли это на существование постоянных "родственных" связей между греками, фракийцами и гипербореями ("ясторфцами")?

КЕЛЬТО-ФРАКИЙСКОЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ

На рубеже IV-III веков до н. э. расширяющийся "фракийский" мир столкнулся с завершавшим свою экспансию кельтским миром. Кельтское продвижение, походы Александра Македонского и образование эллинистических государств, в том числе и во Фракии, нарушили равновесие в этом племенном мире.

Несколько позже, во второй половине III века до н. э. в низовьях Везера, Эльбы и Одера столкнулись "поморцы" и кельты. Поморская культура в этой борьбе погибла, но родились культуры пшеворская и оксывская.

Мир "ясторфско"-фракийских племен продвинулся дальше на восток, образовав зарубинецкую культуру в Припятском Полесье, на Среднем и Верхнем Днепре и культуру Поянешти-Лукашевка на территориях нынешней Молдавии и румынской Молдовы.

На рубеже III-II веков до н. э. мир фрако-"ясторфских" племен занимал уже огромные пространства Северной Европы от Рейна на западе, включая в себя Скандинавию на севере и идя широкой полосой от моря до низовий Везера, Эльбы, Одера, Вислы, наконец, у Припяти расширяясь на все пространство от Балтийского до Черного морей. В III веке до н. э. этот мир успешно противостоял выдыхавшейся кельтской экспансии. Но в этом же веке он приобрел и характер устойчивой кельто-протогерманской взвеси племен, позднее ставшей огромным свевским миром:

"Ж. Вандри настаивал на близости кельтов и германцев и в географическом, и в этническом отношении. Он показал, что греки и римляне иногда смешивали кельтов и германцев, т.е. давали германские имена кельтским народностям и наоборот. Между теми и другими граница была зыбкой, поскольку племена перемещались то в одном, то в другом направлении, следуя случайностям войны. Поэтому происходили смешения, которые делали различие невозможным.

Так, спорным является вопрос, были ли жившие по Рейну племена (тенктеры, узипеты, неметы и трибоки) германцами или кельтами, а, может быть, теми и другими сразу. Дион Кассий утверждает, что тенктеры были кельтским племенем. Согласно Тациту, тревирсы или треверы хвастались, что они германцы, а неметы были ими определено. Взамен он сообщает, что готоны не были германцами, несмотря на то, что они не говорили по-галльски. Судя же по именам, дело обстояло как раз наоборот: готоны были германцами, а тревирсы и неметы так же, как и трибоки, были кельтами. Среди кимбров и тевтонов, которых Марий разбил у Акв Сектиевых в 102г. до н.э., имелись кельты, смешанные с германцами" (Н. С. Широкова).

К концу III века до н. э. на юго-востоке этого мира, на территории от Среднего Днепра до низовий Днестра и Прута образовался сильный союз бастарнов – союз протогерманских и протославянских племен, который очень напоминает позднейшие казачьи образования. Известны разбойничьи походы бастарнов далеко на юго-запад, в земли кельтов-скордисков, гетов, македонян и иллирийцев.

О смешанности, мозаичности племенного мира Южной Европы того времени можно с уверенностью судить, прежде всего, по археологическим фактам:

"Новые элементы культуры происходят из разных источников и поэтому едва ли могут быть непосредственно связаны с приходом в Карпато-Днестровский район какой-то одной группы племен – бастарнов или германцев. Одни из этих элементов по происхождению кельтские, которые в II-I вв. до н.э. были распространены на обширной территории. Другие связаны с поморской культурой. Некоторые формы сосудов и вещей происходят из далеких районов междуречья Одера и Эльбы" (М. А. Романовская).

СТОЛКНОВЕНИЕ С РИМОМ

Казалось бы, за нарождающимся германским миром большое и просторное будущее, так как кельты в III веке до н.э. вступили в большую зиму макроосени, а с I века до н. э. уже и в макрозиму. Поэтому они должны были надолго сойти с исторической сцены как самостоятельная, экспансивная сила. Правда, прежде чем потеснить кельтов, прогерманцам-фракийцам надо было пережить и свою большую зиму II-I веков до н. э.

Но случилось, что в это время небольшой латинский народ стал великим полисом-спрутом, уничтожившим Карфаген, быстро распространившим свою власть на всю Италию,

на Сицилию и Испанию, а в середине II века до н. э., в союзе с южными греками, сокрушившим Македонию и государство Селевкидов, и затем и покорившим всю Грецию.

Столь неожиданный успех Рима стал возможен в условиях тотального макросезонного ослабления галлов с 270 года до н. э., а также локального большезимнего ослабления греков, македонцев, фракийцев и "ясторфцев" в 170-10 до н. э. На востоке у римлян в то время тоже не было серьезных противников.

Но, конечно, прочный успех Рима мог быть основан не на одной только долговременной или среднесрочной слабости великих европейских этносов-соседей. Он должен быть основан на внутренней силе. Поэтому сделаем экскурс в предысторию и историю Рима, волею судеб ставшего одним из двух столпов западной культуры, ставшего также и злым гением Германии.

II. ПРЕДЫСТОРИЯ РИМА

ИЛЛИРИЙСКИЕ КОРНИ

Следы первых поселений на территории Рима датируют еще XVI веком до н.э.:

"Э.Гьерстад сопоставил эти материалы с наличием на Палатинском холме пещер в частности Луперкала, а также с традиционными обрядами, вошедшими в религиозную практику римлян, и выдвинул тезис о существовании здесь древнейших поселений, относящихся к 1600-1500 гг. до н.э." (И. Л. Маяк)

Но настоящая предыстория Рима, как предыстория латинской нации-общины, начинается в XIII веке до н. э., когда в его окрестностях поселились троянцы Энея.

Троянцы скоро нашли общий язык с аборигинами, населявших территорию, прилегающую к реке Тибр. Их нации-общины имели общие корни – иллирийские:

"Их усматривают в этнониме авзонов, в культах быка и волка и в погребениях в деревянных ящиках, приписываемых яподам. Нам кажется, что отголоском иллирийского присутствия в Лации можно считать и имя одного из альбанских царей, деда Тиберина, Каписа, поскольку так же звали и отца Анхиза, деда Энея. Асканием звали одного из сыновей Приама, связанного родством с Энеем. Важно отметить, что иллирийские движения в направлении Лация и затем из него в Южную Италию относятся уже к железному веку, т.е. к концу II – началу I тыс. до н.э... согласно Страбону, в Самофракии некогда обитали иллирийцы Иасион и Дардан, откуда последний и переселился в Малую Азию. О переселении Дардана из Самофракии в Трою говорится также в Веронских схолиях к Вергилию" (И. Л. Маяк)

Поэтому очень скоро оба племени (на самом деле, нации-общины, имеющие общее иллирийское происхождение), начавших общий летний макросезон, не только нашли общий язык между собой, но и проявили готовность к синойкизму, т.е. к слиянию в единый национальный организм.

Возможно, что в силу разных причин аборигины были "отставшими" на один-два макросезона троянцами, иными словами они были как бы варваризированными троянцами и потому поддались сравнительно быстрой ассимиляции в троянскую нацию-общину.

Слияние произошло в XIII-XI веках до н.э., а народ стал называться латинами, по имени царя аборигинов Латина, выдавшего свою дочь замуж за троянца Энея (в этом событии факт и символ латинского синойкизма).

СИНОЙКИЗМ

Возможно, в том, первом предримском, т.е. латинском синойкизме и была создана модель для последующих, в частности, для латино-сабино-этрuscoго синойкизма VIII-VI веков до н. э.

Как это делалось?

Два (три и более) племени объединялись в союз двух (трех и более) триб. Структура племени включала не только родовые общины, но и некие промежуточные образования, которые становились фратриями – союзами мужчин-воинов, братствами или соседскими общинами. Такие промежуточные общинные образования могли сочетать в себе признаки мужских союзов, братств и соседских общин. Именно таким универсальным фратриальным образованием стали курии.

Курии концентрировали в себе немалую власть над душами людей, а с течением времени их власть в организме общеримской национальной общины усилилась и стала преобладающей.

В куриях сосредотачивались политическая жизнь, судебная власть, свободное время, праздники и большая часть религиозных церемоний:

"Деятельность курии достаточно многообразна. Ее можно довольно ясно представить себе. В источниках нет недостатка в упоминаниях о куриях. Древние дают этимологию слова от *сига* – забота, попечение... это были помещения или участки с очагом, вокруг которых собирались на пиршества. В собраниях участвовали главы курии, курионы, вместе со

жрецами. Вероятно, эти угощения можно рассматривать как видоизмененные общие трапезы членов курии или часть общекуриальных трапез" (И. Л. Маяк)

Курии находились в сложном взаимодействии не только с трибами и общеримской общинной, но и с родами, семьями:

"Именно мужчины-воины и составляют курии, т.е. представляют род в военных союзах (coviriae>curiae). Курии – это форма организации патриархальных родов, через которые осуществляется все управление и реализуются все возможности существования родовых коллективов, в том числе и получение земель. Это означает, что никакого противоречия между родовым и куриальным землевладением нет. Куриальное землевладение есть выражение родового характера земельной собственности. Род же в свою очередь, включает в себя отцовские большие семьи, осуществляет наделение земель этих ячеек, т.е. однотипных с ним общин низшего порядка. Таким образом, выстраивается ряд коллективных землевладельцев в широком смысле этого слова – курия, род, большая отцовская семья" (И. Л. Маяк)

После того, как племена объединялись в латинские трибы или становились трибами, начинался процесс быстрого обескровливания и обесценивания племенного организма, все основные функции которого уходили в территориальные промежуточные общины-курии.

А поскольку люди довольно интенсивно перемещались в пределах предримской национальной общины (браки, приобретения имущества, союзы и соглашения между родами), то довольно быстро размывалась национальная и племенная гомогенность курий и триб, даже если таковая и была изначально. Так, в течение нескольких поколений, возникал новый, не аборигинский и не троянский, а латинский организм.

Трибы через некоторое время стали только земельными, а не земельно-понародными единицами общественного организма полиса, что и нашла прямое отражение в сообщениях древнеримских историков:

"Варрон сообщает о делении на три части не народа, а земли, откуда уже получили названия и трибы. Ливий же рассказывает, что Ромул поделил на 30 курий народ" (И. Л. Маяк).

ИСКУССТВЕННЫЙ СИНОЙКИЗМ

Позже естественные механизмы синойнизма дополнились искусственными. Племена, присоединенные к Римской общине (насиленно или под давлением), уже искусственно и быстро разделялись между трибами и куриями:

"Весь рассмотренный здесь материал позволяет с учетом новых данных дополнительно подкрепить и конкретизировать ранее аргументировавшееся нами положение о формировании римской civitas не непосредственно из разлагающихся родовых общин, а из общин соседского типа... можно думать, что распределение новых римлян производилось по имеющимся в Риме "фратриям" а не по созданным заново из переселенных камеритов. Точно также, согласно Дионисию, поступил Ромул и после триумфа над Вейями. Пожелавших принять римское гражданство вейейтов он распределил по фратриям. Если учесть, что Дионисий переводит слово курия словом фратрия, становится ясным, что римское население увеличивалось, пополняя уже сложившиеся курии новыми людьми" (И. Л. Маяк).

Был ли этот сложный механизм ассимиляции чем-то стихийным или, напротив, направлялся и совершенствовался некоей цепочкой гениев-законодателей и политиков?

Конечно, этот процесс направлялся, но направлялся он не гением государственных мужей, а гением римской общины как таковой, гением общинного разума и его "стратегическим планом – прогнозом", воля отцов-сенаторов и царей была лишь надстройкой над волей и разумом общеримской общины.

Летний макросезон 1259-491 до н.э. потомки Энея и Латина боролись за самоутверждение в Италии. Боролись за место среди других народов Италии, а в конце макрорета, т.е. в неблагоприятную большезимнюю пору, сражались и потерпели поражение в борьбе с этрусками.

В этой борьбе латины создали систему общинного и политического устройства римской нации. Но, поскольку письменности в "летней" Латинии еще не было, то весь этот период может быть оценен преимущественно по результатам археологических и

лингвистических изысканий, по преданиям и мифам и по оценке того культурного богатства, с которым римляне начали свой путь в макроосени 491 до н. э. – 277 н.э.

III. ЭНЕИДА

РИМСКАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ

Прежде, чем из темной болотистой предыстории выйти на твердую почву письменной истории, сделаем анализ кода национального сознания (кода "телео") наций-общин латинов и греков. Ведь саморазвитие этого кода в национальном организме определяет направления и болевые точки конкурентной борьбы наций между собой, становится конкретикой общественных и государственных институтов. Этот код, рассматриваемый как субъект, может быть назван также национальным духом, духом нации.

Ценностная система нации, ее телеология или ее "сознательный" код – это совокупность трех базовых ценностей и одной антиценности, которая, правда, в силу своих "подражательных способностей" тоже может "разстроиться".

Базовые ценности нации-общины отвечают на вопросы:

- Какова путеводная и одновременно общезначимая цель человека на его жизненном пути или, другими словами, каков личностный идеал нации, какова идеальная личность у нации?

- Какое начало положено в основу естественной групповой солидарности людей или, другими словами, на какой основе люди неосознанно объединяются в группы, которые становятся социальными и политическими кирпичиками нации?

- Каков принцип построения межгруппового и межличностного взаимодействия, а на его основе – общества и государства или, другими словами, каков основной правовой принцип общества, который можно назвать и цементом нации-общины?

Антиценность имеет характер базового национального психологического комплекса, сводимого к комплексам "изгнанника", "преступника" или "покоренного". Если народ пережил в какой-то своей большой зиме изгнание с родной земли, был покорен другим народом или сам не только покорил, но и уничтожил или изгнал другой народ, то в последующем он может стать носителем соответствующего комплекса. В сознании христианских народов этот комплекс воплощается в образе Антихриста, хотя и без воплощения он живет и влияет на поведение нации в образе Тени – шепотом дьявола.

Какова базовая ценностная система предримлян?

Это телеология "Эней-строителя", "комициальности", республиканского "универсализма снизу".

ЭНЕЙ

Кто такой Эней-строитель?

Это тот самый Эней, который сражался в погибающей Трое, бежал с отцом и детьми, но впопыхах потерял жену. Она погибла и вскоре бестелесным существом вернулась к нему сказать "прощаю и люблю".

Это Эней, который пытался обосноваться во Фракии, но бежал от крови предательски убитого местным царем-"гостеприимцем" сына Приама. Потом попытался прижиться на Крите, но бежал от эпидемии. Потом на время остановился в Карфагене и невольно погубил влюбленную в него царицу гостеприимной страны.

Наконец, он остановился на берегах Тибра. Здесь он, на месте будущего великого города, и обосновался, женившись на дочери царя этой местности – Латина. Здесь он и "пустил корни". Все время своего семилетнего путешествия Эней оставался с друзьями – своими троянскими соплеменниками.

Так что это за образ и что это за код – "Эней"?

Это коллективист. Это индивидуум, растворенный в малой общине. Это человек цели, это человек жесткий. Любовь и симпатии он отдает в жертву цели и чувству товарищества (подобно нашему Стеньке Разину, он" за борт ее бросает в набежавшую волну").

Он весь отдан реализации своей идеи. Он идет, не затрудняясь шагать и по головам. Он – строитель. Он строит дом, государство, империю, свой мир, не стесняясь в средствах, если надо, то на крови и костях. Он – политик и воин. Его миссия – разделять и властвовать, соединяя разделенный мир по-своему.

КОМИЦИАЛЬНОСТЬ

Что такое "комициальность"?

Комициальность – это способность к решению всех основных вопросов на комициях, как политических, так и судебных, "морально-воспитательных" и религиозных. Комиции – это небольшие собрания-общности людей, "притертых" друг к другу в повседневном общении и спаянные общими интересами, так что эффект общинности проявлялся и здесь, причем очень сильно. В куриатных комициях предримляне, а затем римляне, как раз и реализовывали архетип "комициальности".

В основе комиций любого типа лежит тщательное соблюдение ритуала:

"Римская религиозность состояла прежде всего в самом тщательном и скрупулезном соблюдении всех обрядовых формальностей, ибо даже малейшее отклонение, ошибка или пропуск какого-либо ритуального действия или формулы могли обидеть божество и вызвать его гнев. При таком количестве культов необходимо было создать многочисленное жречество, хорошо знавшее обрядность, имена и функции всех божеств" (К. Куманецкий).

Курии не были общинами "для жизни", они были общинами "для цели", "для задачи" – для возведения на их основе социального, политического и государственного здания римского общества. В куриях "не жили", в куриях "работали", не только решали управленческие задачи, но и поверяли алгебру логических решений гармонией коллективной интуиции. Потому "курия" является ценностью в "верхушечном" телеологическом блоке, а не в базисном – теологическом.

В отличие от римлян, греки наработали "эклесиальность" (от слова "эκκλησία", обозначающего общее собрание граждан полиса, где встречались малознакомые люди, собирались большие общности людей). То есть, в комициях люди, хоть и обладают формальным равенством голоса, но знают друг о друге все или почти все. Поэтому формальное и обезличенное право голоса здесь играет лишь вспомогательную роль, а основную – реальный статус и сила личности и ее рода. Комиции становятся "клейкими кирпичами", способными сцепляться друг с другом.

Именно малое политическое собрание, тесно спаянное с общиной-курией, стало основным связующим материалом латинского, а потом и итальянского общества. В последующем лишь менялись общинные субъекты и иерархии, но не этот связующий материал для общин и иерархий, названный нами "комициальностью".

Небольшие политические собрания объединяли римлян не только территориально, но и по профессиональным, имущественным признакам:

"Интересно, что именно по инициативе Катона Старшего, заклятого врага греческих культурных влияний и вообще всяческих новшеств, в Риме была сооружена первая базилика – большой крытый зал для собрания купцов, судебных заседаний, комиций, так называемая Базилика Порция. Шесть лет спустя, в 178г. до н.э., цензоры Марк Эмилий Лепид и Марк Фульвий Нобилиор построили Базилику Эмилия, а еще через 8 лет, стараниями Тиберия Семпрония Гракха, на южной стороне Форума появилась Базилика Семпрония. Форум с портиками, колоннадами, галереями стал общепризнанным центром не только политической, но и всей вообще общественной жизни в городе: купцы и ростовщики приходили сюда столь же часто, как и сенаторы" (К. Куманецкий).

РИМСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ

Что такое республиканский "универсализм снизу"?

Универсалистский принцип построения политической системы пытается "разглядеть" объекты политической структуры через выделение в них общего, абстрактного, универсального, с последующим объединением этого универсального в единообразную структуру.

В отличие от универсализма, партикуляризм принимает объекты политической структуры такими, как они есть. Он воспринимает их как автономных субъектов, позволяя (и помогая) им объединяться самим.

Но почему "снизу"?

Потому, что римская политическая структура строится не от идеи-общности, а идет от общины, начиная с малой, родовой (гентильной), потом идя к куриальной, потом – к трибальной (племенной) или центуриальной (примерно – сословной) и далее вверх по иерархической лестнице общественной пирамиды. В основе римского общества находится именно малая община, а не личность.

И только после успешных войн на Востоке во II веке до н.э. "римляне открыли для себя эллинистический культ индивидуальности, столь не свойственный их суровым обычаям маленькой общины, политическим традициям их республики, требовавшим сплоченности, сознания "общего дела" и оставлявшим мало места для духовной самостоятельности отдельной личности" (К. Куманецкий).

Принцип "разделяй и властвуй" – это квинтэссенция римского универсализма, который, в более развернутой формулировке, может быть прочитан как "разделяй, выделяй универсалии, затем объединяй их в единую иерархическую систему, удобную для управления с помощью комициальности, и – властвуй!".

Республиканский "универсализм снизу", в отличие от универсализма просто, это и общий принцип, и конкретная модель. Эта модель, имеющая глубокую ценностную основу, вполне сложилась в Древнем Риме уже ко времени правления Ромула. Ее иерархия – это иерархия полиса-трибы-курии-рода-большой семьи, в которой общеполисную власть имел сенат, а не народное собрание (экклесия), как у греков, а ключевую роль в политической системе играла курия, а не гражданин, его род или семья:

"Царь взаимодействовал и с сенатом, и с куриатными комициями. Его власть была выборной. Как мы проследили, выборы проходили в народном собрании, но кандидатура царя предлагалась сенатом, равно как и избрание фактически утверждалось им же. Царь же вносил в комиции закон о своей верховной власти" (И. Л. Маяк).

Республиканская модель стала основной в современном мире. В современных республиках, как и в первой – древнеримской, капризная народная воля получила воплощение в устойчивых иерархических и сбалансированных политических структурах. Эти структуры опираются также на народную волю, оформленную в волю малых общин и собраний или "общаются" с разрозненными индивидами через "плебисциты" (т.е. анонимные выборы).

Собрания граждан, проводимые по куриям, ослабляли как консервативную власть рода, так и центробежные потенции племени-трибы. Делегирование сенаторов от курий позволяло создать достаточно устойчивый, малочисленный, компетентный и ответственный центр политической власти в лице отцов-сенаторов. Этого нельзя сказать о греческих народных собраниях и созданных ими структурах, как демократических, так и олигархических, да и монархических, как правило, порывистых, неравновесных, неустойчивых или тяжеловесных и потому тоже неустойчивых.

Республиканское правление, впервые открытое и освоенное латинами еще в предримскую эпоху, удачно объединило демократическое, общино-родовое и общеполисное начала. Оно создало не только устойчивую, но и эффективную ассимиляционную машину, которой в будущем предстояло развиваться в полис-империю, полис-спрут – расширяющуюся, экспансивную гражданскую общину города-государства.

Греческий полис, основанный на партикуляристском принципе, никогда не стал расширяющимся, экспансивным полисом. Зато он развил способности к созданию союзов, содружеств, федераций, лоскутных эллинистических царств. В их основе было не единое абстрактизированное право и сквозные институты, как у римлян, а живой компромиссный договор, соглашение, согласие малых политических субъектов. В их основе было не право универсалий, а прецедентное право, не право, объединяющее общество "снизу", а право, объединяющее общество "сбоку" ("горизонтальное право").

РИМ В БОРЬБЕ ЗА ИТАЛИЮ

В 509 году до н. э., т.е. за 18 лет до начала большой весны осеннего макросезона, римляне изгнали последнего этрусского царя Тарквиния Гордого и в течение двух десятилетий установили неограниченный, даже номинальной монархией, республиканский режим.

В начале V века проводились интенсивные политические реформы, происходило усложнение и развитие структуры государства, уже нацеленного на создание некоего имперского целого. К куриатным комициям добавились центуриатные и плебейские (плебисциты). Одновременно Рим провел успешные войны с соседями и в 493 году до н. э. возглавил союз латинских городов. Затем присоединил к четырем городским трибам еще семнадцать сельских (вот он – универалистский синойклизм в действии).

Но в 390 году до н. э. (т.е. в начале средней зимы большой весны) Рим был ослаблен галльским вторжением, после чего латинский союз распался и был восстановлен только спустя 32 года, т.е. в конце средней римской зимы.

С середины IV века до н.э. экспансия Рима продолжилась, а союз, им возглавляемый, расширился. Население некоторых римских союзников получило права ограниченного римского гражданства. Тем самым, уже в то время, римской универсализм в форме римского универсального гражданства сделал решительный шаг к началу последовательной имперской экспансии.

В течение всей второй половины IV века до н.э. Рим, ставший сильнейшим государством в Центральной Италии, воевал с Самнитским союзом, контролирующим Южную Италию. К началу III века до н.э. Рим утвердил свое господство и в Южной Италии, хотя предварительно ему пришлось выдержать раздор в собственном лагере, разгромить и заставить вернуться своих отколовшихся союзников.

В начале III века до н.э. (в начале большого лета) Рим вступил в бескомпромиссную борьбу с греческими колониями в Италии. Эти колонии были поддержаны решительным царем Эпира Пирром. Только в 275 году до н.э. римляне одержали окончательную победу над Пирром и утвердили свою безусловную власть и на юге Италии.

Примерно началу III века до н.э., в результате более чем двухсотлетних социальных распрей и классовой борьбы, политическая система Римского полиса приобрела в целом завершённые формы универалистской республики, подготовленной к своему имперскому будущему. Сложилась патрицианско-плебейская знать – нобилитет, который стал высшим сословием государства.

Римляне, после своего утверждения в Южной Италии, начали и более двух десятилетий вели войну в Сицилии. Основным соперником для них стал Карфаген. Только в 242 году до н.э. Первая Пуническая война завершилась победой римлян.

Еще до войны с Карфагеном римляне разгромили галлов и расширили свои владения на севере, захватили галльский город Медиолан (нынешний Милан).

В двадцатых годах III века до н.э. римляне укрепились и на противоположном берегу Адриатики – в Иллирии.

В 218 году до н. э. карфагенский полководец Ганнибал, пройдя через Иберию и Галлию, вторгся в Италию. Началась Вторая Пуническая война. Но в 204 году до н.э., после драматичной борьбы, и Карфаген был побежден.

IV. ОДИНОКИЙ РЕЙНДЖЕР СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

РИМ СТАНОВИТСЯ ИМПЕРИЕЙ

Победа над Карфагеном положила начало интенсивной колонизации Иберийского полуострова.

Рим стал крупнейшим и наиболее могущественным государством в Западной и Средней Европе, и устремил свой взор на богатый Восток. Вскоре греки пригласили его арбитром в греко-македонском противоборстве.

В 197 году до н. э. римляне победили македонцев, а в 190 году до н.э. греков-сирийцев. Передышка, которой "раннезимние" македонцы пытались воспользоваться для накопления сил и решительной победы над римлянами, им не помогла. Время работало на римлян. В 168 году до н.э. Македония была разгромлена и разделена на четыре области.

После того, как македонцы и фракийцы вторглись в Македонию и Фессалию, римляне еще раз разгромили их, а в 146 году до н.э. осилили и мятежных греков. В "наказание и назидание" были разрушены древние Фивы, священный греческий город, когда-то основанный финикийцами.

Если до этого практичный Рим строил "просто" империю, то после побед в Греции – уже мировую империю. Ведь они победили и покорили греков, всего лишь за 200 лет до этого создавших свою великую империю. Римляне увидели слабость греко-македоно-фракийского и галльского миров. Финикийский Карфаген был "приговорен" к разрушению.

Римляне до основания разрушили Карфаген, а место, где он стоял, посыпали солью. На принадлежащих Карфагену территориях была создана провинция "Африка". Примерно в это время к Риму было присоединено Пергамское царство, ставшее провинцией "Азия". В Испании началось вытеснение римскими колонистами местных иберо-кельтских племен.

Всего за несколько десятилетий второй половины III века до н.э. Рим, до этого в течение трехсот лет с переменным успехом боровшийся лишь за господство над Италией, а в конце III века переживший ряд сокрушительных поражений на своей территории в борьбе с Ганнибалом, стал великой державой Средиземноморья. Но, что более важно, увидел себя окруженным слабыми соседними государствами и слабыми племенными союзами.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗВЫШЕНИЯ

Это беспрецедентное возвышение Рима произошло в сезон средней зимы большого римского лета, когда элита нации становится агрессивной и кичливой, наглой и жестокой. Обычно, такое поведение элиты влечет за собой наказание. Но римлянам на редкость повезло: слабость соседей в конечном итоге оправдала экстремистскую политику Рима, а безземельный италийский плебс, готовый взорваться восстанием, получил земельные наделы на благодатных землях Иберии (будущей Испании).

Есть еще одно условие беспрецедентного расширения Римского мира. Латины, продолжавшие развитие иллирийской (дарданской) национальной общины, вот уже пятый большой цикл находились на круто восходящей траектории S-перехода. Тем самым, их энергетика "случайно" оказалась намного более сильной, чем энергетика всех европейских соседей римлян, значительно позже вошедших в почти вертикальное пике своего S-перехода.

Макровесенние греки отставали от римлян более чем на 1200 лет, да еще и были ослаблены неблагоприятным сезоном своего большого цикла. Это же можно сказать и о близкородственных грекам народах: о македонцах, фракийцах и "ясторфцах"-предгерманцах.

Галлы, также вступившие в большую зиму, лишь "недавно" вступили на круто восходящую линию своего S-перехода.

Только другой небольшой народ Средиземноморья – евреи, мог бы поспорить здесь с римлянами. Но судьба еще не столкнула их друг с другом.

Римские завоевания дестабилизировали внутреннюю обстановку в самой Римской республике, разладили сложную политическую и социальную машину, отлаженную в 500-300 до н.э.

Огромные богатства развращали и нобилитет, и плебс. Римлянам уже не хватало сил и времени, чтобы производить, поскольку они с трудом успевали отбирать и делить. Возросла роль армии. Рабов тоже стало слишком много, они становились грозной социальной силой и уже в 137 году до н.э. в Сицилии вспыхнуло первое великое восстание рабов.

Примерно к началу I века до н.э., т.е. за пятьдесят лет, италийское общество полностью переродилось. Это уже не было общество граждан, связанных с римской общиной тесными узами родства и традиции. Это было новое космополитичное общество, с огромными контрастами между богатством и бедностью, властью и беспорядком, армией и нобилитетом, развратом, расточительством и трудом.

Казалось бы, вскоре такое общество и такое государство должны были разрушиться. Но на дворе была "золотая пора" – начало большой римской осени, а предыдущее пятидесятилетие было не только временем накопления противоречий, но и временем приспособительных реформ, наиболее известными из которых стали реформы братьев Гракхов.

Дальнейшие события показали, что италийское общество переродилось, но не выродилось. Впереди было время военных диктатур, раздачи земель воинам, время гражданских войн, грандиозного восстания рабов под предводительством Спартака, время завоевательных походов Помпея и Цезаря, время установления принципата Августа.

Полководец и профессиональный воин становятся центральными фигурами римского общества и главными действующими лицами римской истории. Все другие политические субъекты не могут оспорить их доминирования в основных сферах жизни: ни купцы, ни нобили и всадники, ни отцы-сенаторы, ни народные трибуны.

Ранее сбалансированная политическая система Республики, уравнивающая любую силу, теперь построилась не на балансе уровней власти, а выстроилась в иерархию, реализующую в основном только интересы военного сословия и его прямого "начальника" – императора.

Республика не сдалась без борьбы. Лишь в 42 году до н.э. яростные защитники "чистой" республиканской традиции потерпели окончательное поражение, а в 31 году до н.э. Октавиан Август стал единовластным правителем (принцепсом) Римского государства.

Республика, переставшая быть сбалансированным механизмом, ранее не допускавшим узурпации власти одним человеком или какой-то группой людей, все же сохранила все основные институты публичной власти и поэтому еще долго оставалась основой политической системы Римского государства.

Поэтому Республика осталась и при Империи, надстроенной над ней, но ее институты все более обесценивались.

V. ОДИССЕЯ

ТЯЖЕЛЫЕ РОДЫ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ

Вернемся к фракийцам-"ясторфцам". Побежденные римлянами в середине II века до н.э. в Македонии, подвергшиеся в последующем давлению и вытеснению из Фракии, разгромленные в середине I века до н.э. Цезарем вместе с галлами и свевами Ариовиста, перемешавшиеся (но не слившиеся) на севере с вытесненными из завоеванной Галлии кельтскими племенами, вовлеченные в войну всех против всех, они пережили тяжелые времена, занявшие вторую половину второго и первую – первого веков до н.э.

В это время погибло много племен, а те, что выжили, уже не были теми фракийцами-"ясторфцами", продолжавшими общегреческий, теперь уже новый летний большой цикл. Это были германцы, т.е. фракийцы-"ясторфцы", вернувшиеся в начало дневного макроцикла или в макровесну, а не вошедшие в макролето. Германцы – это фракийцы-"ясторфцы", вернувшиеся на один большой цикл назад.

Конечно, не все фракийские племена погибли или преобразовались. Но великое историческое будущее было уготовано не дакам и гетам, а германцам.

Родилась новая – германская нация, правда, вначале перемешанная во взвесах кельто-германских племен – свевов и фракийско-германских – даков и гетов. В конце I века до н.э. и в I веке н.э. происходили процессы интенсивной кельто-германской сепарации с возвышением "германского слоя" и процессы германо-фракийской ассимиляции.

Германская нация от рождения несет греческую телеологию "Одиссея"- "эклесиальности"- "партикуляризма" и свою "собственную" антиценность – комплекс "изгнанника", т.к. в годы римской экспансии и переселения галлов, значительная часть германских и предгерманских племен лишилась родных земель. Ее беда в том, что она потеряла Фракию – исконную землю, священную землю предков. Изгнанничество германцев – это прежде всего их изгнанничество из своего родного дома, из Фракии. Именно отсюда они готовились к своей исторической экспансии, но их лишили логовища, места кладки и самих яиц.

Экспансия все равно состоялась. Правда, это была экспансия не зрелого макролетнего народа, прямого наследника созидательной миссии греков и македонян. Это была макровесенняя экспансия юного народа, ставшего в первые века своего наступления не носителем цивилизации, а ее сознательным разрушителем.

ДАРДАНСКО-АХЕЙСКИЕ СЧЕТЫ

Прежде, чем перейти к изложению собственно германской истории и основ германского духа, рассмотрим основы духа родительской греческой нации.

Микенская цивилизация, расцветшая в XVI-XIII веках до н.э., была макровесенним первым расцветом греческой культуры, получившей мощный цивилизационный толчок от имевшей негреческое происхождение культуры критской (минойской).

Ранее в своей работе "Эволюция христианства", разделив греков на ахейцев и дорийцев, я предположил, что это две близкие, но разные, сдвинутые на 48 лет друг от друга нации.

Тогда я не мог решиться признать то, что "золотое пятидесятилетие" греков после победы над персами пришлось на среднюю зиму большого лета. Но сейчас, проанализировав больше фактов, я вижу, что не было мира под оливами и в "золотую пору".

В это время нагнетались страсти как между ведущими блоками: спартанским и афинским, так и внутри этих блоков и самих полисов. Практика остракизма, т.е. изгнания политических противников, широко распространилась именно в это время.

То, что политическая жизнь в то время не была в состоянии хаоса, хотя и двигалась к нему, оказалось прямым следствием победоносной войны с персами. Эта славная победа оказалась достаточно крепким духовным цементом, чтобы почти шестьдесят лет удерживать греков от большой войны друг с другом.

Но известно, что уже через 10-20 лет после изгнания персов, их дипломатическое влияние в Греции стало не просто усиливаться, оно уже претендовало на контроль за внутригреческой политикой. Спарта охотно принимала все это время персидскую финансовую помощь.

Всесторонний культурный расцвет Греции начался все же не сразу, а через три десятилетия после победы над персами. Даже пелопоннесская война, опустошившая Грецию материально, мало помешала ее духовному возвышению:

"Огромный духовный, культурный подъем афинского общества начиная примерно с середины V в. до н.э. мы называем "аттическим просвещением". Плоды его сказались быстро: поколение афинян эпохи Пелопоннесской войны уже мало напоминало генерацию воинственных и суровых "марафономахов" – победителей персов в сражении при Марафоне" (К. Куманецкий).

Дополнительный историологический анализ привел к однозначному выводу, что не было двух циклов и двух "разноцикловых" наций. Была группа близкородственных наций, включающая ахейцев, дорийцев, македонцев, фракийцев южных и северных, и предгерманцев ("ясторфцев"), имеющая низкий порог устойчивости перед взаимной ассимиляцией.

Микенская культура, по-видимому, все же надорвалась на Троянской войне. Мифологическая память народа не может обманывать, в том, что она считает наиболее важным. Поскольку этой войне (а сколько их было) придано в народной памяти греков и римлян ключевое значение, следовательно, такое значение у нее объективно и было.

Середина XIII века до н. э. – это начало средней зимы большой греческой осени – жестокий период. Десять лет весь цвет ахейской элиты стоял под стенами Трои. И только обманом ахейцы завладели ею и, отомстив за десятилетний измор, сожгли великий город, уничтожили большую часть его населения.

После этого начинается быстрый упадок микенской (ахейской) культуры, а примерно через полвека северные греческие племена (дорийцы) огнем и мечом прошли всю Грецию. После этого микенская Греция погружается в новое варварство.

К счастью, Аттика с центром в Афинах так и не была завоевана дорийцами, но, лишенная "своего" окружения и вступившая в большую зиму, тоже погрузилась во мрак "греческого средневековья".

Дорийское вторжение не было единовременным событием. Оно растянулось примерно на сто-сто пятьдесят лет, по-видимому, как раз до кризиса большой зимы, после наступления которой завоеватели и завоеванные погрузились в полуторавековую спячку в развалинах микенской цивилизации.

Примечательно, что начало великим миграциям северных греческих племен в XII-XI веках до н. э. положили, видимо, дарданы (иллиры), покинувшие свои поселения на Дунае и вторгшиеся в страну, получившую позднее название Иллирия (Иллирик). Но дарданами были и троянцы, аборигины и их преемники латины. Вот переплетение судеб двух наших героев или, точнее, двух "героических групп" наций-общин: иллирийской и греческой!

Не было ли здесь мести иллирийских наций ахейцам-грекам за разрушение Трои, за пресечение развития троянской нации-общины? Речь не о мести людей, речь о мести наций-общин. Ведь признание за нацией-общиной всех основных проявлений живой личности предполагает и право на месть. Известно, насколько боги гневливы и мстительны. Это движение иллирийцев стало ключевым эпизодом в драматичной борьбе двух групп национальных общин между собой.

Может быть, не случайно первой землей, на которой хотел поселиться бежавший из Трои Эней, была Фракия. Эней, решив расчистить место для поселения, выдернул куст – из земли хлынула кровь, выдернул другой – снова хлынула кровь. Потом из-под земли он услышал голос убиенного сына Приама, троянского царя, захороненного в этом холме. Убитого из-за золота. Убитого фракийским царем, нарушившим самый священный закон древних – закон гостеприимства.

Такие рассказы трудно выдумать. Тем более, их незачем бесцельно хранить в народной памяти в течение веков. Здесь – ключевой сюжет, объявляющий грекам-фракийцам

проклятие, объявляющий их преступниками. Потом это оправдает в собственных глазах римлян все их преступления против греков, начиная с разрушения Фив.

По-видимому, ни один народ не избежал в своей истории того или иного комплекса. Греки в своем весеннем макроцикле 779-11 до н.э. страдали от комплекса "преступника", от комплекса вины, несмотря на то, что расплатились полной мерой: дорийским вторжением и уничтожением микенской цивилизации.

Из завершающейся макровесны греки-дорийцы снова вернулись в начало макровесны, так как, видимо, в процессе разрушения микенской цивилизации и культуры были разрушены какие-то ключевые структуры нации-общины самих завоевателей.

ОДИССЕЙ

С какой телеологией вернулись греки в свой новый весенний макросезон 779-11 до н.э.?

Это ценностный комплекс "Одиссея-первооткрывателя" – "полисной экклесии" – "братства общин" (или "партикулярности"). Одиссей был наказан за разрушение Трои – он десять лет добирался до родной Итаки, любимой жены, детей, а больше всего он натерпелся в италийских землях, что символично.

Во время своих странствий Одиссей видел все, испытал все. Чтобы испытать наслаждение от пения сирен, завлекавших и убивавших путешественников, он попросил своих товарищей привязать его к мачте, а самим заткнуть уши. Товарищи не могли слышать, а потому плыли мимо, а Одиссей не мог заставить их плыть к острову сирен, потому что был связан.

Одиссей испытал любовь, и опасность, и одиночество, коварство людей и богов. Он спустился в царство мертвых и оказался в земном раю, он был везде. Он обманул Циклопа, он проплыл между Сциллою и Харибдой, он не дался в руки сирен-людоедок.

Он не только стремился к дому, но жил здесь и сейчас, открывая мир и открываясь его стихиям.

Это первая личность, это первый человек, нанизавший на нить своей личной судьбы все события, в которых ему довелось участвовать как по своей воле, так и, что гораздо чаще, по воле рока и богов.

В отличие от Одиссея, Эней никогда не остается одинок, он всегда в группе, общине. В отличие от Одиссея, Эней живет только будущим, как мечтой, и отталкивается от прошлого, как от кошмара. Он упорный, он почти параноик, он настолько же созидатель, насколько разрушитель. Эней создает будущее благополучие народа, но он разрушает конкретные человеческие судьбы. Он политик, завоеватель. Он изгнанник.

Одиссей же, хоть и стремится домой, но как-то уж очень по ломанной, он живет настоящим, а будущее и прошлое у него слито в одном образе – образе родной Итаки. Это конечная цель его судьбы, но не сама судьба.

Греки открыли себе и миру великое предназначение человека быть личностью, быть странником по жизни, ушедшим от себя ради открытия мира, и возвращающимся к себе с уже открытым миром.

Позднее этот код воплотится в образе Сына, посланного Отцом на землю. В образе Христа, жившего и погибшего на земле во имя этой, грешной, но прекрасной, земной жизни. А потом вознесшегося к Отцу, но и на небе не растворившегося в Нем, а оставшегося при Нем, словно Одиссей, возвратившийся на родину, но оставшийся собой, со своей одиссеей – судьбой.

В образе Христа чувство вины греков достигло своей высшей точки, воплотилось в его образе, как искупительной жертве. Это – завершение процесса освобождения личности через "приватизацию" своей судьбы, которая вновь, теперь уже осознано, поручалась Богу.

В образе же Одиссея – начало этого процесса освобождения. Его здравый рассудок, граничащий с цинизмом, это психология преступника, человека, преступившего закон богов и поставившего собственный рассудок выше богов. Не случайно он "хитроумный", и потому он – личность:

"Одиссея" без самого Одиссея осталась бы собранием разнохарактерных и неравноценных по своему интересу легенд и приключений. Однако нет ни одной легенды,

нет ни одного приключения, корни которых самого различного происхождения теряются в глубине доисторических преданий человечества, – нет, словом, ни одного рассказа, в котором бы не видна была смелость, хитрость, изобретательность или мудрость Одиссея... Желание видеть необычайные вещи у Одиссея настолько сильно, что он никогда не может против него устоять; зачем бы иначе он пробирался в пещеру Циклопа, несмотря на предостережения спутников. Одиссей объясняет это не только тем, что рассчитывает склонить Циклопа преподнести им дары гостеприимства, как велит поступать обычай, но главным образом желанием поглядеть на это странное существо, великана, который "хлеба не ест". Точно также ему хочется увидеть Цирцею или услышать сирен. У Одиссея ярко выражено чувство изумления перед явлениями мира и их сущностью" (А. Боннар).

Греки сполна раскроют этот потенциал "преступного" критического мышления. Это мышление вознесет их культуру на недостижимую высоту. Оно станет примером, но оно же направит греческий дух и в адовы бездны, загонит его в тупики пустой софистики, механического материализма, самоедского кинизма и обесценивающего самую жизнь эпикурейства.

"Преступный" мыслящий грек сам себя съест. Но в образе Христа он возродится, правда, затенив свой светлый лукавый лик, постепенно став скучным и неинтересным для окружающих его народов. Впрочем, в этом виноват не грек, а макросезон. Макросенью (у греков 757–1525) все народы немолоды, а макрозимой (1525–2243) – бессильны.

ЭККЛЕСИЯ

Ценность "народной экклесии" организует социальное взаимодействие, включение в общество индивидов и общин. Это включение происходит посредством народного собрания, в котором собираются люди одной и той же территории для решения всех основных вопросов.

Экклесиальность проявлялась везде, где собиралось достаточное количество греков:

"Анабасис" Ксенофонта и некоторые другие источники позволяют поставить важную и очень интересную проблему о наемном войске как специфической форме "политической" организации. Специально исследовавший этот вопрос Г. Нуссбаум считает возможным сравнивать ту форму, в которую вылилось политическое существование армии греков после битвы при Кунаксе, с полисом, где в принципе власть принадлежит народному собранию в форме народного собрания воинов, стратеги выполняют роль высших магистратов, а средний командный состав – связующее звено, представляет собой нечто вроде буле" (Л. П. Маринович)

В греческой экклесии, в отличие от римской курии, обычно собирается значительно больше граждан, практически все мужчины полиса. Она более стихийна и, зачастую, собравшиеся здесь люди мало связаны между собой и даже мало (поверхностно) знакомы. Но именно эта "толпа" является высшим органом власти:

"Суверенным властителем полиса была небольшая, но пестрая масса взрослых свободных мужчин, обладавших правами афинских граждан и образовавших народное собрание, которое и решало все дела в государстве. Должностных лиц избирали по жребию, следя только за тем, чтобы все кандидаты были афинскими гражданами. При этом исходили из убеждения, что обязанности архонта или стратега может соблюдать любой гражданин. Убеждение такое было в какой-то мере оправданным, поскольку все должностные лица лишь претворяли в жизнь требования законов и волю народа, выраженную на собрании: никакие важные решения не входили в их компетенцию" (К. Куманецкий).

Конечно, это не толпа, это организованная кодом – ценностью политическая община, но община только политическая, а не сразу и вместе политическая, религиозная, социальная и соседская, как римская курия.

В такой общине больше центробежных сил и больше места для разгула страстей, как благородных, так и низменных. В лучшие времена такая община – это единый порыв и самопожертвование. Во времена худшие и, чаще всего, в обыденные, такая община становится местом для интриг и раздоров, а то и самоедства и саморазрушения. Правда, об идеях, проложивших себе путь в будущее, история чаще судит по вдохновляющим примерам...

Но не случайно великие греческие философы, после драматичного опыта побед и поражений греческой демократии в V веке до н.э., пришли к выводу, что чистая демократия – это скорее не благо, а зло.

ИМПЕРИЯ СОГЛАСИЯ

Ценность "братства общин", как основной политической принцип взаимодействия полисов, организует в V и IV веках до н.э. многочисленные устойчивые союзы городов-государств. После завоеваний Александра Македонского – это основной духовный материал, скрепляющий и эллинистические царства:

"Александр сразу же чувствует себя в Египте как дома. Что касается персидских завоевателей, то, будучи в Египте, Камбиз неразумно ранил, а Артаксеркс убил божественного быка Аписа, чтобы легче ограбить его храмы. Они оскорбляли также и другие божества. Совсем другим был образ действий Александра. В городе Мемфисе он по египетскому ритуалу совершил жертвоприношение в храме в честь бога-быка Аписа, он принес жертвы также и другим богам, слитым воедино с греческими богами греческим населением Египта. Эти церемонии имели большое значение для привлечения на сторону Александра жрецов, ведь только фараон по правилам считался единственно достойным совершать такие жертвоприношения. Не следует думать, что у Александра был здесь политический расчет или он демонстрировал свою терпимость. Душа Александра была проникнута слишком глубокой религиозностью, чтобы удовлетворяться "терпимостью" по отношению к людям, верующим в других богов. Он воспринимает всем своим существом этих других богов. Александр не "терпит" но "воспринимает" другую форму божественного, и это большая разница. Вот почему египтяне обожествили Александра, даровав ему все титулы фараонов, его предшественников: "царь Верхнего Египта" и "царь Нижнего Египта", "сын Ра" и многие другие" (А. Боннар).

Греческий дух ищет согласия не только в пространстве, но и во времени. Александра "влекло уже не только завоевание пространств, основание новых городов, открытие земель; он совершает поход также и в прошлое, ради открытий во времени, ради завоевания истории народа, который теперь является и его народом. Он хочет присвоить себе это прошлое, он хочет в некотором роде заново основать династию, представителем которой он в настоящее время считает себя. Он разыскивает, и он находит в Пасаргадах могилу Кира, великого предка. Он прочитывает и велит восстановить эпитафию, которая была осквернена нечестивыми руками. Эта надпись гласила: "О человек! Кто бы ты ни был и откуда бы ни пришел – а что ты придешь, я знаю, – ведай, что я – Кир, завоевавший персам господство на земле; так не завидуй ничтожному клочку земли, скрывающему в себе мое тело". Александр дал точные указания по восстановлению эпитафии и самого монумента. Тщательность, с которой даны распоряжения Александра, – знак его ревностного уважения, которое в потустороннем мире братски объединяет его с одним из величайших его предшественников" (А. Боннар).

И, конечно, дело не столько в самом Александре, сколько в том, что он воплотил волю греко-македонской нации-общины, в которой царь если и был богом, то богом, который служил, а не которому служили:

"Силы традиции были так велики, что они не позволили создать в Македонии ни культу монарха, ни административной иерархии, как при восточных дворах (нам известен единственный чиновник – царский секретарь)" (Пьер Левек).

Греческий партикуляризм был формой зависимости, которая, как например в греческой армии наемников, внешне имела вид "свободного" соглашения, которое заключалось между двумя теоретически равными сторонами, одна из которых обещала свое покровительство, а вторая обязывалась служить и поддерживать командира. Принуждение здесь "не было непосредственным, внешнеэкономическим, но отличалось иным характером: оно имело некоторое сходство с экономическим принуждением в эпоху капитализма". Однако коренное отличие этой зависимости в том, что она носила "личный характер, связывала зависимого человека с определенным патроном" (Л. П. Маринович).

Партикуляризм пронизывал прежде всего внутригреческие отношения, но оказался надежной основой и для межнациональных отношений.

В греческом наемном войске, собиравшем обычно не только "южных" и "средних" греков, но и критян, македонцев, фракийцев, "отношения, складывающиеся между командиром и наемным войском, в известной мере предвосхищали отношения между правителем эллинистической эпохи и его армией. Царь в ту пору прежде всего полководец, главнокомандующий, сражающийся во главе своих войск, рискующий жизнью в бою" (Л. П. Маринович).

Греки удивительно быстро приспособились к чужим (варварским) культурам и приспособили их к себе. Эллинизм воспринимал египетскую, персидскую, еврейскую и другие высокие культуры как самоценные. Он не вторгается в них и не разрушает их, а находит грани соприкосновения и притирается к ним через эти грани. То же самое отношение было не только к "высоким", но и к "низким" культурам, например, тех же фракийцев или сицилийцев.

Греческий партикуляризм пронизывает все отношения в обществе, является основой морального кодекса греков:

"Александр до безумия любил "Илиаду". Он ее перечитывал по вечерам, перед сном. Он клал ее в изголовье рядом с мечом. Можно поверить, что насквозь пропитанный этим жестоким, этим парадоксальным утверждением человека, которым полна эта поэма смерти, Александр, столько раз убивавший в сражениях, делал это не без мысли о словах Ахилла, поражающего Ликаона своим мечом:

Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь? Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный. (Илиада, XXI, с.105)

Эта дань дружбе, воплощенная в движении, несущем смерть, не есть ли уже схематический набросок подлинного братства, который перед лицом общей необходимости умирать объединяет всех людей в единое сообщество греков и варваров, друзей и врагов" (А. Боннар).

Партикуляризм является и основой для права в строгом смысле этого слова:

"Не менее важным для воспитания нового мышления было утверждение Протагора и других софистов, что государство и законы не созданы волей богов, а явились результатом соглашений между людьми. Отсюда – различие естественного права ("физис") и права договорного ("номос"), считавшегося до тех пор божественным установлением. Исходя из этого можно было, подобно софисту Алкидаму, опираясь на естественное право, заключить, что природа никого не сотворила рабом и люди равны, а рабовладение несправедливо" (К. Куманецкий).

Римский дух вскрывал и связывал. Греческий – искал взаимного притяжения. Изгнанник Эней никому не верил, кроме себя. Преступник Одиссей, прежде всего, не доверял себе и, может быть, потому страстно искал братской дружбы и понимания. Даже на захваченных землях его цель – это "слияние народов в общем согласии, слияние через согласие, осуществленное благодаря личной власти правителя" (А. Боннар).

В III веке до н.э. греки дополнили модель партикуляристской империи Александра моделью реально равноправного союза городов-государств. Эти союзы, в отличие от союзов V-IV веков, вполне обходились без гегемонов:

"Около 280г. до н.э. здесь сложились новые политические организмы: Этолийский и Ахейский союзы. От союзов классической эпохи, симмахий, они отличались равноправием всех государств и их граждан, входивших в объединение. Высшая власть принадлежала общему собранию граждан, созывавшемуся два раза в год, и совету союзников; во главе союза стоял выборный стратег" (К. Куманецкий).

Не эту ли идею подхватили предгерманцы и развили в модель германской империи?

ЭЛЛИНИЗМ

Эпоху эллинизма напрасно считают эпохой вырождения, противопоставляя ей классическую Грецию V – первой половины IV веков.

Если классическая Греция создала непревзойденные образцы поэзии, архитектуры и философии, то в скульптуре эллинистическая мало ей уступала, а в науке и технике подлинный расцвет греческой культуры пришелся на эллинистическую эпоху:

"На рубеже III-II вв. до н.э. – бурный расцвет науки: и естествознания, и филологии, и техники. Каллимах и Феокрит проложили новые пути в поэзии, поиск новых форм вызвал к жизни шедевры лирики. Первоначально центром культурной деятельности была Александрия Египетская, во II в. до н.э. также Пергам. Не утратили значения и Афины, славившиеся своими философскими школами" (К. Куманецкий).

В конце эллинистической эпохи Архимед открыл свои законы и сделал свои изобретения, Аристарх Самосский доказывал, что Земля вращается вокруг Солнца... Десятки великих имен, десятки открытий и принципиальных изобретений.

Римляне не смогли бы прочно утвердиться на Востоке, если бы до них греки не "притерли" основные культуры между собой. Греческий Одиссей везде был дома, потому что видел явления мира в их естественной сути. Но, поняв другого, он помогал ему понять и себя, помогал осознать и свою собственную суть.

Тем самым, чужие культуры (нации-общины) нашли друг в друге много общего, универсального. Вот это универсальное целеустремленный Эней превратил в цепи и рычаги своей власти.

Главными из этих рычагов и цепей были римское государство и римское право. Все стало товаром – права и свободы, земли и должности, голоса избирателей и острые ощущения.

Меньшими по значению рычагами-цепями стали римский и греческий языки, эллинистическое искусство, эллинистические религиозные культы.

Римляне не создали "дикого капитализма", но они создали довольно таки логичный, хоть и тоже дикий, "товаризм".

ВЕСНА

Ниже представлена схема германской макровесны 11 до н.э. – 757 н.э. Макросезон разбит на четыре больших сезона – средних цикла. Средние циклы, в свою очередь, разбиты на четыре средних сезона – малых цикла.

- 11	БОЛЬШАЯ ВЕСНА							181
- 11	среднее лето	37	средняя осень	85	средняя зима	133	средняя весна	181
181	БОЛЬШОЕ ЛЕТО							373
181	среднее лето	229	средняя осень	277	средняя зима	325	средняя весна	373
373	БОЛЬШАЯ ОСЕНЬ							565
373	среднее лето	421	средняя осень	469	средняя зима	517	средняя весна	565
565	БОЛЬШАЯ ЗИМА							757
565	среднее лето	613	средняя осень	661	средняя зима	709	средняя весна	757

I. СВЕВЫ – КЕЛЬТО-ГЕРМАНСКАЯ ВЗВЕСЬ

ГЕРМАНСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ДУХА

Вот в этом римском котле и сформировались германские комплексы, в то время как их ценности стали просто новым воплощением общегреческих ценностей "Одиссея" – "эклесиальности" – "братства культур" или "партикуляризма".

Только Одиссей – первооткрыватель стал Одиссеем-завоевателем.

Эклесиальность полисного общего собрания стала эклесиальностью племенных и межплеменных народных собраний, а позже сеймов, соборов и рейхстагов.

Братство культур позднее выросло в феодальную структуру, основанную на живом договоре, на "горизонтальности". Договор был основой как иерархической и вертикальной феодальной системы, так и, тем более, по природе своей, горизонтальных – коммунальных, союзных, торговых, братских объединений.

Греческий комплекс преступника у германцев исчез, но появился свой, выстраданный комплекс изгнанника. "Коварная" римская нация-община наградила этих приемников "вражеских" фракийцев своим собственным Энеевым комплексом. Кроме того, она вернула греко-фракийцев на 768 лет и, тем самым, заметно снизила и их энергетику на крутом взлете S-перехода.

После римского насилия только в очень смутной народной памяти германцев осталось, что они фракийцы, что есть у них родина, дом, и этот дом где-то на берегах Дуная, что у них есть и старший брат – грек Одиссей.

Впервые о германцах, не как о каком-то племени, а как о народе, заговорили во время восстания Спартака в 73-71 до н.э.

Племена кимвров и тевтонов, вторгшиеся в Италию на рубеже II – I веков до н.э., были племенными союзами, в которых кельтский элемент (по крайней мере в то время) преобладал. Ведь была середина германской большой зимы и, согласно нашей схеме, германцы не могли еще быть активной и экспансивной нацией. Кельты же, хоть и начинали макрозиму, но вошли в большую весну, т.е. период, обычно порождающий 100-150 летний всплеск "последней" активности нации-общины перед многовековым макрозимным спадом.

Историологический анализ этого периода у нескольких народов (у тех же римлян-италийцев), показывает, что макрозимная большая весна способна в течение 100-150 лет на последний всплеск активности нации перед ее погружением в многовековую спячку.

СВЕВИЯ

Первое крупное столкновение римлян с германским (тогда преимущественно "взвешенным" свевским) миром произошло в ходе галльских войн Цезаря в первой половине I в. до н.э. Это было столкновение двух агрессоров:

"Ариовист, названный Цезарем царем германцев (*rex Germanorum*), вторгся в Галлию в 70-х годах I в. до н.э. Он захватил земли сантонов и секванов, а также город Макетобригу (62г. до н.э.). Его ополчение состояло из отрядов нескольких племен – гарудов, маркоманнов, трибоков, вангионов, неметов, седуссиев, свевов" (Ю. К. Колосовская).

Утверждение о том, что свевы представляли собой не единый народ – германцев, и, тем более, кельтов, а были взвесью многих племен и двух наций, представляется очень правдоподобным, оно не противоречит имеющимся свидетельствам:

"Севы не представляли собой единого народа (*quorum non una gens*), но состояли из многих племен, занимая большую часть Германии. Они делятся на множество народностей, "носящих и доселе (т.е. во времена Тацита) свои наименования", хотя "все вместе именуется свевами" (Ю. К. Колосовская).

Конец 60-х годов до н.э. – это начало последней, четвертой четверти большой германской зимы. У русских это начало ознаменовано Куликовской битвой. Вождь германцев и галлов Ариовист оказался для Цезаря опасным врагом. Но он был разбит в прямом столкновении основных сил римлян и свевов.

В основе силы свевов, состоявших из пробудившихся галлов и пробуждающихся германцев "лежали такие внутренние силы племени, трудно определимые конкретно в настоящее время. Эти причины зависели и тогда, и сейчас от нравственно-психологических свойств того или иного народа. Так, продвижение свевов к Рейну в конечном итоге было следствием физического и материального превосходства племени. Можно сказать, его провоцировала внутренняя сила племени, заставлявшая его сниматься с места и проходить через огромные пространства, сокрушая при этом другие народы или включая их в состав своей мощной лавины. Этот перманентный процесс нашел отражение в источниках начиная со времени Цезаря и кончая падением Империи. Так, натиск тех же свевов Цезарь сравнил с новым полчищем свевов, с которым Рим столкнулся вторично со времени первого вторжения в Северную Италию в 101 г. до н.э. кимвров и тевтонов" (Ю. К. Колосовская).

Даже после сокрушительного поражения Ариовиста, Цезарь не считал свои позиции в Галлии прочными. Он решил продемонстрировать римскую мощь и на правобережье Рейна, куда бежал Ариовист. Экспедиция за Рейн была, прежде всего, демонстрацией силы. Зарейнский мир так и остался преимущественно свевским, а позже стал германским. Он никогда не будет римским.

Германским (точнее, германо-фракийским) оказался не только зарейнский, но и задунайский мир. Это значит, что германские племена снова стали хозяевами большей части протогерманского (фракийско-"ясторфского") мира, освоенного фракийцами в V – II веках до н.э., но сильно размытого в большезимнем хаосе второй половины II – первой половины I веков до н.э.:

"Свевы обитают на берегу Рейна, хотя многие другие племена, поясняет Дион, называют себя принадлежащими к народу свевов. Даки же обитают на берегу Дуная. Это сообщение Диона подтверждает значительность объединения свевов и указывает также на их местоположение, поскольку свевы в его время оказываются и на Рейне, и по соседству с даками. Можно считать их одним народом – свевами, часть которого продвинулась далеко на запад, к Рейну" (Ю. К. Колосовская).

СЕПАРАЦИЯ ГЕРМАНЦЕВ И КЕЛЬТОВ

До конца I века до н.э. и на востоке этого мира был значителен кельтский элемент (вспомним бастарнов и "пшеворцев-оксывцев"), который, возможно, уже в конце II в. – начале I века до н. э. образовал народ венедов. Венеды в начале I века до н.э. усилились за счет "добровольной" ассимиляции кельтских племен, отпадавших от племен германских. Венеды – это первый (базовый) славянский народ, возможно, взвесь разных наций, из которой позже на кельтской национально-общинной основе выделились славяне.

До завершения германской большой зимы в 11 году до н.э. кельтский элемент и кельтский дух преобладали и в среде свевских племен. Например, "относительно свевов Дион сообщает, что они являются кельтами".

Но уже в самом конце I века до н.э. началось интенсивное перераспределение власти среди кельтских и германских племен в пользу последних. И все же еще в первое десятилетие I века н.э. свевский мир остается единым кельто-германским миром, так что римляне не могут точно определить его "национальную принадлежность":

"Для Страбона свевы – это племена, о которых "говорят, что они германцы". Эта оговорка заставляет сомневаться, были ли они германцами на самом деле. Свевы, продолжает Страбон, самое большое племя, к ним примыкает земля гетов. На границе с гетами был расположен Герцинский лес, который берет начало близ истоков Дуная. Занятая свевами территория простирается от Рейна до земель гетов" (Ю. К. Колосовская).

Приведем еще одно свидетельство, подтверждающее кельто-германский состав свевского мира I века до н.э.:

"О близости кельтов и германцев были хорошо осведомлены античные авторы. Страбон, сравнивая тех и других, писал: "Германцы мало отличаются от кельтского племени; большей дикостью, рослостью и более светлыми волосами; во всем остальном они схожи: по телосложению, нравам и образу жизни они таковы, как я описал кельтов. Поэтому, мне кажется, и римляне называли их "германцами", как бы желая указать, что это "истинные" галаты. Ведь слово *germani* на языке римлян означает "подлинные" (Н. С. Широкова).

Как раз в последние десятилетия I в. до н.э. (это был "священный" период рождения германской нации в 59 – 11 до н.э.) войска Августа дошли до Дуная, оттеснив фракийцев и свевов – "дунайских германцев", затем вышли на левый берег Дуная, правый берег Рейна и завершили завоевание Галлии.

В результате римского вторжения за Рейн и межплеменных войн, последующего хаоса и войны всех против всех, во второй половине I века обезлюдили обширные территории между Верхним Рейном и истоками Дуная, которые позднее были названы "Декуматскими полями". И в этих событиях – одна из составляющих будущего "изгнанничества" германцев.

В 31 – 30 до н.э. Август переселил часть свевских племен на левый берег Рейна, в римскую провинцию "Германия". Скорее всего, это были "союзнические" Риму кельтские племена, уже вполне выделившиеся из свевского межплеменного союза. Эти "свевы" стали верными союзниками Рима:

"В качестве самостоятельного царства, образованного еще Августом на среднем Рейне с центром в Лаподуне, свевы участвовали в гражданской войне после гибели Нерона. Их цари Сидон и Италик командовали конницей свевов в битве за Кремону. В этой гражданской войне участвовали и вожди сарматского племени язигов, недавно появившиеся в междуречье Дуная и Тисы. Для Рима было важно иметь на Рейне и на Дунае твердые позиции. И эти позиции характеризуются отношением обоих племен к Риму. Свевы, например, отмечены Тацитом как племя, соблюдающее верность по отношению к Риму" (Ю. К. Колосовская).

Явное размежевание германцев и кельтов началось в первом десятилетии I века, в ходе драматичной борьбы германца Арминия и кельта Маробода:

"Тацит никогда не говорит о маркоманнах как о племени германском, и если упоминает их, то причисляет к свевским народам. Рассказывая о маркоманнах, он называет царя Маробода вместе с царем Турдом "древними и знаменитыми из царей (свевов)" (Колосовская Ю.К.).

В 8 году до н.э. свевский племенной союз маркоманнов, вытесненный римлянами из-за Рейна, поселился на Дунае, на землях, опустошенных в результате войн даков и свевов с бойями. Их царь Маробод вступил в союз с вождем германских племен херусков – Арминием. Этот союз был направлен против Рима.

Но вскоре союз свевских вождей распался. Маробод встал на сторону Рима, а Арминий повел упорную борьбу против обоих. Очень похоже, что драматичные перипетии борьбы двух племенных союзов и их вождей с римлянами и между собой отражают не только борьбу германцев и римлян, но и, прежде всего, борьбу между кельтами и германцами. Борьбу в распадающемся, а точнее, сепарирующем, мире свевских племен. За Марободом стояли свевы-галлы, а за Арминием свевы-германцы.

После 11 года до н.э. германцев уже не устраивало подчиненное положение в Свевии. Поэтому они взорвали свевский мир. Римляне этим воспользовались и раскололи союз Маробода и Арминия.

В 9 году н.э. римляне потерпели сокрушительное поражение в Тевтобурском лесу в битве с херусками Арминия. Только через несколько лет херуски были разгромлены, а Арминий до 19 года воевал против Рима, пока не был отравлен римскими агентами.

Не символ ли здесь будущих отношений римских пап и германских императоров – яд против меча?

Маробод, воспользовавшись союзом с римлянами, укрепил власть и расширил свое племенное государство, в которое, по-видимому, снова влились не только кельтские, но и германские племена. Но его государство вскоре распалось, несомненно, по той же фундаментальной причине – в силу перераспределения силы и, как следствие, власти, между кельтами и германцами.

Уже к середине I века свевский племенной союз перестал существовать как общегерманская и, тем более, кельто-германская реальность. Реальностью стала лишь Свевия-Швабия, совпадающая по территории со средневековыми Швабией, Эльзасом и Лотарингией.

Здесь были поселены кельтские племена, перенявшие позже язык германцев. Эти племена затем в течение многих веков оставались в уникальной взвеси с германскими

племенами. По-видимому и сейчас Швабия (Баден-Вюртемберг) и Бавария – это германокельтская взвесь, взвесь двух наций-общин на одной земле, на общей родине.

Основная же масса свевов уже в течение первой половины I века осознала себя "чистыми" германцами.

II. ДАКИ – ФРАКИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ СМЕСЬ

ВОЗВЫШЕНИЕ ДАКИИ

Если свевы были не народом (нацией) в собственном смысле этого слова, а взвесью двух народов, причем, часть кельтов претерпевала в этой взвеси превращение в славян, а большая часть "ясторфцев" – в германцев, то даки и геты уже тысячу лет были народом, сами собой:

"В этот мир племен Центральной и Юго-Восточной Европы I в. н.э. составной частью входили и племена даков. Они сыграли немалую роль в войнах придунайских племен, под ударами которых пало на Дунае кельтское сообщество бойев. История даков, как уже говорилось, была также связана и со свевами, а именно с той их частью, которая издавна принадлежала к народам внутренней Германии; Тацит назвал их народами "истинными и древними" (Ю. К. Колосовская).

В середине I века до н.э. царь даков Биребиста объединил гетов и даков в одном государстве. Дакия, также как и Свевия, стала мощным объединением фракийско-германских и германо-кельтских племен. Но кельты здесь составляли явное меньшинство и не могли иметь серьезного влияния.

Где-то в 40-е годы до н.э. даки-геты победили и вытеснили кельтское племя бойев:

"Вследствие опустошительных походов даков держава бойев перестала существовать. Был разрушен их племенной центр в современной Моравии, названный как Старое Городище. Место сражения бойев и таврисков с даками историки локализуют в районе впадения Тисы в Дунай. Отсюда происходят находки серебряных монет с именем последнего царя бойев Биатека. Само сражение датируется различно: 60-е и 40-е годы I в. до н.э. С этого времени течение Дуная на всем своем протяжении оказалось в подчинении даков, хотя между ними обитало множество других племен" (Ю. К. Колосовская).

Биребиста вел экспансивную внешнюю политику, воевал против иллирийцев, причерноморских греческих городов:

"Сведения Страбона, что свевы живут на границе с гетами, указывают лишь на то, что в его время власть даков простиралась до мест обитания свевов, точнее тех из них, которые назвали себя как племена свевские: уже известные нам лугии, семноны, лангобарды и гермундуры. Все они обитали на Эльбе и Одере и потому могли быть соседями даков. Страбон называет племена, определявшие в то время историческую ситуацию в Европе: германцы, дакийцы, геты, понимая под германцами свевов. Даки и геты описаны Страбоном отдельно, как разделенные на два народа, что соответствовало и их истории. Однако Страбон говорит, что дакийцы и геты говорят на одном языке. Оба племени были объединены в один народ только после вступления на трон Биребисты, при котором началась активная экспансия даков, устремившихся не только в пределы греческих городов Западного Понта, но и в западные области Иллирика" (Ю. К. Колосовская).

Но, после смерти Биребисты, дакский племенной союз распался. До конца I в. до н.э. даки были оттеснены римлянами за Дунай.

Скорее всего, даки-геты не стали превращенными в германцев фракийцами. Они так и остались греко-фракийцами. Несмотря на отсутствие германского комплекса (но наличие греческого) и имели совпадающие структуры большого цикла при несовпадении в макроцикле.

Дакский мир "опережал" германцев на 768 лет (один макросезон), но на резко восходящем участке S-кривой. Поэтому с конца I века до н.э. он стал естественным центром притяжения для мира германского, особенно по мере сепарации этого мира от постепенно уходящего "в сон" и "вниз" кельтского мира:

"В сущности, даки оставались единственным крупным объединением племен на Дунае, которое римляне не смогли поставить в зависимое положение буферных или клиентских государств, что пыталось осуществить правительство Домициана. Сознание относительной этнической общности даков явилось одной из причин их героической борьбы за свободу, в которую были вовлечены многие соседние племена и народы" (Ю. К. Колосовская).

До восьмидесятых годов I века, несмотря на активную политику Рима в придунайских землях, несмотря на активную переселенческую политику Римской империи, Дакия росла и постепенно превратилась в силу, угрожающую самому существованию Империи. Дакская нация-община воспринимала свою миссию как продолжение миссии Александра, миссии создания братской империи, но направленной не на Восток и чужие народы, а на Север и родственные народы.

Города даков очень похожи на замки средневековой Европы. Они были словно первым явлением германского Средневековья:

"Городища даков лишь в малой степени были центрами торговли и ремесла, но представляли собой укрепленные центры отдельных племен, служившие убежищами на случай нападений. Раскопки крепости Пятра-Рошие и крепости в Костешти в горах Орэштие дают представление о системе обороны даков, центром которой служила крепость. Падение таких крепостей датируется эпохой дакийских войн Траяна. Крепости обносились каменными стенами и земляными валами с двойными палисадами. Внутри крепостей располагались четырехугольные каменные постройки с массивными стенами; к постройкам вели каменные лестницы. Стена имела наблюдательные башни. Внутри крепости находились жилища ее защитников. При раскопках крепостей были найдены железные ремесленные и сельскохозяйственные орудия, местная керамика, изготовленная вручную, а также греческая и италийская, остатки злаков (пшеница, просо, ячмень), кости домашних животных. Раскопки открыли в таких крепостях развалины ремесленных мастерских и плавильных печей. У даков существовало изготовление высокохудожественной серебряной и золотой посуды" (Ю. К. Колосовская).

С 85 года началось непрерывно возобновляющееся наступление Римской империи против Дакии. Сначала император Домициан попытался разгромить и раздробить Дакию. Но в 89 году Домициан, после безуспешной войны, вынужден был заключить с царем Дакии Децебалом почетный для того мир.

ГИБЕЛЬ ДАКИИ

Наконец, в начале большой римской зимы (в первой четверти "зимы" 85 – 133) римляне предприняли последнюю успешную попытку разом решить все накопившиеся проблемы и утвердиться как несравненная и неоспоримая Сила в Средиземноморье. Правда, им тогда казалось, что это попытка стать Вечной Империей, Империей всех времен и народов:

"Убеждение в том, что Римская империя утрачивала свои внешнеполитические позиции, стало особенно заметно проявляться в последние годы правления Домициана в римской историографии и поэзии, в том числе в злободневном творчестве Ювенала. Унижение римского войска, которое как выразился Плиний Младший, не только "видели и римские орлы, и римские знамена, и даже сами римские берега", наводило на мысль, что Империя могла вновь обрести славу только при качественно новом правлении. Казна государства была истощена постройками и зрелищами Домициана, повышением жалования военным, раздачей донатив войскам по случаю мнимых военных успехов. Все это не могло не привести к тому, что римская граница, в сущности, оказалась открытой, а путь для нападения варваров – свободным. Римское общество ожидало решительных перемен во внешней политике и связывало эти перемены с правительством Траяна, из заместителя Нижней Германии взошедшего на трон римских императоров. Флор писал, что лишь при Траяне народ Империи вновь напряг свои мускулы и вспыхнули надежды, что вопреки всеобщему ожиданию старость Империи "зазеленела возвращенной юностью" (Ю. К. Колосовская).

Это типично для начала большой зимы: позади славная история свершений и побед, за спиной прочные структуры государства и общества, кажется, что впереди вечность. Действительно, вечность. Но не вечность застывшего успеха, а вечность пропасти и вечность памяти о прошедшем. Застывший успех – в прошлом. В будущем – смерть и новая жизнь.

Но римляне в начале II века этого не знали и не хотели знать. Им казалось, что вслед за великой римской экспансией II- I вв. до н.э., болезненным, но деятельным и успешным I веком н.э., наступит монументальный II век, век Рима "в законе".

Это время пыталось увековечить себя в монументальной архитектуре, испещренной стенными картинками. Позже император Константин назвал Траяна "стенным лишаем", за его пристрастие к надписям на зданиях и сооружениях.

Это время увековечило себя в памяти многих народов: румын, небезосновательно считающих себя потомками воинов Траяна; славян, в их воспоминании о древних траяновых временах; германцев, в их воспоминаниях о Сатане – Риме, сокрушившем дакскую твердыню. Не случайно император Траян, вместе с Александром Македонским, является одним из двух самых популярных героев европейского средневекового народного искусства.

В 101 году была предпринята Первая дакская кампания Траяна, окончившаяся "вничью". В 102 -106 шла невиданная по напряжению и жертвам Вторая дакская война:

"Децебал предпринял попытку остановить римлян. Траяну принесли огромный гриб, на шляпке которого латинскими буквами было написано, что "и буры, и другие союзники советуют Траяну вернуться назад и заключить мир". О сражении у Тап упоминает Дион Кассий. За этим сражением, как считает Д. Тудор, наблюдал сам царь Децебал. Оно было столь кровопролитным, а серповидные мечи даков так разили атакующих римлян, что тем не хватало перевязочных средств. Траян распорядился разорвать на бинты свои собственные одежды" (Ю.К. Колосовская).

После жестоких кровопролитных сражений, успешных то для одной, то для другой стороны, даки были побеждены. Их столица Сермизегетуза разрушена, сама Дакия – присоединена к Империи. Римляне захватили богатейшую добычу:

"По словам Плиния, он обещал описать на греческом языке Дакийские войны Траяна, – "событие, сопоставимое с произведениями Гомера". Плиний передает эпизоды этих войн: создание новых рек (путем отвода их течения в другое русло), переброска мостов через реки, строительство лагерей на вершинах гор, о царе даков, "выброшенном из дворца, выброшенном из жизни" и не пришедшем в отчаяние, о триумфе "над народом, не знавшим поражений"...

Сермизегетуза была взята в результате длительной осады с использованием военных машин и не без посредства предателей из числа осажденных. Вожди даков предпочли смерть, чтобы не быть захваченными в плен. На одной из сцен Колонны изображено как знатные даки, пустив по кругу отравленный кубок, умирают. Большая часть населения покинула страну. В руки Траяна попали огромные сокровища царя. Они были спрятаны на дне протекающей близ столицы реки Саргетии, для чего ее русло отвели и на дне вырыли пещеру, в которую и заложили сокровища; русло же реки было возвращено назад. Исполнявшие эту работу пленные римляне были убиты, так что никто не мог сообщить эту тайну римлянам, но знавший об этом приближенный царя некто Бицилис выдал ее" (Ю. К. Колосовская).

Ликование победителей было столь велико, что вторую половину 107 года и 108 и 109 годы Рим праздновал великую победу – пиррову победу! Рим словно "праздновал" похороны своего шестивекового счастья:

"Траян справил блестящий триумф и дал народу игры в честь победы над Дакией. По прибытии в Рим он распределил среди граждан конгиарий (денежные суммы), а также оливковое масло, вино и хлеб. Каждому жителю досталось по 500 денариев, причем эта сумма выделялась трижды, пока справлялись игры. Всю вторую половину 107г., весь 108 и 109 годы в Риме давались блестящие игры; в них участвовали 10 тыс. пар гладиаторов. На арене амфитеатра сражались бестиарии с 11 тыс. ручных и диких зверей. Так, в период с 4-го июня по ноябрь 109 г. игры продолжались 117 дней. А поскольку следует вычесть дни судебных разбирательств и государственных праздников, то получается, что они происходили почти ежедневно. На них присутствовали посольства от варварских народов, от чужеземных царей, которым было предоставлено место вместе с сенаторами; присутствовало и посольство из Индии" (Ю. К. Колосовская).

Дакия была уничтожена. Оставшиеся в живых даки и геты бежали за пределы римского мира – в мир германский, окончательно осознавший себя таковым. Но более чем четырехлетнее "нечеловеческое" напряжение стареющей Римской нации оказалось для нее фатальным. Империя надорвалась. Уже преемник Траяна император Адриан готов был оставить с таким трудом и жертвами завоеванную Дакию:

"Так, еще Ростовцев писал, что за свой огромный успех в Дакии Траян заплатил величайшим напряжением сил всей Империи. Время, когда войны сами себя финансировали, обеспечивая победу, уже прошли. Дакийская добыча от войны была огромной, но она оказалась недостаточной, чтобы покрыть расходы на войну. Завоевание Дакии приравнивалось, по мысли Ростовцева, к завоеванию Цезарем Галлии. Но за те 150 лет, которые прошли со времени Цезаря, в корне изменилось положение дел в самой Империи и в окружающем ее варварском мире. Действительно, успехи, которые были достигнуты Траяном в Дакии, уже следующим поколением римлян оценивались как пагубные для Империи; не случайно уже Адриан намеревался оставить эту провинцию. Выдвижение границы через Дунай далее на север и восток в реальности означало то, что новые земли оказались открытыми с трех сторон и были подвержены частым набегам варварских племен" (Ю. К. Колосовская).

В Траяновых войнах римляне надорвались и в силе, и в духе. Уже к середине II века римляне по всей границе с варварским миром перешли от наступления к обороне, от политики сильного: активной профилактики против развития альтернативных центров силы в варварском мире – к политике слабого, т.е. к политике натравливания варваров друг на друга.

Вместо того чтобы собирать дань и захватывать добычу, римляне стали платить своим союзникам-варварам, покупая их верность. Ничто лучше не может охарактеризовать принципиальную перемену отношений.

Заселение земель Дакии римскими ветеранами не изменило тенденции к упадку. Простое количественное размножение при упадке основ римского духа не сделало римлян сильнее. Потомки римских ветеранов-поселенцев уже во II веке были в основном вытеснены из Дакии наступающими германцами.

Еще во второй половине I века в маркоманнских союзах племен также произошло демографическое размежевание и перераспределение власти (сепарация): германцы не только отделились от кельтов, но и возвысились над ними.

А готы, скорее всего, были потомками гетов, снявшихся со своих мест еще в I веке до н.э. и ушедших далеко на север, а в начале II века н. э. вернувшихся к границам Гетии, вобравших в себя гетов и даков, вытесненных Траяном. Знаменитый готский историк V века Иордан не сомневался в гетском происхождении готов.

III. ПУТЬ ДОМОЙ: МАРКОМАННСКИЕ ВОЙНЫ

Маркоманнские войны 165-180 положили конец "золотому веку Антонинов". Начался закат Римской империи.

Римская империя разрушилась бы уже в результате этих войн, поскольку неблагоприятная вторая четверть римской большой зимы стала бы фатальной для непомерного разросшегося полиса. Если бы не греки и галлы.

Большевесенние греки в начале II века взяли в свои руки контроль за основными силовыми и продуктивными центрами Империи. Началось многостороннее и многообразное вытеснение греками римлян, перерождение Римской империи в Ромейскую, по форме римскую, а по сути и силе – греческую. Греки взяли инициативу в свои руки, в то время как римляне вслед за эпохой Траяна упустили ее.

Греки – это купцы, предприниматели, финансисты, администраторы, деятели науки и искусства. Греки – это проповедники, это христиане. Греки – властители дум и душ. Римляне – это воины, но уже не столь хорошие воины как во времена Цезаря и Траяна. Их заменяют варвары. Римляне – это политики. Но уже управляемые политики.

Во II веке произошло греческое перерождение восточной части Империи. За Маркоманнскими войнами последовали войны Германские. В римских войсках сражались арабы, африканцы, кельты, союзные римлянам германцы.

Активные греки управляли империей, а пассивные галлы оживляли ее экономику:

"Римская Галлия достигает расцвета через два столетия после своего завоевания Цезарем, в правление Коммода (161-192 гг.), недостойного сына Марка Аврелия. Судьба ее напрямую связана с участью самой Империи: пока там все в порядке, она благоденствует; когда же там дела идут плохо, она тоже клонится к упадку. В самом деле: Галлия включена в единый псевдомир-экономику, в ту группу регионов, которая образовалась вокруг средиземноморского центра, живет в общем ритме и простирается, с экономической точки зрения, к востоку, в направлении Персии, Индии, Индийского океана. На севере Европы эта группа регионов упирается в пустоту – перед ней лежит Балтика и Северное море, на страже которого стоит базирующийся в Булони римский флот; на юге она граничит с бескрайними просторами Сахары, откуда, впрочем, вывозит по дорогам нынешнего Марокко суданский золотой порошок. Короче говоря, именно колебания, ритмы, стечение обстоятельств в экономике этого громадного целого и определяют ход жизни в зависимой от него Галлии" (Ф. Бродель).

Во времена Маркоманнских войн германский мир предпринял попытку реванша за поражение в Дакии, которое нанес ему Траян. Целенаправленное движение германских племен в Дунайские провинции Римской империи, прежде всего в Дакию, было попыткой Германского мира отвоевать Дакию, а в случае успеха завоевать и Грецию. Это было возвращение германцев на свою "историческую родину":

"Из числа участников Маркоманнских войн именно германские племена (вандалы и готы) нападали прежде всего на Дакию. Но они увлекли за собой многие другие народы, которые никак не могут быть определены как германские" (Ю. К. Колосовская).

Римский мир, ставший греко-римским, выдержал германский напор, но ценой напряжения всех сил и мобилизации народов Римской империи, с помощью сложнейшей дипломатической игры внутри и вовне Империи:

"Активность племен на Дунае возрастает с середины II в. Их натиску подвергаются все дунайские провинции. Самыми тяжелыми и длительными из войн этого столетия явились Маркоманнские. Они заняли большой отрезок времени (165-180 г.г.) и губительно сказались на состоянии римского общества, положив конец "золотому веку" Антонинов, после чего происходит постепенный закат Римской империи. Победа над воинственными племенами одержана была римлянами с огромным трудом... В сочинениях античных авторов Маркоманнские войны определяются как такие, которых еще не бывало на памяти людей. По натиску племен и по той тяжести, с которой выносили римляне в течение многих лет эту войну, она сравнивалась Евтропием с Пунической" (Ю. К. Колосовская).

В общем, римляне допраздновались:

"В Италии не знавшей 100 лет воинского набора, было сформировано два новых легиона, получивших потом название II и III Италийских. Они были отправлены на фронт, а по окончании военных действий размещены в Реции и Норике. В Риме набирались войска из рабов, гладиаторов и из менее романизированных слоев населения. В деньги были перелиты драгоценности императрицы" (Ю. К. Колосовская).

Сразу после Траяновых войн, как следствие ослабления волчьих инстинктов римского духа, стало смягчаться и отношение к рабам. В рабах римляне уже видели не рабочий скот, а нижний класс италийского общества. Император Адриан запретил хозяевам предавать рабов смертной казни. Жители некоторых провинций получили права гражданства, а в 212 году император Каракалла даровал римское гражданство всему свободнорожденному населению провинций.

После Маркоманнских войн не варвары боялись римлян, а римляне в страхе огораживались от варварского мира:

"Были предприняты ограничительные меры в отношении торговли с племенами. Для племен были установлены торговые дни на римском берегу. Запрещение племенам заселять на Дунае острова, а также ограничение свободы передвижений на лимесе показывают, что раньше подобных ограничений не было. Граница была достаточно открыта для торговых контактов и римлян, и самих племен. В то же время Маркоманнские войны свидетельствовали, что Империя не может более вести активную внешнюю политику. Она была вынуждена принимать в свои пределы близкие к дунайской границе и даже отдельные далекие от нее группы племен. В сущности, в этой войне произошло мощное столкновение двух материальных и моральных сил – мира племен и римского мира. И эту битву, длившуюся 14 лет, римляне выиграли у племенного мира с большим трудом. Можно уверенно считать, что Маркоманнские войны были преддверием или даже началом Великого переселения народов в IV-VI вв." (Ю. К. Колосовская).

IV. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ: ГОТЫ В ДАКИИ

С начала III века на передний план вышли племенные союзы аламаннов и готов. Аламанны стали как бы наследниками свевов, а готы – даков-гетов. Первые обосновались в Галлии и на территории нынешней Германии, вторые – во Фракии и в Северном Причерноморье:

"Племя аламаннов выявляется в источниках начиная с III в. как главное из племен, подвергавших грабежу Галлию и Германию, а также бассейн Верхнего Дуная. Это племя состояло из разных этнических групп, преимущественно германских. Наиболее сильным из них считалось племя семнонов, причисленное Страбоном к свевским племенам. К объединению аламаннов принадлежали племена свевов, лангобардов, вендов" (Ю. К. Колосовская).

Примерно в середине III века готы вытеснили римлян из Дакии. Германский мир одержал принципиально важную победу:

"Оказавшись в Восточной Европе, где все земли были заняты племенами, готы двинулись на юг и в начале III в. оказались у римских пределов. Первым препятствием на их пути стала римская Дакия. Здесь у ее Восточных границ начались сражения римлян с готами. Но готы не остановились и продолжали свой путь далее, в области Северного Причерноморья, где они позднее организовали объединенное варварское государство, позднее разделившееся на ветви вестготов и остготов, которые двинулись вновь на Империю. Воюя по дороге с многочисленными народами Северного Причерноморья, готы нападали на римские провинции, пока не были изгнаны гуннами из Нижнего Подунавья и вынуждены были переселиться в Правобережные провинции Римской империи..."

В битве под Абриттом (совр. Разград) в 251 г. погибла целая римская армия во главе с самим императором Децием и его старшим сыном Гереннием Этруском. Не встречая сопротивления, готы прорвались во Фракию, где осадили Филиппополь (совр. Пловдив) и захватили его. Провозглашенный войсками императором наместник Нижней Мёзии Требониан Галл заключил с готами мир на тяжелых для римлян условиях. Он разрешил им увести за Дунай добычу и пленных и обязался ежегодно выплачивать денежную дань" (Ю. К. Колосовская).

О том, насколько болезненным для римлян было поражение в Дакии, можно судить по следующим свидетельствам:

"Оставление Дакии не было популярным среди римского общества. Память о завоеванных Траяном за Дунаем землях сохранялась в римской традиции. Мысль о восстановлении римского господства в Дакии циркулировала в народе при Константине. В панегирике, произнесенном перед Константином Хлором, отцом Константина (297 г.), при перечислении побед, достигнутых тетрархами над племенами, сказано о восстановлении римской власти в Дакии – *Dacia restituta*. Аммиан Марцеллин сравнивает политику императора Юлиана в предстоящей войне с персами с активными действиями Траяна против даков. Юлиан обещал, что покорит персов и восстановит гибнущий римский мир. Теми же словами клялся Траян покорить даков: "Верно, как-то, что я увижу Дакию превращенной в провинцию"; "Верно, как то, что я по мосту перейду Дунай и Евфрат". Император Юлиан рассказывает, что Константин хотел вновь завоевать Дакию" (Ю. К. Колосовская).

V. ЗАКАТ РИМСКОЙ ЕВРОПЫ

До семидесятых годов третьего века Римская империя пребывала в хаосе:

"За убийством заговорщиками Каракаллы последовал недолгий период хаоса и распада в правление молодого, но развращенного и ненавистного всем императора Бассиана, прозванного Гелиогабалом за свою приверженность культу Солнца, который он хотел официально ввести в Риме вместо традиционной римской религии. Гелиогабал также погиб от рук заговорщиков, и только при его двоюродном брате, Александре Севере, наступило – впрочем, столь же недолгое – успокоение: новый император пытался достичь согласия с сенатом, усилить дисциплину в армии и одновременно снизить расходы на ее содержание, чтобы вообще ослабить ее роль в жизни государства. Понятно, что недовольство войска привело к новому заговору: в 235г. Александр Север был убит, и с этого момента начался полувековой период политического хаоса, отмеченный борьбой за власть между различными претендентами, выходцами из простых солдат, опиравшимися только на их поддержку... Только в начале 70-х годов III в. императору Аврелиану удалось вновь подчинить власти Рима отпавшие провинции Галлию и Египет" (К. Куманецкий).

В конце века император Диоклетиан провел реформы, которые еще на 150 лет продлили ей жизнь:

"Административные, военные и экономические реформы, проведенные в Римской империи в конце III – начале IV в. в правление Диоклетиана, уроженца Иллирии, возведенного на престол армией, смогли продлить существование гигантской державы еще более чем на 100 лет. Сохранившийся со времен Августа принципат как форма правления уступил место доминату: императорская власть приобрела характер абсолютной монархии, императора стали называть не "принцепс", а "доминус" – государь, и воздавать ему божественные почести. Император считался отныне безраздельным господином всего свободного и несвободного населения государства, в придворный церемониал вошел обычай преклонять колени перед монархом и т.п.

В административном отношении империя была разделена на две части – западную и восточную, причем Италия окончательно утратила привилегированное положение центра империи. Если при Траяне, в начале II в.н.э., провинций было 45, то теперь их число возросло до 108, не путем новых территориальных приобретений, а путем раздела старых, обширных провинций. Сам Диоклетиан взял себе в управление восточную часть империи с центром в Никомедии на северо-западном побережье Малой Азии, западную же часть поручил своему соправителю Максимиану, имевшему резиденцию в Медиолане (нынешний Милан) в Северной Италии" (К. Куманецкий).

Это было в начале большой весны нового, теперь уже зимнего римского макросезона 277-1045. Макрозимних римлян "хватило" только на полтора века с конца III и до середины V.

После Диоклетиана Империей правил Константин. Он вошел в историю как император, признавший христианство единственной государственной религией. Он основал новую имперскую столицу на месте древнего Византия. Византий стал Константинополем, а Рим уступил ему первенство.

Но отступление Империи, пусть и обновленной, пусть и лучше управляемой из-за разделения на греческую и римскую части, продолжалось. В 378 году вестготы нанесли римлянам сокрушительное поражение во Фракии. После этого поражения одряхлевшая Империя полагалась в охране своих рубежей практически только на союзных варваров. В конце IV века император Феодосий I уступил вестготам Иллирию:

"В 394г. Феодосий в последний раз в истории сосредоточил в одних руках власть над обеими частями империи, но уже через год он умер и Римская держава была окончательно разделена: Западную империю получил в управление 11-летний сын Феодосия I Гонорий, Восточная досталась его 18-летнему брату Аркадию. Эпоха Гонория (395-423гг.) была временем полного распада западной части государства под ударами все новых варваров. Нападениям извне сопутствовали измены варваров, состоявших на римской службе, волнения рабов и колонов, интриги и распри при императорском дворе. В 408г. вестготы под

предводительством Алариха заняли Паннонию и Норик, а два года спустя впервые был захвачен и разграблен варварами и сам Рим, причем поддержку Алариху оказали римские рабы. И хотя Аларих затем оставил Вечный город, а после его смерти вестготы отошли в Галлию, Западная Римская империя доживала теперь уже последние годы.

В 407г. римляне покинули Британию, еще через два года вандалы, свевы и аламанны захватили Испанию, в 415г. вестготы оторвали от Римского государства Галлию, в 429г. вандалы и иные германские племена переправились из Испании в Африку. Наконец в 455г. Рим снова был разграблен и разрушен, на этот раз вандалами во главе с их королем Гейзерихом: отсюда и понятие "вандализм", увековечившее это трагическое для римской культуры событие. После вторжений германцев, а затем, в середине V в., гуннов под предводительством Атиллы, захватившего на время Галлию и даже северную часть Италии, западная Римская империя осталась без своих главных провинций. Власть императора распространялась отныне лишь на Италию, причем сам императорский престол стал игрушкой в руках варварских вождей, в особенности германцев, возглавлявших отряды наемников на римской службе. Они не только ведали всей внешней и внутренней политикой Западной империи, но и возводили на трон собственных ставленников. Последним императором стал малолетний Ромул Августул, за которого правил его отец – римский патриций Орест. В 476г. восставшие наемники-варвары во главе с Одоакром убили Ореста и свергли его сына. Знаки императорской власти Одоакр отослал в Константинополь. Это событие и принято считать концом Западной Римской империи" (К. Куманецкий).

К началу V века римский мир, как целое, как цельность, как организм, развалился, разрушился, умер. На востоке утвердился римский, по названию, но греческий, по сути, мир, объединенный в православную Византийскую империю. Правда, греческая "суть" была сильно размыта "иностранцами" включениями египтян, сирийцев, финикийцев, евреев и других народов восточной Империи, которым стареющий греческий дух сделал ряд вынужденных принципиальных уступок. На западе утвердился "осознанно-варварский" германский мир. И лишь в Италии и, лоскутно, в Галлии и Иберии свои последние десятилетия доживал обессиленный римский мир.

VI. ОДИССЕЙ И МЕФИСТОФЕЛЬ

ИЗМЕНЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ

В конце V века макролетние греки были в середине большой осени. Впереди их ждали несколько тяжеловесное величие VI века и лихие времена VII-VIII "зимних" веков.

Но греческая нация-община оказалась более устойчивой перед большой зимой, чем римская и галльская. Причина в том, что смена макровесны на "лето" происходит легче, чем смена макроосени на "зиму". Греки не только сумели сохранить свою государственность перед арабским напором и иконоборческой стихией, но и смогли восстановить свою государственность после разрушения и завоевания крестоносцами. Лишь в конце своей большой зимы макроосени в первой половине XV века греки сдались туркам-османам.

Ранее я определил летним макросезоном греческий сезон 779-11 до н.э. Это вторая "греческая" ошибка, которая была сделана мной в коротком анализе греческого макроцикла в статье "Мудрый змий истории". Греческую историю следует сдвинуть на один макроцикл назад. Не может народ сохранять великую империю во время макрозимы и потерять ее почти у порога "весны".

Как уже говорилось, дело в том, что греки VIII – I веков до н.э. не стали прямыми продолжателями микенской культуры и ахейской нации-общины, а, подобно германцам, вернулись в макровесну.

Мы знаем, что от тех времен остались лишь мифологизированные воспоминания о Троянской войне. Не намного больше, чем осталось у германцев после переплавки фракийцев-"ясторфцев" во II – I веках до н.э. Тем более что грекам-дорийцам, которые стали преобладающим населением Греции в начале I тысячелетия до н. э., не о чем было и вспомнить. Микенская культура их только коснулась, но существенно не задела.

В Аттике и Ионии продолжился ахейский цикл. В VIII – I вв. до н.э. они были в макролете, в I – VIII вв. оказались в макроосени. А в VIII – XIV веках оказались в макрозиме.

Не случайно "афинское возрождение" восстановленной в XIII веке Византийской империи оказалось самообманом. Тем более, что афинский (ахейский) дух вряд ли пережил большую зиму VI – VIII веков. Даже во взвеси с безусловно демографически преобладающим дорийским.

Греческий феномен V – IV веков до н. э.- это редкий феномен сочетания макролетней, сияющей зрелым и одновременно ослепительным светом аттической-ионийской культуры, и макровесенней экстенсивной, динамичной и восприимчивой дорической культуры. Культуры тех же греков, только отставших от аттиков и ионийцев на один большой цикл.

Такое сочетание – уникально в истории. Но оно могло повториться на расширенном, уже не балканском, а общеевропейском поле, если бы германцы сокрушили не Западную, а Восточную Римскую империю, не Рим, а Константинополь.

Для этого германцы должны были "потерять себя" не на берегах Рейна, Эльбы и Дуная, а в самой Греции. Если бы они захватили Грецию в I – II веках, то к VIII веку сложилась бы единая греко-германская культура. Возможно, это и было сверхзадачей германской нации-общины в I – II веках новой эры. Следовательно, даки, свевы и маркоманны штурмовали не только Фракию, но и подступались к самой Греции.

Но римляне помешали осуществлению этой сверхзадачи, потеснив сначала Свению, потом уничтожив Дакию, затем отразив наступление маркоманнов, и, наконец, уступив готам и алламманам, но лишь Дакию и Иллирик. Греция так и осталась вне пределов германского мира. Ромейцы выиграла время.

Поскольку германцы упустили время, то вектор германской экспансии изменился. Вместо творческого и органичного слияния с греками, германцы попытались сочетаться с италийцами. Вместо гармоничной любви они испытали иссушающую страсть. Отныне Рим стал страстью Германии.

ТЕНЕВАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ ГЕРМАНСКОГО ДУХА

Комплекс Одиссея-изгнанника развился и воплотился в социальную и политическую реальности, пронизанные идеями механического универсального порядка и идеей Рима, как центра мира, в котором отныне будут короновать германских императоров.

"Изгнание", "Рим" и "Порядок" – вот тeneвая "мефистофелевская" телеология германского духа.

Не здесь ли одна из причин раздвоенности средневекового человека, его подростковый характер, контрастно сочетающий в себе светлое и демоническое начала, святость и бесноватость? В общем, "сумрачный германский гений"?

Столь явного дуализма народы древности не знали. Их комплексы носили частичный, детский характер.

Германский мир похоронил мир Римский, но сам стал носителем вывернутого наизнанку римского духа.

На полтора века германцы получили безраздельную власть над Европой, как когда-то, 600-700 лет до этого, такую власть на три века получили римляне. Ведь италийцы уже скатились в макрозиму, а кельты, латино-иберийцы и кельто-славяне еще находились в макрозиме.

Но сами германцы в середине V века были в середине большой осени и уже недалеко было время германской большой зимы. Поскольку начало большой зимы, т.е. ее первая четверть, является сравнительно благоприятным периодом, то у германцев оставалось еще 150 "легких" лет (примерно с 450 по 600) для того, чтобы перестроить завоеванный мир по-своему.

Не тьму и страдание принесли германцы Европе. Они принесли ей обновление, освежающий северный ветер и неоглядную ширь под глубоким и встревоженным небом. Греческий дух в варварском германском обличьи был деятелен, молод и свеж, и очень похож на отца.

Германские экклесии первых веков Средневековья – это церковь, тинг и пир:

"Пиршественная горница была центром дома знатного человека. Пир и тинг – важнейшие узлы социальной жизни германской знати, из которых первый едва ли не был главным. Особое значение пира в жизни скандинавов подчеркивается и в постановлении "Законов Фростатинга", гласящем: "В трех местах – в церкви, на тинге и на пиру – все люди одинаково должны пользоваться неприкосновенностью". Пир оказывается здесь в одном ряду с двумя другими важнейшими центрами социального общения, причем с такими, как церковь – место общения с богом и тинг – орган поддержания правопорядка и осуществления правосудия" (А. Я. Гуревич).

Так началась собственно германская история, не только как история германского духа в его светлом и теневом обличьи, но и как история германского мира. Она, по свидетельству нашего современника, "свидетельствует, что мы выросли и сформировались как европейцы и призваны созидать далее на основе древнего европейского наследия; что одна из половинок нашей души считает своей родиной пространство греческой античности, ту самую вершину на границе между Западом и Востоком – Олимп. Мы, народ, не обладающий отчетливой способностью самим творить собственный облик, никогда еще так не нуждались в сосредоточенных вокруг этой вершины созидających, связующих и определяющих способы выражения силах, в задающей меру, при всей оргиастичности ее характера, мощи греческого духа; никогда более, чем теперь, когда утрачивает влияние другой фактор нашего формирования – Рим, когда, несмотря на сегодняшнюю тягу к религии, исчезает древний, основанный на христианстве синтез Востока и Запада, и когда мы в то же самое время глубоко до состояния внутренней неуправляемости, растревожены воздействиями, поступающими и изнутри, и с Востока" (А. Вебер).

VII. МЕЖДУ СВОБОДОЙ И РАВЕНСТВОМ-БРАТСТВОМ

VII ВЕК: ПРОБУЖДЕНИЕ ГАЛЛИИ

Начался предпоследний, дневной макроцикл галльской нации-общины: 661 макровесна 1429 макролета 2197...

Их пробуждение оказалось своевременным, так как во франкские земли вторглись арабы, ранее уже покорившие Испанию.

С середины VII века уже нельзя не видеть того, что внутри германской Западной-Средней Европы возникает системно-увязанная и одновременно мозаичная германо-галльская Европа. С этого времени можно вновь наблюдать феномен Европы двух активных наций или, точнее, национальных общинных блоков: германского и кельтского. Несколько столетий раньше Европа тоже была дуальной, тогда господствовали римляне, а плодоносили греки.

В Британии, после хаоса VI – первой половины VII веков, появляется Англия. В Шотландии и в Уэльсе формируются новые кельтские (британские) нации.

В Испании временно утвердились арабы, которые уничтожили германскую (готскую) элитную надстройку, но не смогли ассимилировать латинскую крестьянскую основу.

Германский мир в это время занимает территорию почти всей Средней и Северной Европы, включая Скандинавию. А в будущей Франции, Северной и Средней Италии германцы составляют только более-менее осязаемую часть верхушечных слоев общества. По расчетам Ле Гоффа "ни вестготы, ни франки, ни другие группы завоевателей не должны были насчитывать более 100 тыс. человек. Расчеты, согласно которым общее количество варваров, осевших на римском Западе, составляло 5% всего населения, недалеко от истины".

Но в узком смысле, т.е. политически, Западная-Средняя Европа VII века была единой. Здесь повсеместно происходил генезис феодализма на основе "горизонтального" германского права.

Галлы стали активной социальной, военной и политической силой, интегрированной в германский мир и начавшей обособляться в этом мире:

"Я отнюдь не сторонник теории Огюстена Тьерри – что франки были предками дворян эпохи Старого Режима, а галлы – предками сервов и пролетариев: для сегодняшнего историка она неприемлема; однако замечу, что франкская знать пополнила ряды (более многочисленные, нежели ее собственные) местной галло-римской знати, которая сохраняет свое положение, поскольку "сотрудничает" с захватчиками и, кроме того, находит для себя убежище в высшей церковной иерархии" (Ф. Бродель).

ГАЛЛЬСКАЯ СВОБОДА

Галльский телеологический код – это "Свобода – равенство в политической толпе – "король-солнце". С VII века этот код начинает активно воплощаться в социальных и политических институтах франкской державы, кое-где дополняя, но чаще конфликтуя с германским базовым кодом.

Наверно, можно найти более удачные слова для названия галльских-французских базовых ценностей. Например, найти конкретную личность, идеально воплощающую личностный код галлов-французов.

Почти наверняка, что Одиссей реальный, как и реальный Эней, были далеко не точной копией поэтических образов, закрепившихся в народном сознании греков и римлян. Более того, эти архетипические образы возникли задолго до рождения самих героев, просто потом их образы слились с безымянными, но конкретными архетипами.

Поэтому для французов-галлов вместо слова "Свобода" можно подыскать какой-нибудь позднейший образ:

"Выбор народных героев – факт великой важности в психологии народов. Действительно, герои представляют собой одновременно типических представителей данной расы и ее идеализованное представление о самой себе. Один немец справедливо сказал, что

никогда бы не могло существовать нации Наполеонов, но что был момент, когда тайным желанием каждого француза было сделаться Наполеоном. Этот идеальный Наполеон далеко впрочем, не походил на грубого и вероломного исторического Наполеона, которого даже в настоящее время, после стольких разносторонних исследований, мы еще не знаем достаточно. Верцингеторикс, Карл Великий, Людовик Святой, Жанна д'Арк, Винцент де Поль, Байярд, Генрих IV, Тюрень, Конде, д'Ассас, Мирабо, Наполеон – вот герои Франции, истинное или воображаемое лицо которых всем знакомо. Наиболее популярны – Жанна д'Арк и Наполеон, причем из последнего сделали олицетворение французской революции и французской славы" (А. Фуллье).

Остановимся все же на "безликом" слове "Свобода" потому, что именно французы в XVIII – XIX веках наполнили его конкретным и вдохновляющим содержанием. Так, что многим народам захотелось обрести эту французскую Свободу.

Свобода по-французски – это особое умение и особый талант быть независимым от всех, но, прежде всего, как от власти общины, так и индивидуализма, как от своего государства, так и от своей семьи, может быть от всего, кроме общностной власти идей и интересов. Но сами общности идей и общности интересов находятся в постоянном конфликте между собой:

"Скептицизм, утилитарные заботы, нечестность в денежных делах, узкая политика партий и интересов, эгоистическая борьба классов – вот с чем необходимо теперь бороться во имя идей. Если бы Франция отеклась от своего культа идеала, от своего бескорыстного служения обществу и человечеству, она утратила бы, без всякого возможного для нее выигрыша, то, в чем всегда заключалась ее истинная моральная сила" (А. Фуллье).

Свобода французская (то же самое – галльская) – это чувство равновесия, безупречное чувство стиля и меры. Французов напрасно обвиняют в поверхностности. Они действительно элегантно скользят по поверхности некоей, только им видимой, плоскости, на которой уравниваются все внешние силы и влияния, кроме силы и влияния неких воодушевляющих и призывающих к совместному празднику идей.

Французский язык твердо стоит на страже французских базовых ценностей, французской свободы и логики:

"Потребность в наречии, наиболее пригодном для общественных сношений, была одной из причин, сделавшей французский язык до такой степени аналитическим, а вследствие этого точным, что всякая фальшь слышна в нем, как на хорошо настроенном инструменте. Это – язык, на котором всего труднее плохо мыслить и хорошо писать. Француз выражает отдельными словами не только главные мысли, но и все второстепенные идеи, часто даже простые указания соотношений. Таким образом мысль развивается скорее в ее логическом порядке, нежели следует настроению говорящего. Расположение слов определяется не личным чувством и не капризом воли, под влиянием которых могли бы выдвигаться вперед то одни, то другие слова, изменяя непрерывно перспективу картины: логика предписывает свои законы, запрещает обратную перестановку, отвергает даже составные слова и неологизмы, позволяющие писателю создавать свой собственный язык. В силу исключительной привилегии, французский язык один остался верен прямому логическому порядку.... Желая выразить известные вещи, мы начинаем с их упрощения, хотя бы в действительности они были сложны (и даже преимущественно, когда они сложны); затем мы располагаем их в симметрическом порядке, являющемся уже нашим собственным изобретением. Мы строим нашу фразу не из готового естественного материала, а придаем этому материалу удобопонятную и изящную форму. Словом, мы являемся в построении наших фраз логиками и артистами; вместо того, чтобы брать все, что предлагает нам действительность, мы выбираем наиболее правильное и прекрасное; вместо того, чтобы быть рабами действительности, мы идеализируем ее на свой манер. Отсюда до пользования и злоупотреблений абстрактной логикой и риторикой один шаг; тогда-то, по чисто французскому выражению Бюффона "стиль является человеком", вместо того чтобы быть самой вещью, непосредственно представляющейся уму. Это неудобство чувствуется в философии и моральных науках более, чем в чем-нибудь другом. Это – обратная сторона наших положительных качеств: ясности, точности, меры и изящества" (А. Фуллье).

Эта "французскость" французского языка тем более интересна, что сам язык в словарной основе своей является латинским:

"Из четырех или пяти тысяч первоначальных слов, составляющих основу нашего языка, лишь одна десятая кельтических, германских, иберийских или греческих и одна десятая – неизвестного происхождения; около же трех тысяч восьмисот остальных слов – латинского происхождения. Они только сделались более короткими и глухими в силу закона наименьшего усилия, которым объясняется, почему, по выражению Вольтера, "варварам присуще сокращать все слова" (А. Фуллье).

Но, как уже говорилось, несмотря на словарный геноцид, новый галльский язык ("французская латынь") стал языком, выражающим не римский, а галльский национальный характер. Ведь язык – это не столько слова и звуки, сколько некие мыслеформы, поддерживающие и воплощающие архетипы национально-практические (телеология) и наднационально-антропологические (теология).

Галлы, как только ослабло римское влияние, превратили свою "латынь" в нечто принципиально иное. Их латинский по словарю язык снова стал самовыражением порывистого и одновременно рационально-логичного галльского характера.

Другая грань французской свободы – определенное историческое легкомыслие, отсутствие обязательств как перед предками, так и потомками. Если итальянцы устремлены в Будущее, немцы погружены в Прошлое, то французы находятся почти исключительно в Настоящем:

"Их интересует одно настоящее; прошлое забывается ими только потому, что оно прошлое; а будущее не беспокоит их. Нетерпеливые, непостоянные, лишенные чувства справедливости, вечно колеблющиеся между двумя крайностями, они не способны установить прочную свободу и не достойны ее. Их история и их новейшие учреждения вполне подтверждают это. Французы кротки, скромны, послушны, добры по наружности, если их не раздражать; но приходя в возбуждение, они становятся жестокими, надменными, неприязненными. Вольтер, хорошо знавший своих современников, называл их *"тиграми-обезьянами"* (А. Фуллье).

Для француза не так уж важно, истинна ли идея, хотя принять ложную идею для них – это погрешность стиля. Поэтому французы отдаются, прежде всего, новым, современным идеям, о которых еще нельзя сказать, ложны они или истинны, или насколько они ложны и истинны. Для француза важнее, чтобы идея была ослепительна, ярка, чтобы она объединяла, причем объединяла сейчас:

"Французский рационализм основан на убеждении, что в мире действительно все доступно пониманию, если не для настоящей несовершенной науки, то, по крайней мере, для будущей. Немецкий ум, напротив того, всюду усматривает нечто недоступное пониманию и предполагает, что этим нечто можно овладеть лишь чувством и волей; он допускает в мире действительного внелогическое или нечто, стоящее выше логики. Ниже разума стоит нечто более основное, а именно – природа, отсюда германский натурализм; выше разума стоит божественное, отсюда германский мистицизм. Кроме того, так как стоящее ниже и выше разума сливается в один непроницаемый мрак, то в конце концов натурализм и мистицизм также сливаются в германском уме. Французскому уму, напротив того, чужды натурализм и мистицизм; не удовлетворяясь грубым и темным фактом, он не удовлетворяется также и еще более туманным чувством и верой; он более всего любит разум и аргументы.... Иностранцы единодушно констатируют нашу традиционную способность удовлетворяться прекрасными словами вместо фактов и аргументов. В то время как итальянец играет словами, говорил аббат Галиани, француз одурачивается ими. Один немецкий психолог сказал про нас, что риторика, простое украшение для итальянца, составляет для француза аргумент" (А. Фуллье).

Обратной стороной французской свободы, невысказанной без логики и рационализма, "является преувеличенное самолюбие, совпадающее иногда с тщеславием, иногда с гордостью и всегда – с нетерпимостью, жестокостью и цезаризмом... в теории – великие принципы, часто опережающие свое время; на практике – отсутствие или неустойчивость всяких принципов, не только человеческого достоинства, но иногда даже и справедливости" (А. Фуллье).

Итальянец Бонапарт, сначала презиравший французов, а потом покоривший и полюбивший их, написал как-то:

"Вы, французы, не умеете ничего серьезно хотеть, за исключением, быть может, равенства. Даже и от него вы охотно отказались бы, если бы каждый из вас мог льстить себя мыслью, что он будет первый. Надо дать каждому надежду на возвышение. Необходимо всегда держать ваше тщеславие в напряженном состоянии. Суровость республиканского образа правления наскучила бы вам до смерти".

Вот такое французское "равенство" на службе у французской "свободы". Оно немислимо без возможности стать первым, без блестящей возможности забраться на ослепительную вершину, без французской свободы быть со всеми, оставаясь ни с кем.

РАВЕНСТВО-БРАТСТВО

Вторая базовая ценность галлов-французов – ценность равенства в политической толпе. Что это такое?

Это основной принцип социализации французов. Как у римлян курия, у греков экклесия, у французов способом социализации и неосознанного, "естественного" согласования интересов и идей является политическая община, но община совершенно неструктурированная. Это толпа людей, одухотворенных новыми, блестящими, праздничными идеями.

Это фестиваль, карнавал, но фестиваль и карнавал не для отдыха и познания, а для некоей великой политической или социальной цели. Вот эта цель и организует толпу в общину.

Знаменитую французскую формулу "свобода – равенство – братство" следует читать "свобода" и "равенство-братство". Что такое равенство-братство? Это несколько идеализированное воплощение ценности равенства в политической толпе.

А где еще возможно братство при равенстве?

В семье брат может быть старшим или младшим, умным или глупым, любимцем родителей или изгоем. Семейное братство иерархично. Оно предполагает соперничество. "Братство" в братствах, например, монашеских, тоже иерархично. Равенство здесь, как и в семье, скорее теоретическое, чем практическое.

А вот в политической толпе, устремленной к общей цели, братство и равенство идеально сочетаются друг с другом и действительно не абстрактны, а чувственны, вплоть до самопожертвования.

Здесь есть только один "изъян" – эта идиллия очень краткосрочна. Развитие идей и движение интересов разбивают идейную общность на мелкие группки, которые, как правило, встают в диспозицию друг к другу, вновь объединяются, вновь раскалываются, по ходу дела творя историю, совершая подвиги и преступления.

Эту ценность можно назвать ценностью не братства, а братания:

"Маккиавель упрекает тогдашнего французского солдата в том, что он грабитель и тратит "чужие деньги с такой же расточительностью, как и свои". "Он украдет, чтобы поесть, чтобы промотать, чтобы повеселиться даже с тем, кого он обокрал". Не указывает ли последняя, тонко подмеченная черта на потребность в симпатии и обществе, характеризующую француза? За неимением лучшего, он братается с человеком, которого только что готов был убить. "Это полная противоположность испанцу, который закопает в землю то, что он у вас похитил" (А. Фуллье).

КОРОЛЬ-СОЛНЦЕ

"Король-солнце" – вождь племени, вождь народа, обладающий абсолютной властью. Лучезарный, праздничный, как и все французское, король.

А. Вебер – немецкий критик французского национального характера и французских институтов именно во французах видел наследников римского государственного централизма:

"Среди европейских народов есть такой, который с тех пор как он сделался нацией в современном смысле слова, в периоды своего наивысшего могущества считал себя

преемником Рима, назначенным на эту роль самой историей. Этот народ – французы. Пусть Капитолий в руках итальянцев. Что из того? Дух Рима являл себя как универсальное, основанное на разуме господство над миром, как перелитая в эту субстанцию и кристаллизовавшаяся в ней воля к жизни; он реализовывал себя в структурах государства, а именно – государства централизованного, построенного по принципу разумной целесообразности, и мог существовать только так – т.е. как нечто всеобъемлющее".

Француз А. Фуллье воспринимает французский централизм как воплощение идеализма национального характера в его силе и его слабостях:

"Мы уже говорили, что кельтам, вообще говоря, не доставало политического смысла. Рим дал им Национальный Совет, общий культ, привычку к одним и тем же идеям, сознание одних и тех же интересов, чувство реальной солидарности. Всем этим римское государство не только не уничтожало галльской национальности, но, напротив того, способствовало развитию у галлов идеи отечества. Латинские и неолатинские нации, говорят нам, были и остаются поклонницами единоличной власти... Существенной чертой нашего ума в этой области является вера во всемогущество государства и правительства. Фрондирующие при случае, недисциплинированные, дорожащие более свободой говорить, нежели правом действовать, и принимающие за действия свои слова, французы обыкновенно пассивно подчиняются сильной власти и склонны думать, что она может сделать их счастливыми. Так как государство является представителем всего общества, то наш социальный инстинкт заставляет нас верить, что если отдельно взятый человек бессилен, то союз всех индивидов не встретит никаких препятствий при осуществлении общего идеала. Но мы впадаем в ошибку, когда слишком торопимся олицетворить общество в одном человеке или в группе людей, управляющих нами. Тогда наша законная вера в общественную силу обращается в совсем незаконную веру в искусственный механизм. Сколько раз вместо политического смысла мы обнаруживали политический фанатизм! Мы думали, что достаточно провозгласить принцип, чтобы осуществить все его последствия, изменить ударом волшебной палочки конституцию, чтобы преобразовать законы и нравы, импровизировать декреты, чтобы ускорить ход истории: "Статья I: все французы будут добродетельны; статья II: все французы будут счастливы". Мы убеждены, что содействуем прогрессу, когда берем за исходную точку не историческую действительность, а собственную фантазию. Нам недостает традиционного чувства солидарности между поколениями, сознания круговой поруки, заставляющей одних расплачиваться за безумия других. Мы также не хотим "знать, были ли до нас люди".

Думаю, что А. Фуллье ближе к истине в этом вопросе, чем А. Вебер. Только "солнечный монарх", а на самом деле – иерархичная и ясная политическая система, обеспечивающая его власть, будь то власть короля, императора, диктатора или президента, способна стабилизировать французское общество, постоянно завихряющееся вокруг новых революционных, экспансионистских, разрушительных, преобразовательных идей. Французская монархия (как и французская республика) осуществляет и связь времен, разорванных во французском сознании.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ ГАЛЛЬСКОГО И РУССКОГО ДУХА

Французский дух похож на славянский и, в частности, русский. Здесь свобода, там – воля. Французы видят крайности и бездны, но не спешат ринуться туда. Ни в бездну полного порабощения или порока, ни в крайности солипсизма и непубличной святости. Русские испытывают все на себе, они не присматриваются и не балансируют, они устремляются и ощущают.

Структура духа одна. Поведение прямо противоположное. Вопросы поставлены одинаково, но решены диаметрально противоположно. Это один и тот же тип индивидуализма, принципиально отличный от Одиссева или Энеева.

Здесь главное чувствовать (у русских) и мыслить (у французов), там – открывать мир или его поддерживать (у греков и германцев), и завоевывать или строить его (у римлян – итальянцев).

Французское "Равенство в политической толпе" и русская "Святая Русь" одинаково бесформенны и устремлены к равенству и братству.

Но у французов есть вектор движения, он в идее, в политике. У русских Святая Русь – это короткая передышка, остановка в пути, Небесный Дом, это и церковь и кабаки, это братство людей, которым ничего друг от друга не надо, кроме удовольствия общения. Русское "святое равенство-братство" также скоротечно, но русский всегда знает, что при желании он сможет излить душу и будет понят.

Социальные ценности французов и русских решают одинаковые личностные вопросы, но политические роли у них противоположны – одна создает политическую силу, другая ее поглощает.

Наконец, французский абсолютизм (король-солнце) похож на российское самодержавие (строгий царь). Только французский король спасает французов от их Толпы, а русский царь спасает русских от их Воли.

Русский – приспособительно социален, француз активно социален:

"Сильное развитие социального инстинкта во Франции, без сомнения, объясняется также интеллектуальными и историческими причинами, но его первоначальный зародыш следует искать, по нашему мнению, в быстрой заразительности экспансивной чувствительности, при которой способность поддаваться влиянию и оказывать влияние на других доходит до высшей степени. В самом деле, существует ли на свете народ, на которого сильнее бы влияла коллективная жизнь, чем на французов, постоянно ощущающих потребность в общении и гармонии с окружающими? Одиночество тяготит нас: единение составляет нашу силу и в то же время наше счастье. Мы не способны думать, чувствовать и наслаждаться в одиночку; мы не можем отделить удовольствия других от нашего собственного. Вследствие этого мы часто имеем наивность предполагать, что то, что делает счастливыми нас, способно осчастливить мир, и что все человечество должно думать и чувствовать, как Франция. Отсюда наш прозелитизм, заразительный характер нашего ума, часто увлекающего другие нации, несмотря на прирожденную флегму одних из них и на недоверчивую осторожность других. Обратную сторону этого свойства составляет недоброжелательная тирания по отношению к окружающим, заставляющая нас во что бы то ни стало добиваться, чтобы они разделяли наши чувства и мысли" (А. Фуллье).

Француз слишком политичен, русский совсем аполитичен. Француз создает завихрение идей и потом уж – вихрь массовых убийств, русский – сам завихрение страстей. Поэтому, можно сказать, что король-солнце спасает француза от его ума, а русского строгий царь – от его страстей.

И те и другие держат свой камень за пазухой против соседей и своих "графьев-бояр". Оба внешне любезны и покорны, но брось спичку – взрываются как сухой порох.

Оба не видят цели в медленном приращении богатства, но часто попадают в цепкий капкан мелочной алчности.

Оба столь же завистливы, сколь легки – элегантны (для французов) или задушевные (для русских).

Оба влюбляются в социальные мифы, только французы от стремления к политическому идеалу и желанию ощутить сладкий вкус победы, а русские – от жажды внутреннего и внешнего умиротворения.

Но русские ненавидят богатство и разрываются между любовью-ненавистью к своему государству, а французы люто ненавидят любого "благодетеля", который хоть немного ущемил его свободу, пусть в обмен за статус, власть и богатство. Русские же отдают свободу спокойно, довольные тем, что у них есть их "воля". Или бегут в старообрядцы и казаки.

Столь разительное сходство (а прямая противоположность – это тоже признак сходства) славян (русских) и французов (кельтов) не случайно. Тем более что и циклы их наций-общин полностью совпадают. Видимо, это прямое следствие кельтского происхождения славян. Славян – тех же кельтов, во II-I веках до н.э. рассеченных германским клином на западную и восточную части, и оставшихся на востоке в стране венедов-"поморцев" и, может быть, бастарнов.

Карл Великий стал первым, зафиксированным историей, французским монархом. Правда, до него был Верцингеторикс, о котором мы тоже кое-что знаем, но он проиграл войну Цезарю, и потому не стал королем-солнцем. По крови Карл был германцем-франком, но строил именно галльскую монархию.

Поскольку галлы были еще в начале своего весеннего макросезона и политически входили в систему германского мира и права, Карл не смог структурно закрепить ценность короля-солнца, он лишь сам стал таким "Солнцем".

Его галльские новации после его смерти в основном быстро отмирают, как умирает и сама империя Карла. Но после империи Карла осталась феодальная система как завершенная иерархия. После Карла остался и вознесенный на недостижимую высоту авторитет римского епископа – галльский подарок германскому комплексу.

Французы и русские похожи друг на друга и своими комплексами. Оба они приобрели комплекс "покоренного". Французы (галлы) были завоеваны римлянами, потом франками-германцами. Русские были подчинены норманнами, потом попали в рабство к монголам.

Конечно, это несколько осовремененное описание галльского духа, отталкивающееся от сакральной формулы эпохи социальных революций "Свобода – Равенство – Братство". Действительно, революционерами в эту формулу был отлит древний галльский архетип.

Несмотря на то, что реконструкция первооснов и первопричин галльского духа затруднена тотальной латинизацией Галлии в начале христианской эры, все же, коротко, попытаемся сделать некоторые выводы. Если национальный дух греков формировался в собраниях жителей территории полиса – политической единицы (в еkkлeсии), у римлян – в искусственной небольшой синкретической территориально-религиозно-социально-политической общине (курии), то галльский – в раблезианской карнавальности восстаний, военных походов и манифестаций.

В наше время вместо "короля-солнца" можно говорить об "идейном" централизованном государстве в отличие от римской универсалистской "низовой" республики и греческой (германской) партикуляристско-"боковой" и "братской" империи. Римляне разделяют, выделяют универсалии и объединяются "снизу", греки и германцы пристраиваются "сбоку", а галлы складываются в пирамиду централизованного государства "сверху", от идеи и представления об идеальном государстве и обществе.

ФИНИКИЙСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЕЛЬТОВ

Рискну также, в добавление к научно-фантастическому предположению о кельтском происхождении славян, сделать еще одно, теперь уже "просто фантастическое" предположение о происхождении самих кельтов.

Финикийцы в XII – XI веках до н.э. обосновались в Южной Иберии (Испании), где ими был основан город Гадес (современный Кадис), на африканском побережье и в районе Эгейского моря, в т.ч. и на фракийском побережье. Удивительно, но столь широко раскинувшиеся колонии не были самостоятельными, а подчинялись метрополии – городу Тиру. Кстати, это была не первая финикийская колонизация Средиземноморья:

"В начале I тысячелетия до н. э. Тир становится, по выражению одного современного ученого, "Лондоном древности". Его торговые связи охватывали огромную территорию от выхода из Средиземного в Атлантический океан до Ассирии и от африканского побережья до гор современной Армении. Созданные тирийцами колонии (в отличие от греческих) не были независимы, а признавали власть тирского царя. Тирские цари подчинили (форма этого подчинения нам пока неизвестна) значительную часть Южной Финикии, включая восстановленный после филистимского набега Сидон. Вообще во внешнем мире это царство выступало, по-видимому, как Сидонское, но столицей его был Тир.

Хотя в колонизации принимали участие самые разнообразные силы, в том числе оппозиционные правящей династии, финикийские колонии не становились самостоятельными, а подчинялись Тиру, входя в состав обширной морской державы...

В финикийских городах существовало своеобразное двоевластие: царя и гражданского коллектива, объединенного в общину. Каждая община, включая общину столичного города, была довольно суверенна в своих внутренних делах. Это относится и к городам, основанным финикийцами за морем, т.е. колониям. В Тирской державе царская власть по существу являлась единственной скрепой, объединяющей множество колоний с Тиром. Ликвидация, хотя и временная, этой скрепы и привела к полному распаду державы" (Ю. Б. Циркин).

В конце II тысячелетия до н.э., в результате тектонических сдвигов в Южной Европе, вызванных Троянской войной, перемещениями дарданов-иллиров, нашествиями греков-дорийцев, финикийцы были вытеснены из района Эгейского моря.

По-видимому, значительная часть финикийских колонистов, вместо того, чтобы уйти морем на юг, ушла сушей на север. Возможно, это было переселение в места проживания какого-то дружественного племени, связанного с финикийцами тесными торговыми отношениями. В то время не одни финикийцы двинулись на север. Это был турбулентный поток разных племен и народов, оставивший о себе убедительные археологические подтверждения.

В дальнейшем эти финикийские колонисты, нация-община которых в середине X века до н.э. вступила в пору второй половины большой зимы, видимо, должны были искать себе место еще дальше на северо-западе, пока они не обосновались на землях современной Баварии. Там и произошел в первой половине IX века генезис протокельтской нации-общины, а в конце IX – начале VIII века началось неумолимое расширение протокельтского ареала.

Гальштатская культура, к которой принадлежат многочисленные памятники VIII – VII веков до н.э. на территории Европы – культура многонациональная, культура взвеси разных племен и народов, в том числе финикийцев-протокельтов, фракийцев, иллирийцев. А культура латенская (с VI века до н.э.) – это кельтская культура. Она "принадлежит" только финикийско-кельтской национальной общине.

Экспансия кельтов началась в VI веке до н.э., тогда они обосновались между Рейном и Марной. Затем, в V веке, они совершили первый глубокий рейд далеко на запад, в западную часть Иберийского полуострова. Видимо, долгосрочный успех этого броска был обусловлен финикийским происхождением иберов. В дальнейшем образовалась единая нация кельтиберов.

Последующая экспансия кельтов в V, IV веках и в первой половине III века до н.э. охватила территории нынешней Франции, Британии, Ирландии, Средней Германии, Южной Польши, Северной и Средней Италии, Северных и Средних Балкан, Западное Причерноморье и даже часть Малой Азии. По своему размаху кельтская экспансия не уступала последующим римской и арабской экспансиям.

Есть еще несколько историологических аргументов в пользу гипотезы о финикийском происхождении кельтов.

Исторические циклы, финикийские и кельтские, совпадают. Правда, "почему-то" во время своего потаенного превращения из финикийцев в кельтов, новая, т.е. кельтская нация-община не вернулась в макровесну, а последовательно ушла в осенний макросезон.

Но в этом случае кельты, практически без изменений, должны сохранить финикийские архетипы "тео" и "телео". Это означает, что, сделав анализ финикийских базовых ценностей-архетипов на основе уже "вычисленных" кельтских, можно сделать более правдоподобным и предположение о финикийском происхождении кельтов.

Действительно, известные нам самые важные финикийские общественные и политические институты вполне объяснимы как воплощения кельтских базовых ценностей. Распыленные по Средиземноморью финикийцы оставались единым государством с центром-метрополией. Что их могло удерживать вместе? Не ценность ли "равенства-братства" ("общины в толпе", "идеи-общности")? Почему бы и нет? Единодержавие, четкая властная вертикаль царской власти – иерархия "сверху" – это описанный выше основной финикийский политический институт. Наконец, изобретение финикийцами нового письма, положившее начало Западной цивилизации, это "продолжение" логического, в своей основе, "устройства" личности финикийца. Но ведь и в основе французской свободы и личности – логика.

И не был ли галльский порыв к Святой земле следствием ностальгического порыва галльско-финикийской нации к своей "исторической родине" – Ханаану?

VIII. НАЧАЛО ГЕРМАНСКОЙ ЕВРОПЫ

СОЗДАНИЕ ФРАНКСКОЙ ДЕРЖАВЫ

V век – век крушения Римского мира под ударами германских племен.

Испания и большая часть Галлии уже с 419 года оказались под властью остготов, Африка с 429 года – вандалов, Британия с 449 года – англосаксов. Обширные территории заняли племенные объединения аламаннов, бургундов, франков, вестготов.

В 476 году Одоакр сверг последнего римского императора, а знаки императорского достоинства отослал в Константинополь. До трети земель в Италии было роздано воинам-германцам.

Западная Европа стала германской. Племенные государства быстро возвышались, но и угасали быстро.

Среди этих государств наиболее устойчивой и способной к развитию оказалась франкская держава, созданная в конце V века Хлодвигом. Хлодвиг победил римского наместника Сиагрия, затем аламаннов, господствовавших на территориях Свевии и Баварии. Он разгромил готов и овладел значительной частью Южной Галлии, объединил рипуарских и саллических франков.

Он оставил своим наследникам державу, охватившую северную часть нынешней Франции, Бельгию, Голландию, северо-запад и центр современной Германии. Земли, населенные преимущественно галлами, получили в последующем название Нейстрии, а германцами – Австразии. К середине VI века к франкскому государству были присоединены Бургундия и Тюрингия.

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В ЕВРОПЕ

Другим значительным явлением VI века была позднеосенне-раннезимняя экспансия Византийской империи в Западной Европе и Африке.

Император Юстиниан, взошедший на престол в 527 году, вознамерился воссоздать Римскую империю в ее прежних границах.

Юстиниан, наконец, воплотил в жизнь план Цезаря – создал громадный сборник законов римского права. Правда, это было уже не живое, питающееся соками народной жизни, "низовое" право, а его засушенный (но великолепный!) гербарий.

Символом величия Юстиниана и Византии того времени стал величайший православный храм, построенный в то время – храм Святой Софии.

В 532 году византийский полководец Велисарий подавил восстание партии "зеленых". В 533 году был заключен мир с персами, затем была завоевана Северная Африка. В 534-540 Велисарий завоевал Южную Италию. До 549 года войну в Италии вел Велисарий, с 549 Нарсес.

Счастье для него, что Нарсес был евнухом. Иначе у придворных историков и лжецов, вроде Прокопия Кесарийского, и для него "нашлась" бы своя "тайная история". Правда, у Нарсеса есть своя явная история – история предательства.

К 555 году вся Италия оказалась под властью византийцев, а готы и их союзники – франки и аламанны, были вытеснены из Италии. Италия стала провинцией Восточной Римской империи.

С 555 по 565 Италией управлял Нарсес (период Экзархата), пока он не был отозван новым императором, взошедшим на престол после смерти Юстиниана. В это время ромейцы утвердились и в Испании.

Последнее германское наступление эпохи переселения народов – нашествие лангобардов на Италию, начавшееся в 568 году, положило конец недолгому господству греков в Италии. К концу VI века только прибрежная полоса Южной Италии, а также Сицилия, Сардиния, Корсика оставались византийскими.

Силы и военный гений греков того времени, направленные на воссоздание "полноформатной" Римской империи, были потрачены впустую. Так же, как когда-то силы и гений римлян Траяна.

Вскоре византийцы столкнулись с новой, давно невиданной по мощи экспансией – арабской. Империя была на краю гибели, но удар выдержала. Правда Северная Африка, включая Египет, а также большая часть азиатских земель, были потеряны навсегда.

Германский Запад в VI веке еще признавал моральную власть, политическое и экономическое превосходство Константинополя. Например, король готов Теодорих чеканил монету с изображением константинопольского императора. Но, после войн в Италии и Испании, в германском мире исчезли остатки морального авторитета и политического влияния византийцев.

Германцы увидели, что "обновленные" ромейские греки чужды им. Реформы Юстиниана, ложные "зимние" реформы, унифицировавшие право по мертвому римскому образцу, были чужды партикуляристскому праву самих греков, как и германцев.

"Горизонтальные" германцы не могли принять "вертикальные" римские законы. Византийцы, хоть их и приняли, но только как схему, как сложный механизм, как некое заморское лекарство, которое не лечит, а лишь подлечивает. Может быть, схематизированное римское право, ставшее в Византии правом "сверху", было принципиальной уступкой Востоку и восточному деспотизму, ценностям восточных народов и славян, управляемых греками или сдерживаемых на границах Империи?

Не только ромейские греки вступили в середине VI века в свою большую зиму. В большую зиму в это же время вступили и германцы. В начале VI века начинается нравственный и политический упадок всего германского мира, лишь только сто лет как господствующего в Европе. Но начало большой зимы, т.е. ее первая четверть – это эпоха "зимнего" расцвета. Это время последней германской племенной экспансии – лангобардской.

ЛОКАЛЬНЫЙ КРИЗИС ГЕРМАНСКОГО МИРА

Уже в первой половине VII века германский мир был в общем упадке и полном замешательстве:

"Происходило и падение нравов и, как будет видно, – вкуса. Пенитенциарии Раннего Средневековья – тарифы наказаний за всякий вид греха – могли бы составить своего рода преисподнюю в мире книг. Они свидетельствуют не только о выходе наружу древних пластов крестьянских суеверий, но и о разнузданности всех сексуальных извращений, безудержности насилия и порока, проявлявшихся в побоях, ранениях, обжорстве и пьянстве...

Изошренность наказаний долгое время вдохновляла средневековую иконографию. Католики-франки заставляли своих мучеников претерпеть такие муки, какими даже язычники-римляне не подвергали мучеников-христиан. "Обычно отрубают кисти рук и ступни ног, вырывают ноздри и глаза, уродуют лицо раскаленным железом, загоняют иглы под ногти рук и ног ... когда раны, по истечению гноя, начинают заживать, их снова бередят. Иногда приглашают врача, чтобы лечить несчастного и мучить более долгой пыткой". Епископ Отена св. Ледегарий попал в руки своего врага майордома Нейстрии Эброина в 677 г. Тот отрезал ему язык, изрезал щеки и губы, заставил ходить босым по острым, колючим, как гвозди, камням и, наконец, выколол глаза. Стоит вспомнить также смерть Брунгильды, которую мучили в течение трех дней и в конце привязали к хвосту норовистого коня, понесшего под ударами хлыста" (Ле Гофф).

Приведем еще одно свидетельство наступившей в VII веке всеобщей деморализации:

"Правление династии Хлодвига представляет собой удивительно однообразное чередование ужасов и злодейств, которыми отмечена вся эпоха; совершающиеся перед глазами наблюдателя чудовищные преступления невольно привлекают его внимание к отдельным деятелям этого круга. Кому не известно, например, соперничество в кровавых злодеяниях, которым прославились две страшные женщины, характеризующие эту эпоху: *Брунгильда*, дочь вестготского короля Атанагильда, супруга австралийского короля Сигеберта I, и *Фредегонда*, плебейка-любовница Хильперика I, короля Нейстрии? Последняя начала свои подвиги с того, что приказала удавить во время сна супругу Хильперика Галсвинту, сестру Брунгильды, за этим последовал нескончаемый ряд злодейств, которые 40 лет спустя закончились тем, что сын Фредегонды Хлотарь II, которому Брунгильда попала в руки, приказал привязать ее к хвосту дикого коня, и тот разметал ее насмерть. Соединение

грубейшей распущенности с самой утонченной жестокостью, при удовлетворении которой не уважаются ни божеские, ни человеческие законы, служит в этот страшный период отличительной чертой не только царствующего дома, но и всего народа, насколько о нем можно судить по его высшим классам. Слияние победителей с побежденными происходило здесь быстро, и так же быстро смешивались пороки римской испорченности с дикими проявлениями франкской грубости" (О. Егер).

IX. ГАЛЛО-ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ

ГАЛЛИЗАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ЕВРОПЫ

В это время возрождается галльская национальная община, она выходит не только из большой, но и из макрозимы. Это великое событие и сделало франкскую державу лидером среди германских королевств того времени. Если бы Галлию в V-VI веках захватили не франки, а, например, гунны, и даже если бы они сумели сохранить там власть в VI-VII веках, то это вряд ли существенно изменило ход её истории, только наверно сейчас Галлия называлась бы не Францией, а Гуннией (Венгрией?). Потому как история Галлии, начиная с конца VII века, определялась уже не здоровьем германской, а здоровьем галльской нации-общины. Практически весь VII век шло освобождение и пробуждение галлов, шли мощные сейсмические толчки:

"Хлотарь II, вновь соединивший все Франкское государство под своей властью, скончался в 628г. При его наследниках – сыне *Дагоберте I* (628-638) и *Хлодвиге II* (638-657) – единство государства поддерживалось с трудом; после смерти последнего пределы возобновились, и установилась естественная рознь между северными частями царства, где преобладала германская национальность, и южными, где перевес был на стороне романской национальности" (О. Егер).

В 550-650 произошло сплетение (системный синтез), но не слияние, франков и галлов, по крайней мере, в северной половине Галлии. Сложилась аллодиальная система, при которой франкские государи раздавали землю своим воинам в полное и наследственное владение, но владение частью земли обуславливалось обязательством аллодиста служить в королевском войске. Сложилась также бенефициарная система, при которой земли передавались лишь в пользование и могли быть изъяты государем за провинности в службе.

Конечно, система была более сложной. Значительная, гораздо большая, часть владений исходила не от короля, а от традиционного владения землей племенем, родом, семьей, среди которых выделялись богатые и могущественные семьи и семейные кланы. Эти семьи и кланы вступали между собой в сложные договорные отношения:

"Объединения на основе равенства и товарищества продолжали играть огромную роль на протяжении всего средневековья. Ремесленные цехи, объединения купцов, союзы подмастерьев, сельские и городские коммуны, монашеские и рыцарские ордена и иные братства и ассоциации воплощали в себе корпоративную сторону феодальной жизни, эмбрионы которой возникли еще в предшествующую эпоху. Перечисленные формы объединений в высшей степени различны, но существенно обратить внимание на одну общую (в той или иной степени) для них черту: в отличие от природных союзов родства, они складывались на основе волеизъявления вступавших в них лиц, испытывавших нужду в том, чтобы включиться в коллектив и найти в нем удовлетворение определенным социальным потребностям, которые не могли быть утолены в рамках родственной группы" (А. Я. Гуревич).

Складывающаяся государственность востребовала и одновременно опиралась на специализацию крупных социальных групп. Началось формирование сословий:

"Большая часть населения – свободные, и зависимые (колоны, литы, рабы) – занимались крестьянским трудом. Отдавать немалую часть своего времени для исполнения воинской службы и других общественных обязанностей свободному мелкому хозяину стало нелегко. Прежде, пока варвар входил в коллектив родственников, в большую семью, он мог совмещать воинские занятия с хозяйственной деятельностью: когда он уходил на войну, члены его обширной семьи (в состав домового общины могло входить несколько десятков человек, в том числе взрослых мужчин) продолжали вести хозяйство. С ослаблением родственных связей и с распадом больших семей подобное совмещение труда и воинских занятий делалось все менее возможным" (А. Я. Гуревич).

Феодальная система вырастала естественно, но не бесконфликтно:

"В отдельные периоды в некоторых странах Западной Европы наблюдается тенденция к усилению зависимости крестьян, к их прикреплению, т.е. всякого рода ограничению их

юридических возможностей и, в частности, их права покинуть землю и выйти из-под власти господина, – то, что называют "закрепощением". Тем не менее, как уже подчеркивалось выше, комплекс явлений, известных под названием "крепостничества", остался в целом чуждым Западной Европе не только в эпоху становления, но и в последующую эпоху расцвета феодализма; о крепостничестве в собственном смысле можно говорить лишь применительно к Восточной Европе конца средних веков" (А. Я. Гуревич).

Системы аллода и бенефиций складывались преимущественно по германскому, т.е. "горизонтальному" принципу, а, значит, путем договоров, соглашений между патроном и клиентом. Патрон постепенно превращался в сеньора, а клиент в вассала. Франкский государь был частью и вершиной этой системы, а не ее творцом.

Начавшееся в середине VII века во Франкском королевстве перераспределение в пользу галлов влияния и власти опиралось на активизированные галльские базовые ценностные принципы социализации, политического и правового строительства. Одним из "чисто галльских" институтов стал институт майордомов.

Власть короля уже с 687 года уступала власти его главного чиновника майордома Пипина. Сам институт майордома (от *major domus* – старший в доме) зародился около 600 года.

Майордом избирался из именитых вельмож и, возглавляя королевскую свиту, концентрировал в своих руках всю штабную власть и большую часть исполнительной власти. Его должность вскоре стала фактически наследственной, хотя он и назначался королем.

Уже Пипин обладал властью, которая превосходила власть короля. Он заставил короля Теодориха III назначить его майордомом Австразии, Нейстрии, Бургундии. В 719 году майордомом стал его сын Карл Мартелл.

В 732 году Карл Мартелл разгромил арабов, незадолго до этого покоривших Испанию. Это были арабы – победители готов и герцога Аквитанского, властителя Южной Галлии, которая была практически независимой от франкского государства.

Карл Мартелл объединил вокруг себя германские и германо-кельтские племена аламаннов, баваров, саксов и фризов. Правда, ненадолго. После победы начались раздоры между франками и саксами, фризами и герцогом Аквитанским.

В 739 году, в союзе с лангобардами, Карл нанес окончательное поражение арабам в Галлии и, соответственно, положил конец их планам покорения Европы. Затем он присмирил и своих союзников. Власть "управдома" оказалась сильнее власти короля и вождей германских племенных союзов. Галльский централистский принцип временно оказался сильнее германского горизонтального.

Столетие с середины VII до середины VIII века можно считать столетием роста силы и могущества Франкской державы и столетием ее ускоренной "галлизации":

"Итак, что было главным в двухвековом мерovingском эпизоде нашей истории? Быть может, тот медленный, молчаливый процесс, в результате которого галло-римское и франкское общество слились воедино? Смешение двух этих обществ происходит "при дворе, в графствах и епископствах, в деревнях...". Могилы на кладбищах уже ничем не отличаются друг от друга. Мало-помалу была достигнута та гомогенизация двух культур, двух народов, которая, бесспорно, способствовала общему прогрессу Галлии" (Ф. Бродель).

Сложилась система раннего феодализма. В VII-VIII веках сформировались основы "горизонтального" государственного права. Племенной мир преобразовался в чрезвычайно пеструю мозаику соседских общин, объединенных в корпоративные и патрониально-клиентские структуры, которые, в свою очередь, посредством общих собраний: тингов, судов, пиров, а на сословном и общегосударственном уровне – сеймов, соборов и рейхстагов, создали устойчивые политические образования.

В первой половине VII века вся система германского мира оказалась "по-зимнему" разбалансированной. Во второй половине VII – первой половине VIII века утвердились новые институты, имеющие галльское ценностно-целевое происхождение. Эти новые институты в галльской части германского мира уже не могли быть искоренены, хотя в IX-X веках были существенно ослаблены после нового (макролетнего) старта германской нации-общины.

ТРИ МИРА В ГЕРМАНСКОЙ ЕВРОПЕ

Конечно, сложнейшие процессы в германском мире не сводились лишь к процессам образования германо-галльского социального и политического союза во Франкском королевстве.

Существовало, как минимум, три меньших мира в мире общегерманском.

Первый – это германский мир, слабо затронутый "чужими" влияниями. К нему можно однозначно отнести Скандинавию, Саксонию, Данию, Англию.

Второй – это галло-германский мир Северной Галлии (Нейстрии), Галлии Южной (Аквитании) и германо-галльский мир северо-западной Нейстрии, а также Австразия, Бургундия, Аламания (Швабия) и Бавария. В этом мире шли интенсивные процессы переплетения галльских и германских начал.

Третий мир – это латино-германский мир в Италии и Испании, где из-за макрозимного характера латинских наций национально-общинное взаимодействие происходило вяло: сравнительно немногочисленные германцы оставались как бы сами по себе на верхних этажах общества, а "латиняне" – сами по себе и внизу. Это ослабляло сложившиеся там общества. Поэтому арабское вторжение в Испанию легко и быстро уничтожило "верхушечных" германцев-готов, а низовые "испанские латины" покорились новым завоевателям. Италия же стала яблоком раздора между византийцами, арабами, германцами и норманнами.

А. Я. Гуревич дает "трем мирам" отличающееся от этого объяснение, которое, впрочем, не противоречит, а дополняет предлагаемое здесь ценностно-общинное истолкование различий между ними:

"В тех странах Европы, которые в древности входили в Римскую империю и характеризовались развитыми рабовладельческими порядками и в которые переселилось относительно небольшое число варваров, в период раннего средневековья феодальное развитие идет медленно. В них не возникает устойчивых форм государства, сохраняются отношения земельной аренды, которые без известных натяжек трудно причислить к феодальным держаниям, долго не изживается рабство. Затяжной процесс феодализации наблюдается и в странах преимущественно германского пути развития, где римский элемент был слаб или влияние его ничтожно. Здесь длительно сохранялись порядки "военной демократии" и было устойчиво свободное крестьянство. Лишь там, где синтез позднеимперских и варварских порядков был более "уравновешенным", где оба элемента выступали "соразмерно", феодализм развивался быстрее и наиболее интенсивно и принял "классический" облик".

О слабости взаимодействия германцев-готов (первых германских завоевателей Италии), об относительной автономности римского населения и готской верхушки можно судить на основании следующего свидетельства:

"Готы заняли в Италии приблизительно такое же положение, какое некогда занимали спартиаты в древней Лаконии, – положение военной аристократии. На выделенных им участках они жили, руководствуясь народным правом, а коренное народонаселение жило по своим римским законам, которые Теодорих полностью признавал. Споры и тяжбы между готами и римлянами улаживал готский граф при помощи римского юриста, и общественные отношения, установившиеся между двумя народностями, прекрасно рисуются в поговорке того времени, которую приписывают Теодориху: "Знатный гот охотно принимает на себя роль римлянина, а бедный римлянин весьма охотно прикидывается готом". Но действительного слияния или хотя бы сближения этих элементов не было" (О. Егер).

В Испании во времена арабского господства, также, как и при готах, сохранялась автономия местного населения от его верхних слоев:

"Нельзя сказать, чтобы арабы в Испании, где они, главным образом, обращали на себя внимание франкской политики, уничтожили существовавшую там культуру и вообще выказали себя варварами: населению Пиренейского полуострова жилось под их властью лучше, чем под властью вестготов. Туземцы сохранили свою земельную собственность; араб не занимался земледелием, а получал пропитание отчасти натурой в виде дани от побежденных. Последние, сверх того, платили поголовную дань, как и теперь ее платят

христиане туркам в Турции. Эта дань была формальным, несколько унижительным, но не обременительным признанием господства правоверных над "неверными" (О. Егер).

Почему я называю весь этот мир германским?

Потому, что именно германцы в то время создали единый политический и правовой язык, основанный на германских принципах-ценностях. Возвышавшиеся галлы приняли этот язык, как и апатичные италийцы, ведь он не мешал их собственному развитию и функционированию их собственного права.

В процессе развития германская империя соглашений станет феодализмом, а народные собрания станут публичной основой Империи, как системы аристократических сеймов и рейхстагов, на которой и базировалась власть германских императоров.

Германская (как и греческая) способность договариваться и учитывать интересы даже совершенно чуждых народов стали единым языком Европы и остались им до конца феодализма.

Европа в течение тысячи лет была объединена в основном германским "правовым языком". Хотя уже ко временам Карла Мартелла этот мир не был собственно германским даже в узком политическом смысле. В VII веке он становится германо-галльским, а в XI германо-латино-галльским.

ЮЖНОГЕРМАНСКАЯ ВЗВЕСЬ

Южная Германия: Аламания (Швабия) и Бавария, еще со времен Цезаря была взвесью галлов и германцев. Сепарация произошла везде, но не на юге Германии. Там так и осталась взвесь, ставшая пороховой бочкой, источником гениев и идей на протяжении всей истории Раннего и Высокого Средневековья.

Если во Франкской державе произошло германо-франкское сплетение и возникли гетерогенные структуры, то в Южной Германии гетерогенными были не структуры, а сами ткани человеческих обществ, с переплетенными в них кельтскими и германскими нитями. Сама земля состояла здесь из мелких лоскутов кельтских и германских родовых и клановых владений (правда, это не факт, а только мое предположение, основанное на косвенных признаках).

В последующем это определило жестокость и непримиримость франко-германского противоборства за земли Эльзаса и Лотарингии, так как те и другие считали эту землю своей землей. Для одних это была родина кельтов в доисторические времена, для других эта земля была родиной Свевии-Аламании, с которой началась германская история и эпоха готической империи Штауфенов.

А в основе конфликта, безусловно, было то, что эти земли оставались не только исторической, но и живой родиной потомков галлов и германцев, включенных и по сей день в галльскую и германскую нации-общины.

Не случайно, наверное, в конце Раннего Средневековья в Лотарингии-Эльзасе возник один из основных духовных центров еврейства. Ведь евреи тянулись туда, где утвердилось устойчивое многообразие, где было больше свободы и национальной терпимости.

ЛЕТО

Ниже представлена схема германского макролета 757 – 1525. Макросезон разбит на четыре больших сезона – средних цикла. Средние циклы, в свою очередь, разбиты на четыре средних сезона – малых цикла:

757			БОЛЬШАЯ ВЕСНА					949
757	среднее лето	805	средняя осень	853	средняя зима	901	средняя весна	949
949			БОЛЬШОЕ ЛЕТО					1141
949	среднее лето	997	средняя осень	1045	средняя зима	1093	средняя весна	1141
1141			БОЛЬШАЯ ОСЕНЬ					1333
1141	среднее лето	1189	средняя осень	1237	средняя зима	1285	средняя весна	1333
1333			БОЛЬШАЯ ЗИМА					1525
1333	среднее лето	1381	средняя осень	1429	средняя зима	1477	средняя весна	1525

I. ИМПЕРИЯ КАРЛА

СОЗДАНИЕ ИМПЕРИИ

Галльские ценности единовластного сословного государства и равенства в Идее-Толпе получили своё первое раннесредневековое воплощение в институте майордомов, потом франкских королей, в личности и деятельности императора Карла.

Галлы объединили и вдохновили все еще полуспящих в большой зиме германцев. Совместно они дали отпор арабским завоевателям. В 800 году галлы совместно с германцами воссоздали некое подобие Западной Римской империи:

"Три первых Каролинга – Карл Мартелл, Пипин Короткий и Карл Великий – люди, безусловно, незаурядные и энергичные; они без колебаний отбирали назад свои земли – отныне земля даруется лишь в пожизненное владение (или, как будут говорить позднее, в качестве "бенефиция"), а не в наследственное. Графы, главные проводники королевской власти, находятся под контролем *missi dominici*: при случае их перемещают из одного графства в другое, чтобы они не стали расширять свои личные владения и не укоренились на одном месте. Без колебаний отбираются назад и дарованные им ранее "онеры". Более того, Каролинги изобретают определенную модель социальной иерархии: верные подданные и вассалы дают клятву верности непосредственно государю. Зависимость эта распространяется на все слои, вплоть до свободных граждан, которые в обязательном порядке и за собственный счет должны были нести службу в королевских войсках; люди богатые выставляли легкую кавалерию, очень богатые – 2-3 тысячи конников в тяжелых доспехах, причем кони были экипированы седлом и стремянами: эти новые приспособления "делают каролингскую армию самой грозной военной силой в Европе" (О. Егер).

Но нельзя согласиться с утверждением Ф.Броделя, что "Каролинги породили не только Европу: они породили феодализм, иначе говоря, разнообразие, разделение, раздробленность, щедрую множественность во всем".

Феодализм порожден германским правом, самой культурной средой, выросшей из германского партикуляризма:

"Пьер Рише в свое время обнаружил, что Каролингское возрождение было лишь итогом серии мелких возрождений, которые после 680 г. дали о себе знать в монастырях Корби, Сен-Мартен-де-Тур, Сен-Галлен, Фульда, Боббио, а также в Йорке, Павии и Риме" (Ле Гофф).

Завоевания Карла нарушили весьма хрупкий баланс между германцами и галлами. К Империи были присоединены "чисто" германские области: Фризия, Саксония, а также преимущественно германская Бавария.

ШАТКОСТЬ ИМПЕРСКОЙ ВЕРТИКАЛИ

Почему Карл обратился к римскому папе за императорской короной Римской империи? Почему гигант Карл обратился за помощью и авторитетом к карлику-папе? Ведь папа, хоть и обладал тогда заметной духовной властью в Европе, но больше по привычке считал Рим особым городом, чем по своему деятельному духовному авторитету. Римский дух в это время шел к наиболее кризисной эпохе – большой зиме зимнего макросезона, а папство – к эпохе полного нравственного вырождения.

Карл обратился к папе, чтобы поддержать галло-германский баланс включением в него арбитров-италийцев. Это вряд ли осознавалось самим Карлом, как цель, как четкая политическая задача. Но эта цель была "внушена" франкской элите галльской национальной общиной.

Карл не был идеалистом, который по непонятной прихоти играл бы с побрякушками давно умершей эпохи. Да и не было бы столь долгого продолжения "папско-франкской дружбы", если бы его политика была продиктована идеализмом властителя. Тем более, что сами папы в то время быстро мельчали.

Папа венчал Карла императорской короной Римской империи. На византийцев уже обращали мало внимания. Западно-европейский мир обрел собственный смысл, свою логику и свой священный центр, подобный Дельфам у древних греков.

Но Карл Великий зашел слишком далеко в своей попытке построить "галльское" сословное и иерархическое государство. Он опирался на уже оконтурившиеся основные сословия: аристократию, духовенство и крестьянство, но сословное государство было все же пока еще теоретической моделью.

Римская система профессиональных разрядов к VIII веку тоже не была реальностью. Точнее, она была малозначимой социальной и политической реальностью, выхолощенной в предшествующий исторический период. Обесцененной вместе с деградацией большинства социальных групп Римской империи: купцов, ремесленников, "деятели искусства", финансистов.

Многие из староимперских профессий стали "непрестижными". Их освоили евреи, за что потом поплатились.

Развивающейся реальностью оставались германские в своей основе экклесиальные институты: народные собрания, суды, сеймы, рейхстаги и системы договоров по схемам "патрон-клиент", "корпорация", "братство", "коммуна". Они, а не императорская вертикаль, папский балансирующий и незрелая сословность были реальной основой Империи, верхние этажи которой оказались шаткими, а нижние, будучи устойчивыми, "работали" не на "галлизированное" имперское политическое тело, а на германский в своей основе имперский правовой баланс. Германское правовое пространство, уже вскоре после смерти Карла, отторгло еще незрелые и компромиссные, а потому и неустойчивые произведения галльского духа: сословность и имперскую иерархию "сверху".

Имперское и сословное тело уже в середине IX века стало легким и эфемерным и как бы воспарило над почвой средневековой Европы, на которой в это время пошла в бурный рост институты рейхстагов, коммун и корпораций.

О рейхстагах:

"Древним действенным средством единения были съезды или рейхстаги (Reichstage), которые, хотя и не сложились еще в определенную форму, собирались дважды в год под председательством государя, которому они служили важным подспорьем в законодательной деятельности. Рейхстаги происходили осенью в виде меньших, предварительных собраний. На подобные собрания добровольно съезжались сначала светские сановники, а потом и духовные, архиепископы и епископы, которые пользовались здесь большим влиянием и значением как люди просвещенные, привычные к государственным делам и к их коллегиальному обсуждению. На них сходилась много всякого люда, который, однако, здесь только выражал свое сочувствие, когда ему в простой и разумной форме объявлялось о том или о другом решении короля или рейхстага" (О. Егер).

О коммунах:

"Как известно, в частности, из работ Р.Каджезе, П.Селлы, Ф.Шнайдера и Г.П.Боньетти, рождение городских коммун шло одновременно с рождением коммун сельских. Более того, в обоих случаях главную роль играла экономическая и моральная солидарность, существовавшая между группами "соседей". Эти "соседства" ("viciniae") были ядром общин феодальной эпохи. Явления и понятия, обозначающие соседство, имели фундаментальное значение, им противопоставлялись явления и понятия, связанные с "чужаками". Добро шло от соседей, зло – от чужаков...

Но если сельские и городские общины более угнетали, чем освобождали индивида, то надо отметить, что они были основаны на принципах, заставлявших трепетать весь феодальный мир. "Коммуна – это отвратительное слово", – записал Гиберт Ножанский. В этом городском движении, продолженном в деревнях созданием сельских коммун, революционный смысл имело то, что клятва, связывающая членов первоначальной городской коммуны, в отличие от вассального договора, соединявшего высшего с низшим, была клятвой равных. Феодальной вертикальной иерархии было противопоставлено горизонтальное общество" (Ле Гофф).

О корпорациях:

"Контролируя труд, они более или менее эффективно боролись с обманом, браком и подделками, регламентируя производство и сбыт, они устраняли конкуренцию, будучи, согласно Г. Миквичу, подобны протекционистским картелям. Но под видом "справедливой цены" ("justum pretium"), которая, как показал, анализируя схоластические трактаты, Дж. Болдуин, была не чем иным, как рыночной ценой (pretium in mercato), корпорации позволяли функционировать естественному механизму спроса и предложения. Протекционистская в локальном плане, корпоративная система была свободной в более широком контексте, в который вписывался город" (Ле Гофф).

III. ГАЛЛО-ГЕРМАНСКОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ

ПРИЧИНЫ РАЗМЕЖЕВАНИЯ

После Карла Великого правил его сын Людовик Благочестивый, а затем Империя была разделена на три части: восточную, среднюю и западную. Многие историки видят в этом некую роковую политическую ошибку, но ведь делили до этого ту же меровингскую державу, но она снова объединялась перед угрозой извне или под разумным управлением обновленной элиты.

Серьезного значения это разделение не имело. Для феодального мира не было критичным разделение королевства, поскольку, как уже говорилось, он строился не "сверху", а "сбоку". Лишь по мере "рекельтизации" Франции нарушение территориальной целостности страны стало реальной проблемой, но для одной только Франции, ставшей преимущественно национальным государством еще в XII веке.

"Фатальным" был не политический, а демографический расклад. Поэтому срединная Лотарингия, состоявшая из преимущественно галльских и преимущественно германских областей, оказалась неустойчивым образованием, которое вскоре было разделено между находящимися на востоке и западе от нее Восточно-Франкским и Западно-Франкским королевствами.

Разделение произошло в 843 году после череды войн внуков Карла между собой и со своим отцом. До конца века еще не раз делили и объединяли, пока германская и галльская части Западной и Средней Европы окончательно не оконтурились. После этого они начали последовательно обособляться одна от другой. Оба государства надолго впали в раздробленность, но германская раздробленность стала позитивным состоянием, в то время как галльская – болезненным.

Вторая половина IX века была богата и на внешние опасности. Арабы, славяне, норманны, венгры опустошали целые области и страны Западной, Средней и Южной Европы.

И все же, почему "так хорошо" складывающийся союз галлов и германцев сначала во Франкском государстве Меровингов (в VI-VII веках), а потом в государстве Карломанов в VIII-IX веках, прервался усобицами и раздлами, и закончился решительным обособлением германской и галльской частей?

Основная причина усматривается в несовместимости кодов национальных общин германцев и галлов, которые после 760 года оказались активизированы в рамках большого цикла не только у поздневесенних галлов, но и у ранневесенних германцев. Пребывание в одном государстве двух сильных и активных наций, претендующих на верховную власть, было чревато конфликтами на всех уровнях, но, прежде всего, в отношениях между германскими и галльскими территориальными образованиями. Римские папы сначала стабилизировали Империю, но потом их роль, как и мораль, резко упала.

Папы в первой половине IX века попытались подкрепить свой авторитет прямым подлогом, пустив в политический оборот "Лжеисидоровы декреталии". В них обосновывались особые права католической церкви и римского епископа.

Но, несмотря на полный раскол Франкской империи, живая ткань единой Европы не разорвалась. Она, напротив, стала прочнее. Сама раздробленность германской Европы оказалась устойчивым и позитивным состоянием, поскольку реализовывала продуктивное начало – одну из базовых германских ценностей государства-содружества, государства "сбоку", а не "сверху" или "снизу". Это воплощение партикуляризма германцев.

Предыдущий период галло-германского союзничества не был напрасным. Единая система феодально-договорных и корпоративных отношений, словно многолетняя травяная растительность, сцепила зыбкую политическую почву Западной и Средней Европы. Причем, сделала это гораздо лучше, чем толстые корни Империи или разветвленные корневища королевств.

Сейчас все вынуждены учить английский язык – нравится им это или не нравится. Тогда же все народы Западной Европы в дополнение к своему правовому языку вынуждены были применять язык германского "горизонтального права".

СРАВНЕНИЕ ВОСТОЧНОГО И ЗАПАДНОГО КОРОЛЕВСТВ

После окончательного разделения Империи Карла на Западно-Франкскую и Восточно-Франкскую части дела в них пошли по-разному. В пред-Германском королевстве феодальные отношения стали всеохватными и потому потребовали более четкого упорядочения.

В пред-Французском королевстве они вступили в противоречивое взаимодействие с абсолютистскими, пусть и местными, отношениями и были "отодвинуты" из сферы личных и общинных отношений преимущественно в сферу отношений, связанных с владением земель и недвижимостью:

"В Германии, где оказалось необходимым классифицировать рыцарей, сопровождавших короля в итальянских походах, попытались распределить дворян по категориям, которые называли щитами. Первую категорию составляет один король, вторую – духовные князья, вассалы короля, третью – светские князья, отнесенные в третий разряд потому, что они держат феодалов от духовных князей, четвертую – бароны и даже графы, если они вассалы светского князя, пятую – свободные рыцари, вассалы баронов, шестую и последнюю – динстманны. Каждый разряд строго ограничен, никто не может принадлежать одновременно к двум щитам. Дворянин, становясь вассалом равного себе, переходит в низший разряд; князь, став вассалом другого князя, переходит в ранг баронов.

Очевидно, в Германии оммаж более сохранил свое первоначальное значение. Во Франции дворянство не знало этой иерархии. Феодальная связь перестала здесь устанавливать превосходство сеньора над вассалом. В XI в. граф Анжуйский, победив графа Блуаского, отнял у него графство Турэнь и заставил своего пленника отдать его себе в лен, вследствие чего сделался его вассалом. Во Франции каждый мог быть сразу и сеньором, и вассалом. Феодальная связь объединяла лишь земли" (Э. Лависс, А. Рамбо).

X век для Восточно-Франкского государства – время деятельное и в целом счастливое. Пред-Германское государство было динамичным и сильным.

В середине X века король Оттон I воссоздал Римскую империю, в которой уже не было Галлии, но была Италия. В Империю постепенно "втягивались" и многие страны Восточной Европы.

Власть императора оставалась выборной, хотя обычно династии "удерживались" в течение примерно ста лет. Духовные и светские князья имели большую самостоятельность, но были включены в организованную жизнь единой страны и Империи. Их воля чаще проявлялась в "правильных формах", не столько в междоусобицах, сколько на сеймах, соборах и рейхстагах. Аристократическая упорядоченность предгерманского общества стала основой его силы:

"Внутренний распорядок был явно аристократическим. Во главе общества стоял король со своим двором, и ему, по крайней мере на словах, воздавались всяческие почести. Но серьезным недостатком было то, что королевская власть не привязывалась ни к какому постоянному месту. Она не нашла себе определенной резиденции, так что в Германии не было настоящего центра, главного, стольного города. Старания королей Салического дома установить такую столицу были безуспешны. После короля важнейшими по положению были *духовные сановники*: 6 архиепископов (Майнцкий, Кёльнский, Трирский, Магдебургский, Бременский, Зальцбургский) и 43 епископа филиальных епархий, существовавших в то время в Германии. Они составляли духовную аристократию, которой было выгодно окончание спора об инвеститурах, поскольку оно делало теперь высшее духовенство более зависимым от папы, нежели от короля, что на первых порах было менее обременительно. Третью ступень занимала *светская знать*, титулованные князья, мирская аристократия: герцоги, маркграфы, пфальцграфы, ландграфы, бургграфы, владельцы обширных поместий и лица, занимавшие высшие административные должности, которые понемногу стали превращаться, за редким исключением, из сменяемых в пожизненные и даже наследственные или почти наследственные" (О. Егер).

X век для пред-Французского государства – это время, когда герцоги Бургундский, Аквитанский, Шампаньский, Бретонский, Гасконский и некоторые другие стали полновластными суверенами в своих ленах, а герцоги Нижней и Верхней Бургундии даже были провозглашены королями.

В 911 году западно-франкский король пригласил норманнов обосноваться на севере своего королевства. Вскоре там образовалось могущественное герцогство Нормандское.

Власть удельных князей в то время была практически полной, а власть короля Западно-Франкского королевства – почти номинальной. Поэтому раздробленность галльского типа стала обратной стороной самовластия западно-франкских удельных князей. Раздробленность же германского типа оказалась живой тканью договорных отношений и "экклесий", органичным проявлением базовых германских ценностей.

В 987 году, после избрания Гуго Капета королем Западно-Франкского королевства, началось неуклонное и неумолимое усиление королевской власти. Личные владения французского короля стали медленно, но верно, прирастать новыми землями. Началась ускоряющееся ценностная галлизация Западно-Франкского королевства. Началась история Франции, постепенно вытесняющей ("выдавливающей по капле") из себя германский элемент.

V. НАЧАЛО ИТАЛЬЯНСКОГО РОМАНА

В X веке произошло сближение пред-Германии с пред-Италией. В первой половине X века италийцы страдали от нашествий венгров, арабов, а бургундские короли в Риме венчались императорской короной. На Аппенинах воцарилось "сатанинское господство". Моральное разложение было повсеместным и полным:

"Так, Средняя Италия почти 30 лет находилась под владычеством *арабов*, которые устроили себе укрепленный пункт на Гарильяно, грабили и притесняли население и кораблями отправляли свою добычу в Сицилию или в Африку. Только в 916г. благодаря энергии папы *Иоанна X* они были несколько обузданы...

Но нельзя упустить из виду и того в высшей степени дурного влияния, которое оказывала ненадежность всех условий жизни на нравственное состояние общества. Все торопились жить, и мелкое честолюбие спешило достигнуть своих целей, не разбирая средств: на чьей стороне была сила, тот и пользовался ею как тиран. И если даже в германских странах в это время полностью отсутствовало понятие о чести и верности долгу, то в Италии вероломство, двоедушие и двуличие вошли в закон общественной жизни того времени. Понятно, что подобное настроение умов, подобное воззрение на жизнь должно было отозваться и на общественных, и на семейных нравах, в которых отсутствовала стыдливость – в первой половине X в., более чем когда-либо, разврат в Италии достиг крайних пределов, а безнравственные женщины пользовались большим спросом.

От церкви в это время нельзя было ждать спасения, хотя в ее среде не было недостатка в строгих и серьезных людях, с ужасом смотревших на "сатанинское господство", так очевидно охватившее общество Италии. Епископы, достигнувшие при этом общем разладе большого могущества, нравами не отличались от мирской знати. Не блистали нравственностью и монастыри, оказывавшие слабый отпор общей испорченности, – отравленным оказался источник, из которого черпались и указания, и назидания в вопросах веры и совести. Папский престол превратился в орудие испорченности различных знатных фамилий и партий, и в течение полувека (904-955) две знатные женщины – Феодора и ее дочь Мароция, пользуясь и тайными убийствами, и предательствами, возводили на папский престол своих любовников, сыновей, фаворитов. Один из сыновей Мароции в 932г. был провозглашен папой под именем Иоанна XI, после того, как папа *Иоанн X* был злодейски убит в темнице. И в то же время юг Италии находился во власти *византийских императоров*, которые, если бы только в их руках оставалась хоть тень прежнего могущества, в данное время легко могли бы подчинить своему господству всю Италию" (О. Егер).

Поэтому в 951 году Оттон I, при котором Восточно-Франкское королевство обрело единство и силу, предпринял поход в Италию, имея целью, прежде всего, получить императорский титул. Он предложил себя в качестве защитника Италии от арабов и венгров.

Правда, первый поход не удался. Папа отказался возложить императорскую корону на голову Оттона.

Второй поход Оттона I в Италию, после междоусобицы и жестокой войны с венграми, состоялся только в 962 году. В этом же году в церкви святого Петра Оттон был венчан императорской короной. Вскоре Оттон установил новый порядок избрания папы, при котором требовалось согласие германского императора.

Особые надежды в 963-973 Оттон возлагал на сближение с Византией. С целью создания антиарабского союза с греками он настойчиво добивался и добился бракосочетания своего сына, будущего императора Оттона II, с греческой принцессой Феофанией. Византийская политика Оттона была и частью его итальянской политики, ведь греки еще удерживали значительные территории на юге Италии.

Новому императору Оттону II пришлось выдержать период междоусобицы и войн на востоке, севере и западе. В 974 году (кстати, по "лотарингскому вопросу") впервые столкнулись Западно-Франкский и Восточно-Франкский короли. В 980 году германский император совершил поход в Италию.

К тому времени арабы завладели всей Южной Италией и были близки к захвату самого Рима. Оттон, предпринявший итальянский поход, был разбит арабами и чудом спасся от плена.

Сарацинская опасность объединила всю Германию, но силы объединенной Германии пришлось использовать на борьбу с датчанами и славянами, разорившими Северную Германию. Наступление славян было одухотворено некоей живой языческой идеей. Они целенаправленно уничтожали и оскверняли храмы, убивали и уводили в плен священников. В 983 году Оттон II умер.

В 995 году после периода регенств, сначала жены Оттона II Феофании, а потом его матери Адельхейды, бразды правления принял его сын Оттон III. Ему было всего 15 лет, он был прекрасно образован, но правление стало лишь продолжением его детских игр.

В 996 году он совершил свой первый поход в Италию. Поход оказался успешным. В Италии Оттона приняли "как родного". В итальянском воздухе уже запахло весной. Начиналось возрождение Италии после огромного выморочного периода, начатого еще большой римской зимой 85-277 и продолженного макрозимой 277-1045. Начиналась "священная" четвертая четверть большой зимы в преддверии весеннего макросезона 1045 – 1813.

Молодой Оттон III, рожденный германцем и гречанкой, как никто другой уловил эти весенние запахи. Но, предчувствуя будущее, он не видел окружающей его действительности:

"Во время второго пребывания в Италии Оттон ревностно предавался истязаниям плоти в духе св. Адальберта и его многочисленных итальянских последователей. С таким религиозным упражнением он соединял и фантастические политические планы. Так, например, он говорил о восстановлении "Римской республики" и в качестве римского императора оставался на Авентинском холме в Риме. В то же время он окружил себя чисто византийским церемониалом, наряжался в вычурные одежды, носил мантию, расшитую апокалиптическими изображениями и знаками Зодиака, учредил управление Римом на новый лад и всем дал новые титулы, а себе присвоил наименование "царя царей". Появились вестиарии и протовестиарии, логофеты и архилогофеты; епископ Хильдесхаймский Бернвард был возвеличен византийским титулом "примискриния". Император и папа, очевидно, вынашивали идею о возведении Рима в значение мировой столицы и способны были в этом направлении действовать совместно: кажется, что у этих людей, высоко возмечтавших о себе, появлялась уже мысль об освобождении Гроба Господня из-под власти неверных" (О. Егер).

Расплата наступила быстро. От Оттона отвернулись как светские, так и духовные германские князья. Рим и Ломбардия восстали, и папа Сильвестр II, тоже молодой человек и ставленник Оттона III, потерял авторитет, видимо, по тем же причинам, что и сам Оттон – за игру в идеи и отсутствие реализма.

VI. НАЧАЛО ГОТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

Сильвестр II стал прототипом Фауста – символической фигурой германского духа. Именно в Фаусте соединились образы Одиссея и Мефистофеля: возвышенного мечтателя и потаенного жизнелюбца, отдавшего жизнь идее, но продавшего душу за возможность пожить ещё и "по-человечески". Правда, фаустовский дух воплотился только в XVI веке, став всего лишь наследником готики, ее заумным и закомплексованным наследником.

Но его душа – это зерно готической культуры. Это зерно проросло вскоре во всех странах Западной – Средней Европы, а также в Польше, Чехии и Венгрии. Это одна из вершин германского духа, духовно и политически объединившего Европу. В этом мироощущении – оправдание ценности земной жизни перед жизнью вечной и ощущение опасностей поиска равновесия между вечной жизнью и земной.

Готический человек или, что то же самое, но только в отношении "осенней" Германии, фаустовский человек, сделал свой выбор: земная жизнь дана для того, чтобы жить – творить, искать, пробовать и просто жить. Она дана для того, чтобы искать ответ на вопрос: чем является земная жизнь с точки зрения небесной.

Что выше – жить или искать? Это решает каждый человек и решает его эпоха. В этом и свобода. Свобода личности – в трудном, и зачастую трагичном, выборе между истиной Неба и теплом земли.

Свобода готического общества – в тяжелом выборе ответа на вопрос: что важнее для Бога, греховная многообразная, но цветущая и развивающаяся жизнь или умерщвление плоти и дисциплина духа, монастырский устав и обезличка:

"Уменьшение значения символов, отступление их перед воспринимаемой чувствами реальностью – все это свидетельствует о глубоком изменении в системе восприятия. Обретший уверенность человек созерцал мир, как Бог после шести дней творения, и находил его прекрасным и добрым. Готическое искусство – это доверие" (Ле Гофф).

Готика – это признание равноправия, признание равного жизненного права той и другой жизни. Готический синтез – это и связь, и взаимоограничение той и другой сфер жизни:

"Замкнутый на земле, закрытый на этом свете христианский мир широко раскрывался вверх, в сторону неба. Материально и духовно не существовало непроницаемых перегородок между земным и небесным мирами. Разумеется, приходилось преодолевать множество ступеней, переходить через пропасти, делать скачки. Но космография или мистическая аскеза равным образом провозглашали, что долгая дорога, великий путь паломничества души, "интинерарий" (если воспользоваться термином св. Бонавентуры) приводит шаг за шагом к Богу" (Ле Гофф).

Гедонизм и эпикурейство последних веков античности также ведут к смерти, как и аскеза, и умерщвление плоти. Они самоуничтожают культуру, растворяют ее в скотстве. А смиренная рубашка и вечные очи горе лишают дух живых соков природы. Эти сферы, соприкасаясь, высекают творческую искру. Но часто производят взрыв и разрушение. Как раз в этой опасной зоне и находится готическая свобода:

"Дело в том, что дьявол охотился за человеческими душами и склонял их к ереси, разврату и колдовству. Война с ним велась на земле огнем и мечом, причем велась она против людей, которые поддавались его соблазну. Велико желание забыть то, что происходило в эти столетия, но без этой ужасной действительности от всей готики остается только романтизм. Вместе с пламенными гимнами, обращенными к Марии, к небесам возносился дым бесчисленных костров. Рядом с соборами возвышались виселицы. Каждый жил в то время, сознавая страшную опасность, причем со стороны не палача, а ада. Бессчетные тысячи ведьм были уверены в том, что они ведьмы. Они сами сознавались в этом, чтобы вымолить себе отпущение грехов, из святой любви к истине исповедовались в своих ночных полетах на метле и сношениях с дьяволом. Инквизиторы со слезами, из сочувствия к падшим, приговаривали их к пыткам, чтобы спасти их души. В этом заключается готический миф, ставший источником крестовых походов, церковных соборов,

искренней живописи и мистики. В его тени зарождалось то готическое понятие счастья, глубину которого мы сегодня не в состоянии представить себе...

Из подобных воззрений родилось мощное сознание вины и отчаяния, лежащее на всех этих столетиях. Храмы со все более жалобным обликом смотрели в небеса, готические своды все больше напоминали сложенные в молитве ладони, через узкие высокие окна под мрачные церковные своды едва пробивался свет утешения. Захватывающая дух полифония (Parallelfolgen) церковных песнопений и латинские гимны вызывают ассоциации со стертymi в кровь коленями и бичеванием грешников в ночных кельях" (О. Шпенглер).

Готическая свобода оказалась близка и к галльской свободе в общностном (идейном) между общинным и личным, и к германской свободе стремления вдаль и ввысь, свободе души, вечно ищущей "другой берег", и к итальянской свободе лабиринтов и иерархий, в которых малая община теряет безусловную власть над человеческой волей.

Готика по-германски – это германская Римская империя XI-XIII веков. Готика по-французски – это крестовые походы и архитектура готических храмов и городов. Готика по-итальянски – это Дантов Ад, это гвельфы и гибеллины, Милан, Неаполь, Флоренция и Венеция, папы и католические ордена.

Несчастный юноша Оттон III, одурманенный запахами весны, умер, а германская история продолжалась.

В 1002-1024 Германией правил Генрих II, который, отбиваясь от славян на востоке и как бы походя присоединив к Империи Бургундию, все же основной вектор своей политики направил, как и его предшественники, на Италию и Рим. При нем папы были "послушными", но в самой Германии зрела и усиливалась политическая и экономическая власть Церкви и духовных князей.

Именно в период его правления были созданы основы церковно-светского дуализма Германии, роковым образом ослабившего ее в последующие века.

Универсализм Римской католической церкви был чужд партикуляризму феодального порядка. Германская Империя в первое столетие своего существования (950-1050) не только укреплялась, но и перерождалась в римско-германскую, основанную на двух непримиримых, как оказалось, началах.

В этом была готическая красота и жертвенность германского духа, но в этом и начало его болезни. Жертвенность была облагораживающим началом. Но жертвенность привела к жертве. Жертвенным агнцем стала не только династия Штауфенов, но и сама Империя, уже в конце XIII века ставшая лишь тенью своего прошлого.

Правления Конрада II (1024-1030), Генриха III (1039-1056) были деятельны и наполнены не только борьбой с внутренними и внешними врагами. Началась церковная реформа. Разворачивалась драматическая борьба императора и папы. Империя и Церковь росли и укреплялись.

Папами в то время чаще становились немцы. Это была средняя осень германского большого лета (997-1045) и начало "летней зимы".

После неожиданной и несвоевременной смерти Генриха III верхние этажи германского общества и государства выморозили и выстудили "зимние" ветры третьей четверти среднего цикла.

Будущий король и император Генрих IV (1056-1106) был еще шестилетним ребенком. Его малолетство спровоцировало духовных князей на захват власти в Германии. Германские церковники подумывали и об учреждении Северного патриархата.

VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭНЕЯ

РЕФОРМА ГИЛЬДЕБРАНДА

В это же время в папской курии чрезвычайно усилилось влияние гениального реформатора и решительного политика Гильдебранда – сына тосканского крестьянина. Гильдебранд сделал головокружительную карьеру на идейной основе клонийского движения. В истории он остался как великий папа-реформатор Григорий VII, который в 1077 году смирил гордыню самого императора Генриха IV (Каносса).

В его лице римский дух впервые заявил не только о своем возрождении как великой европейской силы, но и о своих притязаниях на мировое господство.

Перипетии борьбы, в которой основными действующими лицами были германский император и римские папы, хотя участников было много, поистине захватывающи. Это история возвышений и падений. Сам Григорий VII был отвергнут римлянами как виновник варварского разграбления Рима норманнами. После этого он заболел и умер.

В этой борьбе, одухотворенной идеей возрождающейся Римско-католической церкви, деятельного христианства, практическими идеями Божьего мира и перемирия, пришедшими из галльской жизнерадостной и праздничной Аквитании, а также идеями строгости, безбрачия и чистоты не только монашеской жизни, но и жизни всего духовенства, к концу XI века выковалась и выкристаллизовалась экспансивная идея крестовых походов – идея войны за Гроб Господень в Святой земле. В конечном итоге этот великий замысел провалился:

"Но церковь все же сумела найти ответ на чаяния людей, и ей удалось кристаллизовать вокруг идеи крестового похода подспудные желания и глухие тревоги Запада. Долгое время чувства и помыслы западных людей были обращены к Иерусалиму небесному. Церковь же показала христианам, что его можно обрести через Иерусалим земной, и утолила жажду странствий, владевшую теми христианами, которых реальности этого мира не могли привязать к земле, предложив им паломничество, крестовый поход, обещавший удовлетворить все желания – приключений, богатства и вечного спасения. Крест был еще на Западе не символом страдания, а символом торжества. Накалявая его на грудь крестоносцев, церковь придавала ему его истинное значение и восстанавливала ту функцию, которую он выполнял при Константине и первых христианах" (Ле Гофф).

Раннеосенний расцвет галльской нации-общины, позднелетний расцвет германской нации-общины и ранневесенний расцвет итальянской нации-общины создали избыток сил и породили у трех европейских наций стремление к экспансии.

Чувство христианского единения стало действенным состоянием души и духа европейцев. Начался готический синтез. Началось становление общеевропейской идеологии крестовых походов.

Молодая готическая культура, развиваясь, увидела земным пределом своим границы известного мира, который был разделен ею на два – свой христианский и враждебный исламский. Исламскую "ересь" надлежало исправить, а территорию ее господства – поглотить.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Идея войны за Гроб Господень как нельзя лучше объединяла галлов. Большая галльская осень – это параноидальный сезон, в котором идеи уже не изменяются и, будучи законченными (завершенными) духовными формами, они господствуют, а в третьей четверти большой осени откровенно тиранствуют над обществом.

Немцы приняли сравнительно небольшое участие в крестовых походах, особенно в первых. Они были заняты строительством своей Империи, борьбой со славянами на востоке и итальянскими делами как таковыми. Их в целом устраивал "домашний" мир, пронизываемый отношениями германского права не только Германию, но и Францию, Италию, Скандинавию, Англию, некоторые восточноевропейские страны.

Итальянцы этих веков (XI-XIII), зажатые между Германией на севере и норманнами на юге, приобрели огромную духовную власть в Европе. Здесь, в конфликте и дополнении к

германскому феодализму и "боковому" праву, вновь утвердилось римское универсалистское и "низовое" церковное католическое право.

Развитие двух правовых начал в течение пятисот лет станет с тех пор основным лейтмотивом развития в германо-итальянском мире, все более запутываясь и стягиваясь в потенциал германо-итальянского конфликта, в гордиев узел церковно-светских отношений, пока Лютер не разрубил этот узел Реформацией: "Демократическая натура Лютера-реформатора, может быть, ни в чем не выразилась так недвусмысленно, как в брезгливой ненависти к "римским юристам". В сочинениях двадцатых годов он ставил их на одну доску с "кровососами-ростовщиками", именовал "канцелярскими убийцами", "обезьянами" и "потаскухами" (Э. Соловьев).

Чрезвычайно могущественными стали институты Римско-католической церкви, прежде всего папство и католические ордена.

Вместе с возвышением римского права, наконец, в полный рост встало право божественное. Небо потребовало от земли подчинения. Итальянцы, снова воздвигавшие вавилонскую башню своей Империи, потребовали подчинения от растекавшихся по земле германцев:

"Некоторые историки обвиняли Григория VII и его преемников в том, что они будто бы желали присвоить святому престолу верховную власть над епископами, но это мнение не подтверждается ни одним документом той эпохи. Напротив, оно противоречит тексту и духу канонического права. Точно также папы не были, как думают некоторые, систематическими противниками архиепископов. В 1135г. Иннокентий II писал архиепископу Компостеллы, что "св. престол стремится вовсе не к тому, чтобы отнять у других церквей их прерогативы, а к тому, чтобы отстоять свои собственные". Теоретически это было совершенно верно. Папа ни в каком отношении не умалил власти архиепископов; он только занял место рядом с ними. Только папство черпало в своем происхождении силу для расширения своей власти и авторитет, какими не могли обладать архиепископы: власть архиепископа – из права церковного; первая основывалась на Евангелии, вторая – на простых канонах. Вот где следует искать тайну различия их судеб" (Э. Лависс, А. Рамбо).

Отношение итальянцев к крестовым походам было далеко не таким восторженным и жертвенным, как у галлов, но одновременно и не столь вынужденным, как у германцев. Оно было практичным и стало частью их борьбы за власть над Европой:

"Согласно пословице, повторяемой по ту сторону Альп "итальянец часто говорит глупости, но никогда не делает их": у француза, напротив того, мысль нераздельна со словом, а слово – с действием; лишь только ему пришла в голову глупость, он торопится привести ее в исполнение" (А. Фуллье).

Если французами двигали идеи и страсти, то итальянцы сами двигали идеями. Рим укреплял свою власть в борьбе с германскими императорами, а итальянские города, к тому же, еще и откровенно наживались на крестовых походах.

Противоречия между галльским "параноизмом", германским "равнодушием" и итальянским "цинизмом" погубили не только самую идею крестовых походов, но и бестолково растратили значительную часть того избытка сил и идеализма, которые возникли в Европе в XI веке и продолжали генерироваться в последующем синергетикой готического синтеза.

Крестовые походы были похожи на месть римской нации-общины "предательской" галльской и "враждебно-варварской" германской.

В XI веке не только итальянцы боролись за "итализацию", но и галлы сражались за "галлизацию" Европы. Их успех – это не только общеевропейский успех аквитанских идей Божьего мира-перемирия и войны за Гроб Господень. Им удавались и вполне практичные "мероприятия": "офранцузивание" норманнов в Нормандии с последующим завоеванием нормандцами Англии, успешной была и борьба за воссоединение севера и юга Галлии, т.е. тех ее частей, когда-то названных Нейстрией и Аквитанией.

НОРМАНДСКАЯ АНГЛИЯ

Нормандцы быстро утвердили галло-норманнскую власть на Британском острове. Они создали там первую национальную "правильную" монархию, в которой феодалы не имели

идущей "от земли" и договора власти. Власть там была организована по-французски, то есть сверху. И таковой осталась.

Возможно, быстрому утверждению нормандцев в Британии помогли кельты, оттесненные ранее на запад и север. Этот вывод, правда, следует отнести к "чистому предположению", просто он логически вытекает из общей картины и логики борьбы наций-общин.

В Англии германский договорной дух был вытеснен в низовую сферу – в сферу экономических отношений. Экономическое право постепенно получило здесь особое развитие, приведя уже в XVI веке не только к английской реформации, но и к развитию предпринимательства. Началось создание уже своей, английской редакции германского права, где место политического договора занял договор экономический, где место "горизонтальной" феодальной империи заняла "империя" торговых и капиталистических "горизонталей".

Насколько значимой оказалась английская ревизия германского права, можно судить по следующему свидетельству:

"Не сознавая ясно того, сколь одержимы были люди Средневековья жаждой спасения и страхом перед адом, совершенно невозможно понять их ментальности, а без этого неразрешимой загадкой останется поразительная нехватка у них жажды жизни, энергии и стремления к богатству, что вызывало чрезвычайную мобильность состояний, ибо даже наиболее алчные до земных благ в конце концов, хотя бы на смертном одре, выражали презрение к миру, а такой умственный настрой, мешавший накоплению богатства, отнюдь не приближал средневековых людей в психологическом и материальном отношении к капитализму" (Ле Гофф).

Англичане остались германцами в том же смысле, в котором сами германцы остались греками. Их базовые ценности воплощают германские архетипы, но приобрели свои принципиальные особенности.

Трансцендентный германский Одиссей стал здесь Одиссеем позитивистским. Позже североамериканцы еще более усилят позитивность английского Одиссея, освободив его от некоторых "ненужных" обертонов традиций и столь же "ненужных" подробностей исторической памяти, обратив сознание только на будущее. Но известно, что "молодо – зелено".

VIII. ВОЗВЫШЕНИЕ ШТАУФЕНОВ

ФРИДРИХ БАРБАРОССА

После смерти Генриха IV правил его сын Генрих V (1106-1125), затем Лотарь Саксонский (1125-1137), затем Конрад III (1137-1152) – первый Штауфен – король и император.

Первая половина XII века – время четвертой четверти большого лета или средней весны большого лета. В это время обычно начинается самый благоприятный в истории большого цикла период. Начинается 150-летний расцвет могущества нации в более-менее гармоничном развитии всех проявлений ее жизни.

В первой половине XII века Римская империя германцев включала, кроме германских областей, галльское королевство Арелат, графство Прованское, Бургундию; на востоке Чехию, Моравию; на юге Ломбардию, Тоскану, Венецию, Сардинию, Корсику и папские владения. Власть императора опиралась на власть светских и духовных князей.

Между императорской и папской властью сложилось что-то вроде динамического равновесия. Стороны время от времени конфликтовали и постоянно интриговали друг против друга.

В 1152 году германским королем был избран Фридрих Барбаросса (Фридрих I). Основным для него, как и для всех его предшественников, начиная с середины X века, стал "итальянский вопрос":

"Еще молодому (ему было около 30 лет), умному, честолюбивому Фридриху Барбароссе суждено было в течение 38 лет волновать мир и господствовать над ним. Он воплотил в себе все типичные черты средневекового германского императора и неутомимо стремился к осуществлению всех планов и надежд, которые его современники связывали с этим званием. Доблестный рыцарь и выдающийся государственный человек, он, правда, не во всех предприятиях имел успех, но его царствование покрыто необыкновенным блеском, усилению которого как будто способствовали все обстоятельства. Германия XII в. пробуждается к новой жизни, города процветают, народная поэзия нарождается и быстро развивается; если это не есть дело собственно Фридриха, то он способствовал этому расцвету своей настойчивостью в устроении порядка и рыцарским блеском своего двора.

Фридрих Барбаросса преследовал одновременно двоякого рода политику: королевскую и имперскую. Как король Германии, он хотел установить в ней большее единство управления, ослабить крупных феодалов и в то же время положить конец насилиям мелких сеньоров. Как император, он руководствовался традициями; он считал себя наследником Константина, Юстиниана, Оттона, Карла Великого. Тотчас после своего избрания он писал папе, что его цель – "восстановить величие Римской империи в ее прежней силе и блеске", и летописец Радевик говорит по этому поводу: "Во все время своего царствования он ни о чем так не заботился, как о восстановлении прежнего значения Римской империи" (Э. Лависс, А. Рамбо).

В Италии начиналась конфликтная третья четверть большой весны ("зима весны"). В Риме в 1143 году совершается республиканская революция. Среди римского народа огромное влияние приобрели идеи Арнольда Брешианского, одного из учеников Пьера Абеляра.

Абеляр попытался подвергнуть веру последовательному рационалистическому анализу. Арнольд, следуя логике учителя, пришел к своим выводам, доведя до логического завершения социальную доктрину клюнийцев. Он убеждал, что духовным лицам следует с равнодушием относиться ко всему мирскому, в том числе и ко всякой собственности и "регалиям". Видимо, он нашел нужные слова и идеи его были актуальны, раз римляне сделали его своим знаменем и вождем.

В 1154 году Фридрих I, только что коронованный в Риме императорской короной, разгромил новую Римскую республику и казнил Арнольда Брешианского. Его прах был развеян над Тибром.

Отношения императора с папой не заладились сразу. Высокомерный Штауфен не пожелал, согласно традиции, взять под узду папского коня, чем оскорбил престарелого "наместника Христова".

В Северной Италии возгоралось сопротивление против германцев. Объективно центром антигерманской борьбы стал Милан. Но прежде всего это была внутренняя борьба итальянских городов между собой, ведь каждый из великих городов мнил себя Римом. Началась общеитальянская "низовая притирка", в которой немцы стали тем самым "третьим лишним". Они вызвали против себя законную ненависть итальянцев, помешав им объединиться по-итальянски, "снизу".

Фридрих I издал Ронкальские декреты, в которых попытался обосновать претензии германских-римских императоров на верховную власть в Италии. Основная мысль этого документа: народ передал законодательную власть императору, тот же распределяет ее вниз, либо на основе предоставленных ему подтверждающих актов, либо, при их отсутствии, "по справедливости".

Казалось бы, универсалистский принцип, содержащийся в Ронкальских декретах, соответствует итальянскому духу. Но проведение Декретов в жизнь вызвало яростное сопротивление миланцев, их союзников и самого папы. Было ли это только борьбой за власть?

Нет, это была нестыковка правовых систем: ронкальский универсализм оказался прямой противоположностью естественно римскому, так как в римском власти императорская должна вырастать из власти общин, а Барбаросса просто присвоил себе верховенство в Италии на правах сильного. Ведь римский (итальянский тоже) универсализм вырастает на родной почве, а не спускается сверху. В основе итальянской политической системы, как и древнеримской, та самая комициальность.

КОМИЦИАЛЬНОСТЬ ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Что такое комициальность по-итальянски?

Это способность нации-общины строить политическую структуру на основе сравнительно небольших, регулярных и частых собраний, члены которых вступают друг с другом в экономические, социальные, религиозные и иные тесные отношения также и в повседневной жизни. Комиции низшего уровня делегируют из своего состава авторитетных людей в комицию более высокого уровня, а там все повторяется вплоть до вершины общественной и государственной пирамиды:

"В итальянском городе, – справедливо говорит Гебгарт, – свобода и равенство господствуют только с виду. Община наблюдает за индивидуумом и стесняет его деятельность. Гражданин так же строго прикреплен к своему городу, как колон – к своему участку... Он заключен в одну из групп, совокупность которых составляет коммуну; он всю жизнь принадлежит определенному классу, цеху, корпорации, приходу или кварталу. Его консулы и советники не только отмеривают ему его часть политической свободы, но и регулируют путем декретов акты его частной жизни, определяя как число фиговых и миндальных деревьев, которые он имеет право посадить на своем поле, так и количество священников и восковых свечей, которые будут сопровождать его гроб" (Э. Лависс, А. Рамбо).

Римляне-итальянцы свою систему власти строят все-таки снизу, именно строят, притирают ее кирпичи, совершенствуют пирамиду. Итальянская система власти не возникает под влиянием идеи или как воплощение воли императора. На этих основах были построены римские Республика и Империя. Это был основной итальянский социализирующий принцип, основа.

Германец Фридрих I этого не понимал. Своей итальянской политикой он добился того, что значительная часть внутриитальянской ненависти и борьбы, разгоравшейся на их собственной почве, обратилась против него и его власти. Его Ронкальские декреты, хорошо обоснованные Болонской юридической школой, были решительно отвергнуты итальянской нацией-общиной.

Зато позже это хорошо понимал его внук Фридрих II, по крови германец, норманн и грек, по воспитанию сицилиец, а духовное сыновство принявший от римского папы.

Отчаянная борьба итальянских городов между собой была грубой притиркой их политических моделей друг к другу, чтобы позже, под папским верховенством, создать единую Италию.

Вмешательство германцев погасило значительную часть творческой силы возрождающейся итальянской нации, как и часть мощи находящейся в расцвете германской. Возможно поэтому итальянцы, растратившие силу на "гвельфов и гибеллинов", так и не смогли создать единую страну до начала следующего, летнего макросезона.

Папское государство в XI веке стало возрожденной Римской республикой, ведь папы не были монархами, они были, правда, священными, но президентами.

Такая "президентская республика" с XI века охватывала собой всю Западную и Среднюю Европу, а также часть Европы Восточной. Затем ее власть распространилась за океан, но Реформация вскоре отрубила от нее целые страны и части крупных стран.

После побед, поражений, борьбы и эпидемий итальянцы и Фридрих I в 1183 году пришли к соглашению. "Правильные" Ронкальские декреты были отменены. Фридрих Барбаросса признал старинные права итальянских городов.

Правда, городское право ограничивалось в основном территорией городских стен. Итальянские города в правовом смысле стали похожи на острова в океане императорского права.

Умиротворив Италию и ограничив папскую власть, Фридрих в 1188 году возглавил Третий крестовый поход. В этом походе Фридрих как то нелепо умер, утонув в 1190 году во время купания в реке. Семидесятилетнего императора хватил апоплексический удар, и смерть его была легка, как в бою.

Х. ГОТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

ФРАНЦИЯ ПРИ ФИЛИППЕ АВГУСТЕ

Фридриху Барбароссе в 1190 году наследовал его сын Генрих VI. Но после неожиданной смерти Генриха корона, в результате междоусобицы, перешла к баварскому дому Вельфов. Этот дом, в лице императора Оттона IV (1198-1215) правил Империей, а малолетний сын Генриха VI, будущий Фридрих II, впитывал знания и впечатления в "своем" Сицилийском королевстве, у матери – дочери короля-норманна и греческой принцессы. В это время (в 1198-1215) папская власть усилилась и вновь претендовала на первую роль как в Германии, так и во всей Европе.

Но, после бурных событий и отстранения Оттона IV от власти, императором был провозглашен внук Фридриха Барбароссы Фридрих II.

Это время столь же очаровательно и многообразно, сколь жестоко и противоречиво. Это вершина германского духа и могущества, правда, как потом оказалось, весьма хрупкого.

Свое правление Фридрих II начинал как "папский" император, тем более, что был еще жив его противник, император Оттон IV. Коронование Фридриха на Германское королевство было проведено после победы французского короля Филиппа-Августа над Оттоном в битве при Бувине.

Это было особое, насыщенное значением время. Франция, еще в 1180 году (в год вступления Филиппа Августа на престол) была раздробленной, а королевские земельные владения немногим выделялись среди ленов его могущественных вассалов. Но с тех пор королевская власть в стране укрепилась настолько, что Франция, впервые в своей истории, стала одной из могущественных европейских держав. Таковой она и останется до настоящего времени, несмотря на все превратности ее исторической судьбы и на неблагоприятные исторические сезоны.

Французы и немцы до сих пор спорят о том, кому больше принадлежит готика, где ее начало и откуда ее первотолчок. Думаю, это не столь важно, т.к. готическое искусство, как и готическое мироощущение, выросли не "по примеру", а по внутреннему побуждению народов.

Первотолчок же произошел в Иль-де Франсе, месте концентрации французского духа, как духа галльского, наиболее обогащенного духом германским.

Готика – это не только искусство. Это культура в широком смысле слова:

"В течение XII в. городские школы решительно опередили монастырские. Вышедшие из епископальных школ, новые учебные центры благодаря своим программам и методике, благодаря собственному набору преподавателей и учеников стали самостоятельными. Так называемая схоластика была дочерью городов. Она воцарилась в новых учебных заведениях – в университетах, представляющих собой корпорации людей интеллектуального труда. Учеба и преподавание наук стали ремеслом, одним из многочисленных видов деятельности, которые были специализированы в городской жизни. Показательно само название "университет", "universitas", иначе – "корпорация". Действительно, университеты были корпорациями преподавателей и студентов, universitates magistrorum et scholarium, различавшимися тем, что в одних, как в Болонье, заправляли делами студенты, а в других, как в Париже, – преподаватели. Книга из объекта почитания превратилась в инструмент познания. И как всякий инструментарий, она стала предметом массового производства и торговли" (Ле Гофф).

Готический синтез – это не слияние. Напротив, в его основе лежит четкое осознание своей самости, как национальной, так и сословной, и личностной. Галло-франки в это время собственно и становятся французами, а галльский "централистско-верховой" принцип объединяет страну. Филипп Август – это первый, уже не германо-галльский, а чисто французский "король-солнце":

"Естественным последствием завоеваний Филиппа Августа было развитие морального и политического авторитета, присущего званию короля. Униженное и смирившееся феодальное сословие стремилось только к тому, чтобы получать жалование от победителя и

сражаться под его знаменами. Само духовенство не решалось более брать королевскую власть под свою опеку. Филипп Август, верный традициям Людовика Толстого, не щадил своих епископов и заставлял их являться перед королевским судом, участвовать в покрытии военных расходов и даже служить в своих армиях... В общем, его царствование представляет собой огромный шаг вперед в смысле освобождения королевской власти и развития того светского и национального духа, который в конце концов восторжествует над римской теократией и приведет к крушению политической и религиозной системы, столь прочно организованной средневековым папством" (Э. Лависс, А. Рамбо).

Филипп Август и его преемники подчинили себе феодальную систему и поставили папскую власть в определенные рамки, создали для своей власти прочную коммунальную основу:

"Разоренные, волнуемые восстаниями простонародья, угнетаемые королевскими чиновниками, коммуны в конце концов отдавали себя под власть короны, что влекло за собой уничтожение их привилегий, их автономии и независимости. Таким образом, покорилось множество городов, особенно при Филиппе Красивом; те же, которые еще держались, сохраняли лишь тень своего прежнего положения. Следовательно, и в этом случае королевская власть поступала с городами точно так же, как с феодалами" (Э. Лависс, А. Рамбо).

В этот период была решена еще одна французская проблема. Крестовыми походами против южно-французской альбигойской ереси северо-французская элита, поддержанная папой, предотвратила разделение нации на галло-германский Север и галло-латинский Юг.

Кроме того, хотя и на время, была значительно ослаблена и "английская опасность".

Англия, в свою очередь, ассимилировав к тому времени нормандцев, создала свою особую политическую культуру. Германский, но модифицированный, код английской нации проявился в Великой хартии вольностей, заложившей начало хорошо сбалансированному сословному государству с эффективной представительной системой правления.

ПЯТЫЙ ПОХОД

Но в центре общеевропейской истории в первой половине XIII века оставалась не осознавшая себя и усилившаяся Франция, а устремленная к вершине Германия.

Фридрих II, поначалу воспринимаемый всеми как "папский император", несмотря на все свои обещания и давление пап, не спешил начать крестовый поход. Он решал внутренние проблемы Империи:

"Как и в начале IX столетия император представляется им человеком, которому поручено Провидением сохранять мир на земле; в этом Фридрих видит свое назначение и иногда официально принимает звание миротворца (*pacificus*). Он беспрестанно объезжает провинции Германии, подтверждая указы о мире (*Landfrieden*) и наблюдая за их исполнением" (Э. Лависс, А. Рамбо).

До 1228 года он устраивал дела в Германии, Северной Италии и в Сицилийском королевстве. В 1220 году он, наконец, короновался как император Римской империи. Все это время, то есть на протяжении 13 лет, он собирался в крестовый поход, но, по тем или иным причинам, поход им откладывался.

Наконец, в 1228 году, уже после отлучения от Церкви за "срыв" похода 1227 года, Фридрих II выступил в Пятый крестовый поход, в котором быстро и умно решил все его задачи почти исключительно дипломатическими методами.

Христианам был возвращен не только Иерусалим, но и Вифлеем, и Назарет. В 1229 году он вернулся в Италию, но "почему-то" не заслужил папского прощения.

Причина столь "неадекватного" поведения папы в том, что папам не столько нужен был Иерусалим христианский, сколько Рим, свободный от опеки германского императора. Папы все время спроваживали императора в далекую Святую землю, чтобы укрепить свою власть в Италии и надеясь, что он там если не свернет себе шею, то надолго задержится.

Поэтому мирные завоевания в Святой земле циничную римскую курию никак не устраивали. Изогранный цинизм римской курии стал ее второй, но основной сутью, лишь на время уступив идеализму Гильдебранда, его немногочисленных предшественников и редких искренних последователей. Цинизм порождает не только двуличие, но и жестокость:

"Сама церковь, правда, не проливала крови, ее судьи только расследовали и произносили приговор, а затем передавали виновного в руки мирской власти. Тот, кто изъявлял готовность возвратиться в "лоно единой церкви", обрекался на вечное заточение, но вообще за еретичество назначалась смертная казнь, а дабы искоренить зачатки "еретической заразы" в Германии, по равеннским законоположениям, направленным против ересей, – и укрыватели, и покровители еретиков подвергались одинаковой с еретиками смертной казни, и даже дети и внуки еретиков лишались всяких своих прав на лены, должности и почести. Только одно исключение из правила допускается этими варварскими законоположениями – им не подлежали только те дети еретиков, которые сами уличали своих родителей в еретичестве. И эти законоположения – увы! – вполне соответствовали духовным потребностям действительности того времени! Не только в Италии и Южной Франции, но и в Германии уже проявлялась готовность яростно преследовать мнимые отступления от догматов церкви, и гессенский монах-францисканец *Конрад Марбургский* уже странствовал всюду, пламенно проповедуя гибель еретикам" (О.Егер).

Что-то мстительное есть в институтах религии и Церкви. Выделение из живого организма чистого (верхнего) и грязного (нижнего) – это "преступный" процесс. Святость обязательно порождает низость, а свет сгущает тьму. Там, где поселилась святость, рядом ищи порочность, причем – порок не легкий, лукавый, извиняющийся и изменчивый, а порок настырный, настоявшийся и матерый.

Красота – это игра красок, полутонов и полутеней. Измени немного, подчеркни и подъярчи – получишь уroda, получишь беса.

Но Церковь – не для отдельных людей. Церковь – для всей человеческой истории. Это институт, хранящий и консервирующий культуру, чтобы передать ее, как законсервированный продукт, от поколения к поколению. В этом ее предназначение и оправдание.

Поэтому дело не в том, чтобы уничтожить, отменить религию и Церковь. Дело в том, чтобы вместе с Церковью идти по истории. Страдая, ошибаясь, преступая, каясь, исправляя ошибки, но все-таки взбираясь.

Поэтому Церковь – не для людей живущих, но для потомков. То, что она прошла вместе с народами, и то, что она совершила – это достояние ныне живущих. Но то, что она сейчас совершает – станет достоянием лишь наших детей, внуков, правнуков, тех, кто осмыслит и ощутит современную нам действительность в виде смыслового и символического полезного осадка.

Со времени этого столь же чудесного и легкого, сколь же и рокового для отношений императора и пап, Пятого крестового похода, мы видим непрерывную череду ожесточенных схваток и ядовитых интриг между двумя вершинами католического мира. Эти вершины после описываемой борьбы уже никогда не будут выше.

ДЕЯНИЯ ФРИДРИХА II

Примирение 1230 года будет мнимым. В 1244 году папа, "от греха подальше", сбежал в Лион, где в 1245 году собрал Собор. Но между острой борьбой, в которую будет вовлечен и сын императора Генрих – правитель Германии, а также Ломбардская лига городов, Фридрих сумеет сделать многое.

Он даст начало будущей Пруссии, определив особый статус Немецкого ордена на завоеванных землях пруссов.

Он устроит "правильное" управление в Сицилийском королевстве:

"Фридрих обладал ясным и положительным умом и без сомнения был из всех германских императоров наименее способным и каким бы то ни было идеалистическим теориям и фантастическим планам. Такое настроение его ума и практической деятельности лучше всего видно в том устройстве, которое он дал своему Сицилийскому королевству. И действительно, в этой стране, раздираемой анархическими стремлениями, он сумел создать правильно построенное государство, дать общую и весьма основательную форму правления для разнообразных народов, живших на территории этого королевства. Феодалные власти он лишил всякого значения. Никому не дозволено было носить оружие, кроме королевских чиновников и их служащих. Все королевство было поделено на 9 провинций, с сословными

собраниями и правом обложения податями, с благоустроенными финансами. Королевские чиновники ведали правосудием, суды во всех провинциях были свои, особые и один общий для всех провинций, высший королевский суд, с главным королевским судьей во главе (*magnus justiciarius regis*). Варварский обычай судебных поединков в Сицилийском королевстве был уничтожен. Лицам, желавшим получить государственные должности или даже заняться частной деятельностью, более или менее ответственной (например, медицинской практикой), доступ к подобной деятельности был открыт только при посредстве государственного экзамена, а необходимые для этого сведения можно было получать в Салерно или в новоучрежденном (1224г.) *Неаполитанском университете*. За порядком и общественной безопасностью наблюдала хорошо организованная полиция, а постоянное и притом весьма преданное Фридриху войско было им создано из им же покоренных сицилийских мусульман, и это войско было особенно ценно для него неспособностью пугаться самой страшной из угроз – отлучения от церкви и тех проклятий, на которые папы в последнее время были так щедры по отношению к императорам" (О. Егер).

А вот другое свидетельство созидательного гения Фридриха:

"Над сеньориальным классом, над духовенством и народом, лишенными своей автономии, Фридрих устанавливает строго правильную администрацию. На самом вершине стоит король – единственный законодатель королевства. Высшим судебным учреждением является верховный суд (*magna curia*), состоящий из четырех судей под председательством великого юстициария и находящийся в Капуе. Он ведает в первой инстанции всеми феодальными делами и окончательно решает все остальные, какие вносятся в него путем апелляций. Высшее финансовое учреждение, *magna curia rationum*, имеет надзор за всем, что касается налогов, доходов короны. В провинциях финансовыми и гражданскими делами заведуют камерарии, уголовным судопроизводством и полицией – юстициарии. Суд – даровой; для того чтобы он был беспристрастен, юстициариями назначаются люди, чуждые той провинции, в которой служат, и не имеющие в ней ни родственников, ни поместий. Затем следуют бальи, или баюлы, сосредоточивающие в своих руках административные, судебные и финансовые функции. Они разбирают в первой инстанции гражданские дела и наблюдают за сбором налогов. Вся областная администрация подчинена надзору великого юстициария, который раз в год объезжает провинции. Эти постановления, дававшие такую точную и твердую организацию королевскому абсолютизму, вызвали, между прочим, протест и со стороны папы. Григорий IX обвинял Фридриха в том, что он "воздвиг гонение на церковь и стеснил общественную свободу" (Э. Лависс, А. Рамбо).

Фридрих решительно ограничил влияние городского элемента в Италии но, напротив, дал ход развитию городской самостоятельности в Германии:

"До какой степени успела в это время развиться самостоятельность отдельных сословий и городских общин, доказывают отчасти события, которые произошли в первой четверти XIII в. на границе Германии и *Дании*. В 1214г., во время борьбы Фридриха с Оттоном IV, Фридрих формальным актом, данным в Меце, уступил все земли на северо-востоке между Эльдой и Эльбой до самого моря датскому королю *Вальдемару II*. Но местные владетельные князья и богатые пограничные города были недовольно уступкой такого обширного и богатого участка государственной территории датскому королю. На границе завязалась борьба и закончилась в 1227г. тем, что целая коалиция северогерманских князей и городов (епископ Бременский, герцог Саксонский, графы Шауэнбургский и Шверинский, граждане Бремена и Любека и даже дитмарские крестьяне) нанесли Вальдемару II тяжелое поражение и заставили отказаться от уступленной ему территории. Вскоре после того городу *Любеку* удалось добиться от императора акта, по которому ему были даны большие вольности: по этому акту город был поставлен в личную зависимость от императора, и его изображение чеканилось на любекских монетах" (О. Егер).

Он присоединит к Империи Австрию, Штирию и Крайну, даст Вене особый статус и небывалые вольности. Он подготовит силы Империи к возможному вторжению монголов. Он повесит двух негодяев, организовавших детский крестовый поход.

Наконец, он подымет вопрос о необходимости церковной реформы через приведение духовенства к смирению ранней христианской Церкви.

Не эта ли инициатива, шедшая с вершины общественной пирамиды, стала первотолчком, "разтабуированием" идей пред-Реформации, несколько позже сформулированных Уинклиффом и Гусом? Не случайно Фридриху приписывают знаменитую фразу "о трех мошенниках": Моисее, Христе и Магомете.

По-видимому, в XIII веке возник резонанс энергетических и интеллектуальных ритмов всех трех основных западно-европейских наций-общин, что способствовало и бурному демографическому росту:

"Демографический подъем был, по всей вероятности, особенно сильным около 1200 г. Выведенные Сликером Ван Басом индексы прироста населения за пятидесятилетний период дают 109,5 за 1000-1050 гг., 104,3 за 1050-1100 гг., 104,2 за 1100-1150 гг., 122 за 1150-1200 гг., 113,1 за 1200-1250 гг., 105,8 за 1250-1300 гг. С 1200 г. по 1340 г. население Франции возросло, очевидно, с 12 до 21 млн. человек, Германии – с 8 до 14 млн., Англии – с 2,2 до 4,5 млн. Эта фаза роста расположена между двумя периодами демографического спада, когда население Европы сократилось приблизительно с 67 млн. чел. в 200 г. до 27 млн. к 700 г. и с 73 млн. в 1300 до 43 млн. в 1400 г." (Ле Гофф).

Фридрих II, как и Филипп Август, и Людовик Святой оказались достойны своего великого времени. Смерть застала этого великого человека в самой гуще борьбы:

"Не падая духом, Фридрих из Южной Италии снова пошел в Ломбардию, но 13 декабря 1250 г. скончался в замке Фиорентино близ Лючеры. "Так кончил жизнь, – говорит Матвей Парижский, – величайший из земных государей, изумивший и взволновавший мир; перед смертью с него было снято отлучение; на него надели мантию одного цистерцианского монаха, и умер он, как передают, в сокрушении и раскаянии". Напротив, папский биограф изображает его в последние минуты скрежещущим зубами и испускающим вопли. Но спокойствие, с которым он делал распоряжения о своем наследстве, опровергает эту клевету" (Э. Лависс, А. Рамбо).

Ему наследовал его сын Конрад, но в 1254 году он умер. В Германии начался тяжелый период междоусобицы.

XI. СЕРДЦЕ ЕВРОПЫ

Почему падение Германии оказалось столь ошеломляюще резким? Почему вслед за вершиной духа и силы оказалась пропасть бессилия и морального убожества?

Может быть и не было этой вершины? Виновата ли в этом германская "летняя зима", какой-то архетипный порок национального духа или это всего лишь следствие германо-итальянского противоборства? Или это миссия германцев: возноситься до неба и падать в пропасть, причем всем миром, всей страной?

Это миссия. Ведь Германия создана для служения другим. Это жертвенно-имперская нация. Впрочем, все империи – это жертвы. Просто германцы строят долго и с любовью, а разрушают быстро и безоглядно, наверное, чтобы скорее пройти этот разрушительный этап как эпизод и, вдохновившись снова, вновь начать долгое трудное восхождение.

Крушение произошло между 1254 и 1273 годами:

"Время от смерти Конрада IV (1254г.) до нового избрания всеми желанного и признанного главы государства, последовавшего только в 1273г., обычно называют междуцарствием. Писатели, близкие к этой эпохе, говорят о ней с ужасом и характеризуют ее словами священного писания: "В то время не было судьбы в Израиле, и каждый делал то, что ему вздумается" (О. Егер).

Период 1237-1285 это третья или "зимняя" четверть германской большой осени. Это ненастная и ненавистная пора, когда дух нации-общины дает неадекватные ответы, но действует со всей решительностью.

Партикулярный дух германской нации проявился в это время с небывалой разрушительной силой. Началась война всех против всех: союзов городов с союзами аристократов, общества против императора, разных частей Германии друг против друга, сословий между собой.

Наконец, в 1273 году Рудольф Габсбург, в то время один из князей из Южной Германии, был избран германским королем. Он правил до своей смерти в 1291 году, так и не став римским императором. Личностью он был заурядной и все свои силы отдал не на борьбу за единство страны, а на обогащение своего рода, в чем и преуспел, заложив основу будущего величия Габсбургов.

С 1291 по 1298 год германским королевством правил Адольф Нассауский – "король баронов и вольных городов", пока он не был побежден сыном Рудольфа, Альбрехтом (1291-1308).

Сравнивая греческий и германский дух, пора обратить внимание на существенное различие между "эклесиальностью" греческой и "эклесиальностью", а точнее "народностью", германской.

Экклесии были общеполисными территориальными собраниями, в которых участвовали все граждане, проживающие на данной территории. Но в поздних греческих союзах участвовали только делегаты, направленные на общесоюзные собрания.

Германский мир создал собственный – аристократический вариант экклесиальности, имеющей одновременно народно-почвеннический и военно-сословный характер.

Германские императоры и короли немыслимы без сеймов и рейхстагов. Здесь, в отличие от строгой, а часто фальшивой, демократии, проявляющейся в соборности духовного сословия, которое ощущает себя чиновничеством и потому привязано к должности и к воле начальства, действовала более свободная и естественная демократия крови, естественное аристократическое право.

Это право особого сорта людей. Дети по праву рождения, родители – по праву сильнейшего, сильного в ратном труде, имеющем объективный и очевидный характер. В ратном труде, в отличие от труда "поповского", который толи служит Богу, толи прислуживает церковному начальству, присутствует простое естество и правда. Поэтому аристократия "лучше" духовенства.

Но не следует из этого делать вывод о том, что католическая Церковь в Германии была чем-то чужеродным, неким воплощением враждебного итальянского начала в теле германской нации. Ведь подчинение папе римскому, теоретически находящемуся вне

достижимости даже для императорской власти, вполне соответствует принципу "пристройки сбоку", как основному правовому и политическому принципу объединения германцев.

Это создавало для всех духовных князей некое поле параллельных друг другу сил, позволяло им находиться (самое главное!) в равных правовых условиях по отношению друг к другу и к светской власти. В этих условиях они могли строить друг с другом, и даже с королем и императором, вполне горизонтальные отношения, столь органичные для германцев. Но и сами короли нуждались в помощи Церкви:

"Впрочем, кто лучше церкви мог помочь государям? Лев III сотворил Карла Великого, в значительной мере бенедиктинцы из Флери (аббатства Сен-Бенуа-сюр-Луар) и из Сен-Дени сотворили Капетингов. Церковь, играла на двойственности королевской власти – главы феодальной иерархии, но также и главы иерархии иной, государственной, публичной власти, чуждой феодальному порядку. Церковь поддерживала ее против опасного противника – власти военной: священник помогал королю смирить воина" (Ле Гофф).

И даже сам папа был для германских феодалов в значительной мере горизонтален, поскольку был далек, был чужак, обычно был не в ладах с императором. Папа, в случае чего, мог и защитить германских князей от императора. Не случайно папские отлучения уже XII веке стали чем-то вроде разменной монеты: отлучил – снял отлучение, снова отлучил – снял.

Во времена Средневековья папская власть совсем не мешала германской Церкви жить и работать. Она помогала ей сохранить себя и свой национальный характер.

Это верно и для германской аристократии, для которой власть императора должна быть ограниченной не только сеймами и рейхстагами, не только мощью самой аристократии, но и значением некоего высшего принципа, верховного арбитра. К нему, при случае, можно обратиться и вокруг него – сплотиться. Таким принципом стал принцип папского верховенства, ценимого, кстати, и за его итальянское происхождение, за то, что он был вне поля германских страстей и отношений.

Но тем и другим было совершенно невыгодно падение одного из двух столпов авторитета и власти: императорского и папского, а, значит, и решительная победа одного над другим.

Характер германской нации, как он сложился в борьбе с Римской империей – это жертвенно имперский характер. Германцы стремятся вширь. Им уютно только в сообществе разных народов. Ради такой конфедерации-империи они готовы поступиться многим, в т.ч. властью и богатством. Главное, чтобы были приняты их основные ценностные установки, чтобы, тем самым, были приняты и они сами в их естестве.

Примерно так они жили и в осеннем макроцикле, начавшемся в XVI веке, вплоть до конца XVIII века, считая себя центром и сердцем Европы, не помышляя о колониях и не стремясь к политическому единству. Они страдали от войн и экспансий великих централизованных держав, но, "раздаривая" своих князей в короли и императоры всему миру, ощущали, что по нервам Германии проходят импульсы от всех скольнибудь значимых европейских событий, накапливали мысли и знания, чтобы облечь их потом в квинтэссенцию германской мудрости.

Но встретить спокойную старость Германии не дали. Плебей Наполеон нарушил ее душевный покой и дал начало процессам, которые привели ее под семидесятилетнее господство антинационального режима.

Этот режим оформился сначала в империю Вильгельмов – I и II (в 1870-1918), а, затем, после поражения в Первой Мировой войне и периода Веймарской республики, в нацистский Третий рейх.

ХII. ПЕРВЫЙ ИНФАРКТ

МЕЖДУЦАРСТВИЕ

Третья четверть большой германской осени 1233-1281 началась с последними годами правления Фридриха II.

В это время он конфликтовал со своим сыном, жестоко подавил северо-итальянский союз городов, но в 1238 году его итальянская политика потерпела, как позже оказалось, окончательную неудачу. В 1239-1250 он был вовлечен в ожесточенную борьбу с папами, лишь прерванную двумя годами, прошедшими между смертью папы Григория IX и избранием в 1243 году нового – Иннокентия IV.

Последние годы Фридриха были омрачены избранием германских антикоролей: в 1246 году графа Тюрингского, а затем Вильгельма Голландского. Слепленный страшным подозрением Фридрих лишил зрения своего ближайшего друга Петра де Винеа.

События все более явно указывали на то, что наступает новая эпоха – эпоха "осенней" паранойи германского духа, когда германский партикуляризм на время превратился в разрушительную силу.

Партикуляризм, бывший социально-политической основной триады германского духа, в это время выпятился, выпучился, приобрел некое самостоятельное значение, перекосившее все здание германской государственности:

"Идея государственного порядка проложила себе путь в виде идеи независимых автономных городских общин, в которых возродилась, в духе времени, древняя немецкая народная община. Принцип сообщества, связывающий всех городских обывателей и создающий их "общину", показал здесь свою созидательную государственную силу заключением союзов между городами, их мирными договорами, распространением правосудия и порядка. Лежавшие в развалинах замки и крепости разбойничавших рыцарей уже повсюду свидетельствовали о могуществе, достигнутом этими городскими общинами" (О. Егер).

Еще в последние годы жизни Фридриха II организовались первые крупные союзы германских городов, которые сразу же начали отчаянную борьбу с аристократией, духовенством и между собой. Королевская и императорская власть тоже оказались под ударами этой стихии. Аристократия организовалась в свои союзы. Их основной "программой" была "борьба за себя против всех". Позже аристократические союзы сконцентрировались вокруг семи курфюрстов, трех духовных и четырех светских.

Избранные королями Ричард Корнуэлльский и Альфонс Кастильский были незаурядными личностями, но германскими королями являлись только номинально. Власть все больше концентрировалась в союзах городов и в руках суперкнязей- курфюрстов.

После междуцарствия власть германских императоров надолго утратила высший авторитет и способность объединять многообразное германское общество, а, вокруг него, и негерманские народы.

Возрождение силы императорской власти началось только в конце XV века, при императоре Максимилиане. Это уже был конец (четвертая четверть) большой германской зимы 1333-1525.

Империя стала жертвой первого инфаркта германской нации. Ее уверенность в своем всемирном и универсальном предназначении сломалась в период междуцарствия.

Но надорвалось и папство, сила которого, хоть и поддерживалась растущей с середины XI века энергетикой итальянской национальной общины, но не в меньшей степени опиралась и на германских императоров и германский партикуляризм.

Востребованность папы в качестве противовеса между властью императора и германским многообразием и породила такое "странное" явление, как упорное нежелание германской Церкви обособиться.

Еще более "странными", а также расточительными и рискованными, а часто унижительными, были итальянские походы германских королей. Только в 1452 году

германские императоры отказались от венчания на Империю в Риме, и только в 1530 году в последний раз приняли корону Империи из рук римского папы.

Все это убедительно показывает на преобладание в основании национальной жизни духовности ("ценности") над материальностью. Дело совсем не в упрямом следовании мертвым традициям.

Те времена и люди были не менее практичными и, тем более, не менее глубокими, чем наши. Предательств и преступлений тоже было достаточно, как и осознанных интересов. Материальность жизни национальной общины не была помехой ее духовности. У того и другого начала – свое место. Но духовность, как ей и положено, "выше". Она преобладает и управляет.

Стремление к универсалистской империи тоже было вполне рациональным. Только эта рациональность спрятана от нетерпеливого взгляда современности в глубинах национального духа и в сложнейших структурах социальных и политических отношений.

Уже говорилось о том, что противостояние императоров и пап было выгодно всем основным политическим субъектам германского общества. Это сохраняло в нем динамичное, но устойчивое равновесие. Именно оно охраняло столь дорогую сердцу германца фундаментальную ценность "многообразия – партикуляризма".

Но после смерти Фридриха II, Римская курия поклялась извести со света "змеиный род Гогенштауфенов". И вполне преуспела в этом.

Начавшийся в Германии неуправляемый взрыв партикуляризма лишил императорскую и королевскую власть сколь нибудь твердой основы. Поэтому французы, при поддержке папы – француза, быстро справились с этой "исторической задачей". Сын Фридриха погиб в сражении. Внук тоже был побежден в сражении, захвачен в плен и поспешно казнен.

Род Штауфенов, самый могущественный в Швабии, пресекся. Его крушение создало вакуум, в который ринулись новые претенденты на богатство и власть. Более всего в этом преуспели Габсбурги, пребывавшие до того на вторых ролях.

КРИЗИС ПАПСТВА

По иронии судьбы, папа, лишившийся мощного противовеса в лице рухнувшей династии и самой императорской власти, стал беззащитен и против мелких хищников.

Но судьбу папства определили крупные хищники. Огромная инерция двухсотлетнего противостояния с императорами первое время была определяющей в политике "победителя". Тем более, что французский король Людовик IX Святой был идеальным католическим государем, продолжавшим растрчивать остатки духовной и материальной мощи "раннезимней" Франции в новых, уже очевидно безнадежных и бесславных крестовых походах. Поэтому папы проглядели надвигающуюся опасность со стороны "послушной" в то время Франции.

Духовно-практическая основа папского авторитета – движение крестовых походов, столь плохо, по сути преступно плохо, организованных, продержалась еще несколько десятилетий благодаря святому французскому королю. Тем коварнее была ловушка, подставленная папству историей.

Папы, продолжая бороться с тенью прошлого, уже несуществующей властью германских императоров, продолжая бороться с ослабленным греческим православием и ослабленными сарацинами, проглядели новые и действительно серьезные угрозы себе и христианскому миру.

Одной из папских угроз была "французская угроза", в основе которой было вполне осознанное и прочувствованное национальное единство, опирающееся на галльские ценности "централизованного государства" и "партийности". Французские базовые ценности, в отличие от германского "партикуляризма" ("феодальной империи") не предусматривали решающей роли папы в европейских политических и даже внутрицерковных делах, по крайней мере, на территории французского королевства. Папы им были нужны просто как некий сторонний духовный авторитет, как нечто дополняющее, а не жизненно необходимое.

Французская угроза реализовалась очень скоро. Пап сначала лишили французских церковных доходов, а затем и существенной власти над галликанской Церковью. Затем, вскоре после беспрецедентного унижения священного папского сана, когда Гийом де

Ногаре отшлепал железной перчаткой папу Бонифация VIII, последовало семидесятидвухлетнее авиньонское ("вавилонское") пленение римской курии.

Другую угрозу, теперь уже не только папскую, а общехристианскую – угрозу османскую, папы также проглядели. До последних дней Константинополя папы мелочно торговались с византийцами. Поэтому конец Константинополя и утверждение в 1453 году османов в качестве новой великой европейской силы стало для пап, как и для всей Европы, великим шоком.

Как ни слаба была "зимняя" Франция в XIV веке, папство, лишенное опоры во внутренне зависимой от нее Германии, попало в "вавилонский плен" и долго не могло выбраться из этого плена.

Только начало эпохи Возрождения и период максимального падения французской силы во второй половине французской большой зимы 1237-1429 снова вовлекли папство в водоворот основных политических событий в качестве одного из основных общеевропейских политических игроков.

Возвышение Германской империи в XVI веке снова, но в последний раз в весеннем итальянском макросезоне, дало папам возможность "возмечтать" о своей вселенской роли.

Ослабление папства к концу XIII века не было ослаблением Италии. Просто лидерство в Италии перешло от пап и от Рима – к Венеции, ломбардским и тосканским городам. Началась эпоха Возрождения, которая наследовала эпохе готической. Готика была преимущественно германской эпохой, это была прежде всего общеевропейская самореализация германского духа. А Ренессанс стал европейской самореализацией итальянского духа.

Период духовной экспансии Германии закончился во второй половине XIII века. Германия ушла в свои проблемы, но еще несколько столетий оставалась сердцем, болящей душой Европы и одним из основных центров ее духовной жизни. Период "духовного междуцарствия" в Европе продолжался недолго. Начался период итальянского духовного наступления, столь же благотворно повлиявшего на Европу в XIV – XVI веках, как и период германской духовной экспансии.

Если забежать в будущее, то эпоху Барокко – Просвещения – Социальных революций, начавшуюся после отчаянной борьбы в конце XVI века, и продлившуюся в XVII-XIX веках, можно считать европейской самореализацией французского духа.

"Чей" период начался в веке XX? Англо-американский? Или итало-испанский? Или впервые Запад генерирует духовную революцию сразу из нескольких центров? Только англо-американцы начали свою теперь уже не общеевропейскую, а мировую духовную революцию еще в середине XX века, а итало-испанцы сейчас только приближаются к её началу в XXI?

КРИЗИС ИМПЕРИИ

Но вернемся в век XIII.

В период 1254-1273 германский дух пережил свой первый инфаркт. Он утратил всеобщность и универсальность права и силы, но не сердца и мысли. Потом эти средние зимы станут роковыми.

В период уже весенней зимы следующего большого цикла, т.е. в 1621-1669, Германия переживет второй инфаркт. В жестокой Тридцатилетней войне 1618-1648 Германия утратит душевную всеобщность, дав начало и утрате духовной центральности, постепенно превращаясь в духовную периферию, становясь выморочными "декуматскими полями" европейского культурного пространства.

В период летней зимы 1813-1864 Германия переживет третий инфаркт после позорных поражений и мелочных унижений бонапартизма. В это время партикулярный дух Германии сдается на милость прусскому унитаризму и собственной Тени, воплотившейся в государственное тело антихристовой империи.

Эта Тень станет не просто негативным впечатком германского духа, но и "босховской" карикатурой Римской империи в том еще, древнеримском ее образе. Образе жестокой и коварной силы, рассекшей во II -I веках до н.э. единый греко-фракийско-предгерманский мир Средней Европы

Но почему инфаркты, а не просто периоды упадка?

Потому что германский дух – это дух имперский. Он не может жить в мире с самим собой как изолированное существо. Ему необходимы соседи, которых он вовлек бы в свой мир, сам проникаясь их интересами и идеями, пропитываясь их жизнью. Это дух экспансивный и в тоже время жертвенный. Это дух служения. Если его отвергают, то он надламывается.

Таков же и русский дух. Он тоже имперский. Он также сформировался под влиянием внешней ломающей силы. Он тоже стремится вширь, к служению, к примирению.

Но, если дух германский стремится к дружбе на основе верности, долга, чести, справедливости и народного собрания, то русский стремится к взаимодействию на основании постоянного соперничества в лихости, в силе. Он основан на "гарцевании", а не на праве, он основан также на силе и на любви.

Если германец пристраивается "сбоку" и уважает правила, то русский как бы охватывает "инородца" и "сверху" и "снизу", соглашаясь подчиняться сильному, в т.ч. сильному духом и словом, но и принуждая к подчинению того, кто слабее.

Русские не собираются для решения вопросов по правде и справедливости, они собираются для "базара", для испытания в силе и твердости. Многонациональные казачьи общины сразу же создавали четкую иерархию по признакам лихости, смелости, удачливости, силы.

Имперский надлом для германцев – это внутренний надлом их национальной психики. Такой надлом, по-видимому, уже не излечивается полностью даже во внутриутробной второй половине большой зимы. Он становится частью национального комплекса – антиценности. Поэтому возрожденный к новому, теперь уже макроосеннему сезону 1525 – 2293, германский дух имеет на сердце рубцы и того, первого инфаркта.

До первого надлома германские императоры считали себя верховными правителями христианского мира, а всех королей, включая и французского, своими вассалами. Хотя сами французские короли, не без поддержки пап, уже в конце XII века считали себя равней германским королям и императорам.

До первого надлома германские императоры стремились встроить папство во внутреннюю структуру Империи. До первого надлома германцы повсюду в христианском мире видели признаки усиления влияния германского духа: в готическом искусстве, рыцарском кодексе чести, в феодальном праве, повсеместных сеймах, в германских корпоративных тканях общества, в самом "готическом мироощущении".

После первого надлома германский мир сузился до собственно Средней Европы, но оставался еще сердцем Европы, ее духовным центром и пространством сокровенного опыта.

Важно было и то, что от экспансии и неумолимого расширения он перешел к стратегической обороне. Вот в этом один из признаков психологического надлома – в осознании того, что время работает не на тебя, а против.

Второй надлом, произошедший во время Тридцатилетней войны, фактически означал потерю германским духом общеевропейского значения. Феодальная и корпоративная системы после войны оказались уже не одним из универсальных политических и социальных языков Европы, а просто "пережитками".

Подымающийся капитализм и торжествующий французский монархический принцип отодвинули Германскую империю в область пережитков.

Наконец, лютеранство и, тем более, другие, более экстремистские идеологические течения, не только раскололи германскую нацию (а ведь французы, итальянцы и англичане, пусть преимущественно репрессивными методами, но такого раскола не допустили – лишь явное меньшинство здесь оказалось в другом религиозном лагере), но и, через лютеровские и послелютеровские новации, лишили немцев-протестантов живой духовной связи с церковью-общиной, с Богом Живым.

Сильные люди, подобно самому Лютеру, были обречены на страдания самостоятельного поиска духовных опор, а слабые просто деградировали, примитивизировались ("одномерный человек"). Такие "одномерные", а точнее "двумерные" немцы стали в XIX веке посмешищем и пугалом для всей Европы. Самодовольство, филистерство, глупое чванство, тупой "картофельный дух" стали ходячими образами немца в

глазах его "острых" соседей. Такой немец – это первый вариант, а, точнее репетиция, немца, замкнутого в своем "растительном существовании" будущей макрозимы.

Если первый инфаркт лишь надломил, то второй сломил германский имперский дух, причем уже не только в надстройке державных и идеальных стремлений, но и в основных проявлениях души и тела нации. В человеке, в общественных институтах он замкнул немцев на самих себя, превратив большую часть элиты в бессильных мистиков, а большую часть народа – в филистеров и муравьев-накопителей.

Третий инфаркт, случившийся после наполеоновских войн, направил накопившуюся, но не находившую выхода, энергию снова вовне, но не во имя империи согласия, а во имя империи Тени.

Наверное, если бы германской Тени удалось воплотить свою "миссию", если бы, например, гитлеризм победил в мировой войне, то цивилизация Запада оказалась бы снова частично демонтированной до тех времен, пока эта Тень, ставшая тенью во плоти, т.е. Антихристом, не удовлетворила бы своей жажды мщения. После этого она бы распалась и "позволила" начаться новой жизни на выжженной земле Европы. Но случилось бы это вряд ли раньше 50-60 годов XXI века. Эта катастрофа отбросила бы Европу далеко назад, действительно превратив ее уже к концу XXI века лишь в большой полуостров континента "Евразия".

Но случилось то, что случилось. И, слава Богу! Германская Тень, налившаяся плотью с 60-х годов XIX века и воплотившаяся в тоталитаризме чудовищного нацизма, "вдруг", всего через несколько лет после разгрома во второй мировой войне, оказалась лишь тенью. Даже как тень ее сейчас трудно разглядеть.

Снова германский партикуляризм выстроил отношения в экономике, в социальном базисе и в государстве. Капитализм стал социальной рыночной экономикой, а рейх – федерацией земель.

Может быть, и утрата большей части Пруссии помогла этому процессу?

Пруссия, судя по циклам ее истории и проявлениям ценностей – архетипов, это не германское, несмотря на язык, а славянское общество, организованное не германским духом, а духом одного из славянских народов (пруссков? боруссов? лютичей?) лишь онемеченных, но сохранивших базовый ценностный код славянского народа.

Как это произошло и когда? Это "случилось" на следующем этапе германской истории – истории макролетней большой германской зимы 1333 – 1525.

ХIII. В ГОРНИЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ГЕРМАНСКАЯ "ЗИМА" XIV-XV ВЕКОВ

До начала "зимы" ситуация в Германии как-то стабилизировалась, в 1328 году один из германских королей был даже коронован императорской короной. Коронован он был римским народом, а не папой, поскольку папа стал авиньонским пленником.

Борьба с папой продолжалась, но уже в 1338 году, сначала шестью курфюрстами, а затем и съездом во Франкфурте-на-Майне, на который явились представители всей Германии, было решено, что королевская власть имеет непосредственно божественное происхождение. Поэтому постановили, что для избрания короля и императора достаточно голосов большинства курфюрстов.

Съезд принял решение возобновить богослужения в германских церквях независимо от папского интердикта. В немецком духовенстве в связи с этим произошёл раскол, но преданное правительству духовенство получило явный перевес.

Так началось германское "зимнее лето" 1333-1381, в целом неплохой период, светящий не только отраженным светом прошедших эпох, но и собственной мудростью и собственным значением.

В этот период мудрость и опыт являются непосредственной силой, но зато и недостаток мудрости является прямой слабостью. Причина в том, что национальный духовный организм вступает в длительную эпоху распада, сначала медленного, потом ускоряющегося, а во второй половине "зимы" обвального и повсеместного.

Только ближе к концу цикла, после импульса (запуска нового большого цикла) в начале четвертой четверти большой зимы начинается возрождение основ духа. Начинается возрождение самого духа в обновлённой формуле, но ещё не его проявлений в социальных и политических институтах.

Людовик Баварский, "исполнявший королевские обязанности" до 1347 года, был слабым королём и слабым человеком.

Он делал много ошибок. Вскоре после блестящего съезда во Франкфурте-на-Майне он восстановил против себя курфюрстов. Был даже избран антикороль. Но Людовик устоял, потому что опирался на новую партикуляристскую силу – силу городских народных общин:

"В течение того века, который прошел со времени междуцарствия, понятие о таком государственном строе, в состав которого должна входить каждая отдельная сила, успело значительно развиться и возрасти. Но конечно, все были еще очень далеки от нашего современного воззрения на государство. Дошли уже до того, что общий внутренний мир, т.е. государственное благоустройство или нечто подобное ему, стали считать нормальным положением, желательным, долженствующим существовать. В течение этого столетия сильно поубавилось и разбойничьих замков рыцарства. И эти начала государственного благоустройства опирались не на правительство, не на власть князя, короля, императора, а на вполне частную инициативу – на принцип свободного союза, на *ассоциацию*. В этом отношении XIV в. в Германии заслуживает полного внимания. Около 200 городов, укрепленных, вооруженных, почти самобытных в своей внутренней жизни, были тесно связаны между собой всякого рода местными союзами, сообразно своим частным интересам, готовые вынудить и дворянство, и духовных и светских князей к изменению их привычек, так что те уже начали искать поддержку своему значению и могуществу в ассоциациях и союзах, подобных городским" (О. Егер).

Германский партикуляризм системно усложнился. Но "система", в результате такого развития, оказалась разбалансированной. Одним из наиболее существенных проявлений "нового партикуляризма" стали и союзы городов, в том числе знаменитая Ганза.

Поскольку развитие самостоятельности городов началось уже на склоне лет германской большой фортуны – где-то в середине XII века или в начале большой осени, то городской элемент не смог органично вписаться в тонкую духовную ткань германского общества. Он являлся элементом диссонансным и только в XV веке стал "плотью от плоти". События после смерти Людовика Баварского подтверждают это предположение.

Германская экклесиальность приобрела жутковатые формы всеобщей власти пришедших из германской древности тайных народных судилищ – феме, которые в XIV-XV веках приобрели грозную силу и власть – власть страха.

В 1356 году была принята конституция Германской империи, которая в качестве основного закона Империи продержалась до начала XIX века. Это была "Золотая булла", которая "устранила всякое папское участие в избрании королей. Городам запрещала прием в свою среду граждан извне, а также ограничивала их права на союзы и коалиции. С другой стороны, были определенно указаны и права князей по отношению к различным категориям их подданных. Главным образом содержание буллы касалось избрания римских королей, а также прав и имуществ курфюрстов" (О. Егер).

Во второй половине XIV века в Германии возникли большие и малые федерации городов:

"Первоначально Ганза была чисто торговым товариществом, и для ее торгового значения было важно, чтобы это предприятие осуществилось и действовало не в тяжеловесной форме политической организации, а в более свободной, более глубокой и гибкой форме торговой ассоциации. Таким путем некоторым немецким городам и даже некоторым торговым фирмам в Англии и в скандинавских государствах удалось добиться привилегий и выгод, которые впоследствии должны были послужить на пользу всех участников предприятия" (О. Егер).

В Северной Германии города приобрели огромное значение и влияние, и успешно вели войны против датского и норвежского королей. А в Южной Германии ситуация оказалась более сложной, конфликтной и опасной:

"Так, например, в Швабии, где города мешали распространению владений быстро усиливающегося дома вюртембергских князей, наиболее энергичный из них, Эберхард II, пользовался всеми средствами, чтобы навредить городам и помешать их росту. Города платили ему тем же, принимая под покровительство всех подданных Эберхарда, которые изъявляли желание поселиться в городах. Между этими элементами был еще третий – рыцарское дворянство. И это сословие также должно было понять, к чему клонились требования времени; они тоже стали вступать в союзы между собой, образовывать товарищества. Одним из первых в числе этих товариществ было товарищество святого Мартина, основанное в день этого святого, в 1370г. За ним последовали и другие, и важнейшее из них, "Львиный союз", было учреждено в 1379г. в Висбадене. Эти товарищества в значительной степени умирляли рыцарский задор и водворяли среди рыцарства мир, но не сдерживали его от буйных выходов против князей и городов, если только бывал задет кто-нибудь из рыцарей. Одним словом, у них было принято за правило уважать только свои права и всюду проводить только свое право, чем конечно, они сами объявили себе приговор. В этих весьма сложных отношениях император вел двусмысленную игру: он не становился ни на чью сторону" (О. Егер).

Все – князья, рыцари, города пытались объединиться в союзы, а объединившись, направляли их силу против других союзов. В это время:

"С удивительной энергией, хотя и не всегда на законном основании, города продолжали уничтожать рыцарские замки. Было совершенно ясно, что рыцарству не под силу бороться с городами, и весь вопрос сводился к тому, где именно окончится это победоносное шествие городов, т.к. запрещение городских союзов, провозглашенное Золотой буллой, оставалось по меньшей мере мертвой буквой. Опасность этого положения, особенно по отношению к владетельным князьям, не уменьшалась от того, что рыцари пытались сплотиться в союзы и платили городам злом на зло. Эти рыцарские союзы, всюду возникавшие в это время под самыми разными названиями, должны были представляться князьям не менее опасными, чем городские союзы. Тогда и князьям пришлось прибегнуть к тому же средству. В 1383г. на рейхстаге в Нюрнберге император, несколько владетельных князей и все курфюрсты соединились в "Союз мира" на 12-летний срок" (О. Егер).

В 1385 году был заключен союз между Швабскими и Швейцарскими городами, но этот союз оказался непрочным. Швейцарии пришлось практически в одиночку бороться с австрийскими князьями. В этой войне Швейцария вышла победительницей. Зато Швабский союз в 1388 году был разгромлен аристократическим союзом в битве при Дёффингене.

Вслед за "просветленной" и раздерганной первой четвертью, наступила и заскользила в пропасть вторая четверть большой германской зимы (1381-1429):

"По требованию государственных чинов и сословий король Вацлав выступил защитником порядка и государственного благоустройства, и на рейхстаге в *Эгере* (май 1389г.) все частные союзы и коалиции были еще раз запрещены и вместо них учрежден общий Союз мира, в состав которого вошли Швабия, Бавария, Франкония и Гессен, Тюрингия и верхнерейнские города. Этот союз, хотя и не обеспечивал общий мир в государстве, все же нанес большой ущерб значению городов... Одним из ближайших последствий этой долгой междоусобной войны и сопровождающих ее опустошений было общее финансовое истощение. Самым легким средством избавления от этого бедствия представлялось, конечно, объявление всеобщего *банкротства*, которое и последовало, соответственно условиям и понятиям того времени, в наигрубейшей форме. Согласно одному из решений Нюрнбергского рейхстага 1390г. король приказал евреям (не следует забывать, что, по тогдашним юридическим понятиям, они и все их имущество составляли собственность казны Священной Римской империи) выдать все находящиеся в их руках залого и долговые обязательства" (О. Егер).

В изложении событий первой четверти "зимы" не упомянуто о великой чуме 1348-1350 годов, которая опустошила Германию, также как и соседние с нею страны, вызвала жестокие еврейские погромы и дала начало движению "бичующихся", одно время даже угрожавшее самому существованию официальной Церкви и коммунальных учреждений.

Чума свирепствовала в тесных городах. Она унесла миллионы жизней. Но на ход социальных процессов и развитие "зимних" тенденций она повлияла слабо, как любое стихийное бедствие, в отличие от бедствий, вызванных волей и умыслом людей. Сама чума была не причиной, а следствием начавшегося духовного упадка и душевного опустошения германцев, но особенно следствием хаоса, в котором оказались "зимне-зимние" французы.

Вскоре ухудшилось и положение северных германских городов. Относительно усилилась Швеция, что поколебало господствующее положение Ганзы, а польско-литовский союз начал теснить Тевтонский орден. В самом начале XV века чешской знатью было поднято первое антинемецкое восстание.

В 1396 году венгерский король Сигизмунд, брат императора Вацлава, потерпел сокрушительное поражение от турок. С тех пор на протяжении трехсот лет турецкая угроза являлась одним из основных факторов европейской политики.

Общеполитическая ситуация в Германии еще более ухудшилась после всеобщей усабицы 1401-1410 годов, когда был избран другой король, оказавшийся, при его, несомненно, рыцарских достоинствах, ещё менее удачливым, чем Вацлав. После его гибели и "трёхкоролевья", королём, наконец, стал Сигизмунд, тот самый брат Вацлава, разгромленный турками под Никополем.

Тевтонский орден превратился в самостоятельное рыцарско-монашеское германское государство на землях славян-пруссков. Первые рыцари и монахи ордена прибыли сюда в 1226 году с благословения Фридриха II. Начальные пятьдесят лет здесь шла тяжёлая борьба с местным населением.

Но уже в середине XIII века местное население, по мере принятия христианства и освоения немецкого языка, оказалось вовлечено в рыцарские и монашеские структуры Ордена. Поэтому уже к 1282 году борьба затухла, германский огонь был залит славянской водой. Демографические процессы постепенно привели к преобладанию местного языково онемеченного славянского населения над пришлым немецким.

К описываемым нами временам, т.е. к началу XV века, Тевтонский орден, а точнее его немецкая часть, оказался в "зимнем" кризисе. В его духовных и институциональных структурах накопились потенциально разрушительные противоречия.

В начале XV века умы европейской интеллигенции захватила идея конституционного переустройства Церкви, при котором верховным принципом становился не "наместник Христов", а регулярно созываемый Собор.

Однако усталый, вступивший в "осень" итальянский дух и погружающийся в большезимний хаос германский, не смогли произвести церковную реформу. Вместо этого в

1415 году сожгли на костре Яна Гуса, тем самым положив дурное начало обновительному общеевропейскому процессу.

Спровоцированная казнью Гуса лавина возрождающегося западного славянства приняла форму антигерманской и антиримской таборитской революции. Чехия и Моравия, в 1429 году вступающие в славянскую "весну", прорвались антицерковной и антиимперской революцией, бурной, жестокой, в своих преобразованиях разрушительной.

После чехов реформаторскую антиримскую эстафету подхватит возрождающаяся, вступающая в "весну" Германия Лютера. Но не Италия, а потому и не сама католическая Церковь, неразрывно связанная с судьбой уходящей в большезимний сон итальянской нации.

Правда, само движение гуситов и положение дел в Византии подталкивали преобразовательную деятельность соборов, влияя на них пусть не добром, так хотя бы испугом. Но уже в 1448 году соборы были лишены руководящей роли, а в 1449 году папы полностью восстановили свою прежнюю внутрицерковную власть и обеспечивавшую эту власть административную вертикаль.

Похоже, что соборность XV века стала лишним явлением на Западе, явлением, не способствовавшим решению накопившихся проблем. Напротив, она породила дополнительные проблемы и ложные ожидания, например, на слияние Западной и Восточной Церквей.

Может быть, соборность XV века была простой уступкой идее объединения? Ведь создаётся впечатление, что её не воспринимали всерьёз вне флирта с византийцами.

Всех устраивало положение вещей, при котором каждый из власть имущих, оставаясь на своём месте, отхватывал себе кусок пожирней не заботясь о праве и общих интересах, не тревожась за само будущее, ведь в это циничное время считалось, что оно всё равно наступит, и каким будет – хорошим или плохим, не объявит, пока не явится.

Или опробывание соборности в XV веке было исторической "генеральной репетицией" перед её "настоящим приходом", ожидаемым в XXI-XXII веках?

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Дух повсеместного цинизма и весёлой разгульности господствовал в то время в Европе. Но, странным образом, эта разгульность и безответственность соединялись с каким-то новым светом, с новой свободой. Неясно, но вдохновляюще, маячили образы будущей коперниковой системы, будущей Америки, будущего нового знания и новых возможностей. Книгопечатный станок, "удачно" изобретённый в 1450 году, стал основным техническим рычагом для усиления этого нового духа. В насыщенном воздухе "из ничего" материализовался новый европейский дух. Возрождение стало общеевропейским явлением.

Это свет новой Европы, Европы людей, ещё "отчитывающихся" в своих грехах, но уже никому не дающих отчёта о своих "чистых порывах" и критических мнениях. Зато добровольно выставляющих их перед всеми в книгах, делах и свершениях. Здесь – и начало рыночного сознания, выставляющего на продажу всё, начиная с себя или заканчивая собой.

В это время зачиналась эра мирового господства Европы.

Такая расслабленность и раздерганность перед рывком – прямое следствие полного засыпания германского духа в середине XV века. Этот дух уже не мог оживлять воплотившую его феодальную систему и Германскую империю. Он уже не поддерживал европейское единство и не мог сдерживать порывы других европейских наций.

Итальянцам же, без германцев, было не под силу стягивать Европу лишь обручами католицизма. К соборам-парламентам и прибегли, конечно, не только как к уловке в восточной политике, но и как к средству компенсаторной стабилизации расплывающегося без германской державной руки европейского мира.

Эту задачу соборы все же как-то выполняли, но только до той поры, пока в середине XV века о себе громко не заявили подымающаяся королевская Франция и освободившаяся объединенная Испания вместе с маленькой-великой Португалией.

ВОЗВЫШЕНИЕ ФРАНЦИИ

Вторая половина большой французской зимы 1237-1429 была тяжелым и жестоким периодом.

По мнению Робера Фосье столетие между 1350 и 1450 "разделяет с X и XX веком сомнительную славу одного из самых жестоких столетий в истории Европы" и истории Франции:

"Не лучше ли было бы дать этим годам, прошедшим между несчастьями Филиппа VI де Валуа и победами Карла VII громкое название" великая депрессия, роковое стечение обстоятельств? После удивительного тяжелого, но долгого подъема в Европе наступил мощный, всеобщий, резкий упадок – как сказали бы мы теперь, экономический спад" (Ф. Бродель).

Но еще в начале большой французской зимы "производительность труда в сельском хозяйстве давно достигла потолка, сельскохозяйственная продукция уже не росла так же быстро, как население. В своей чудесной книге Андре Шедевиль утверждает, что в окрестностях Шартра "между 1220 и 1320 годами уже наступил застой". Освоение новых земель сельским хозяйством закончилось, и "последняя крупная распашка нови произошла около 1230 года" (Ф. Бродель).

По мере развития общего "зимнего" кризиса во Франции "возникает перенаселение, и, страдая от собственной многочисленности, население восстанавливает против себя всех и вся: королевская налоговая администрация, чтобы пополнить казну, взимает с крестьянства "сверхналоги", что приводит к расшатыванию сельского хозяйства; после 1337 года денежные манипуляции граничат с чистым безумием: "с октября 1358 года по март 1360 года курс серебряных монет менялся не меньше двадцати двух раз". Все новые и новые удары обрушиваются на общество, и оно стремительно катится вниз: крестьянство вырождается, сеньоры видят, как их доходы неотвратимо падают, и поддаются искушению вступить в войну и заняться разбоем. Историки говорят о кризисе, о "конце феодального строя", меж тем один общественный порядок рушится только для того, чтобы уступить место другому, новому порядку..." (Ф. Бродель).

Страдает не только сельское, но и городское население:

"Парижане переживают кошмарное "время немощи проклятой" "мира... чей край уж недалек", как говорит поэт Эсташ Дешан, родившийся около 1346 года. Петрарка, который посещает Францию в конце царствования Иоанна Доброго, около 1346 года, поражен: "С величайшим трудом узнавал я немного из прежнего, видя богатейшее некогда королевство лежащим во прахе и почти ни одного дома вне стен, крепостных или городских, не найдя. Где прежний Париж, что был столь великим градом?" (Ф. Бродель).

В результате происходит глубокий демографический спад:

"К концу своего крестного пути население Франции сильно поредело. Если в 1328 году наше королевство насчитывало от 20 до 22 миллионов жителей, то к 1450 году эта цифра уменьшилась по крайней мере на 10 миллионов. Вероятно, численность населения Франции была все же большей, чем во времена Карла Великого. Но какой шаг назад!" (Ф. Бродель).

Признаком и источником дестабилизации стали и социальные волнения:

"Целая серия выступлений, городских бунтов, восстаний, особенно во Фландрии, разразившихся в последней трети XIII в. (в Брюгге, Дуэ, Турне, Провене, Руане, Орлеане, Безье в 1280 г., Тулузе в 1288 г., Реймсе в 1292 г., Париже в 1306 г.), завершилась в 1302 г. на землях современной Бельгии почти всеобщим восстанием, как пишет льежский хронист Хоксем: "В этот год народ почти повсюду поднялся против могущественных людей. В Брабанте это восстание было подавлено, но во Фландрии и в Льеже народ долгое время не сдавался" (Ле Гофф).

Великая чума стала не причиной, а следствием ослабления французского и германского общества, физического и нравственного истощения:

"Снижение физической сопротивляемости человеческого организма вследствие постоянного недоедания сыграло свою роль в тех опустошениях, которые, наконец, произвела Великая чума с 1348 г. Склонявшаяся демографическая кривая резко пошла вниз, и кризис превратился в катастрофу.

Но ясно, что кризис предшествовал этому бичу, чуме, которая лишь крайне обострила положение, и что причины этого следует искать в глубинах самих социально-экономических структур христианского мира. Сокращение феодальной ренты и перемены, вызванные

растущей ролью денег в крестьянских повинностях, пошатнули основы власти феодалов" (Ле Гофф).

Но вслед за "зимой" неизбежно наступает "весна" 1429-1621:

"Окончание Столетней войны способствует взлету "долгого XVI века" (1450-1650), который восстановит основную массу населения в прежнем объеме как во Франции, так и за ее пределами. Кроме того, не следует забывать, что если депрессия 1350-1450 годов служила дорогой в ад, то война была в то время не единственным могильщиком. Не надо взваливать всю ответственность на плечи англичан: как я уже говорил, свою роль сыграли утрата глубинных жизненных сил, голод, экономический крах, период спада и, наконец, чума" (Ф. Бродель).

По мнению Ле Гоффа "несомненно также, что убыль народонаселения, ускоренная чумой, сократила рабочую силу и клиентуру, но заработки поднялись, и выжившие стали, в общем богаче. Несомненно, наконец, что пораженный кризисом феодализм прибегнул к войне как средству облегчения положения господствующих классов. Наиболее знаменательным тому примером является Столетняя война, к которой подспудно стремилась и английская, и французская знать, чтобы разрешить свои затруднения. Но, как и всегда, война ускорила ход событий и на мертвых телах и руинах разродилась новой экономикой и обществом, хотя в данном случае не следует преувеличивать".

Начавшийся подъем Франции однако замедлился к началу весенней зимы 1525-1573, что вполне характерно для этого ("среднего") сезона.

Ф. Бродель отмечает, что "особенно мощным подъем был вначале; затем начинается замедление и даже остановка: "Весна XVI века", говоря словами Ришара Гаскона, затихла где-то после 1520 года. На самом деле, начиная с этой даты – не перенаселение ли тому виной? – цены начали расти, а поскольку заработки растут не так быстро, как цены, благосостояние падает... И в середине века, между 1550 и 1560 годами, наступает десятилетняя депрессия, которая в общих чертах совпадает с мрачными годами царствования Генриха II (1547-1559)".

ГЕНЕЗИС ПРУССИИ

После великой чумы резко уменьшился переселенческий наплыв немцев на территории, контролируемые Тевтонским орденом. В это время литовцы, объединившись с поляками, начали теснить Орден, мстя ему за "долгие и жестокие притеснения". Орден должен был все больше опираться в своей борьбе против Литвы на местное, хоть и онемеченное, но славянское по духу и по крови население.

Наконец, после разгрома Ордена в 1410 году в Грюнвальдской (Таненбергской) битве "для него было большим счастьем, что в Бранденбургской марке должен был княжить дом, способный ввести в этом важном и опасном пункте твердый государственный строй. Область пришла в большой упадок при столь частых переменах правления, что население не знало, кто, собственно, им владеет, а выродившиеся потомки рыцарей, все эти Квицовы, Путлицы, Роховы, Бредовы, занимались только наездничеством, Фридрих со своими франконскими войсками восстановил в стране порядок и безопасность, причем встретил поддержку у мирной партии. Он заставил разбойничавших рыцарей усмириться, одних добром, других силой оружия, причем большие услуги ему оказало производство современного военного искусства – громадная пушка, которую он занял у Фридриха, ландграфа Тюрингского" (О. Егер).

"Зимний" эффективный синтез новой нации, немецкой по языку и управлению, славянской по крови и духу, произошел в критические десятилетия второй половины XIV – начала XV века. Поэтому новый народ, пруссаки, вступил в свою первую "макро" и большую весну не по немецкому циклу, а по славянскому, т.е. в 1429 году.

В 1440 году германским императором стал Фридрих III:

"Он правил Германией не менее 54 лет, был неспособным и плохим правителем как в политическом, так и в нравственном смысле..."

Те 50 лет, в течение которых Фридрих III был германским королем, можно было бы назвать грустным периодом в истории Германии, если бы вообще, и особенно при таком политическом организме, каким было тогда немецкое или "римское" государство, жизнь

большой нации определялась деяниями ее правителя. Следя за действиями этого правителя, все царствование которого было цепью неудач, но тем не менее закончилось большими выгодами, по крайней мере, для его рода, не следует упускать из вида, что его правление было только внешней рамкой для жизни немецкой нации во второй половине XV в. Самой выдающейся чертой Фридриха III был несомненный эгоизм... Но у него при этом был свой расчет, и он заставлял себя платить за угодную папе церковную политику, снова подчинившей государство игу церкви: он выговорил большие церковные льготы для своих наследственных владений. Он вернулся из Рима (1468г.) с полным карманом, с несколькими сотнями доходных духовных мест, раздачу которых папа предоставил его произволу..." (О. Егер).

В период правления Фридриха III от Германии окончательно отделилась Швейцария. Вновь разгорелись войны городов и князей. Мелочные, ожесточенные, бессмысленные. Бесконечные разговоры о совместном отражении турецкой агрессии оставались разговорами вплоть до 1470 года, в котором турки опустошили юго-восточные владения Империи. Правда, и в этот раз все закончилось лишь созывом рейхстага.

Одновременно еще больше ухудшилось положение Тевтонского ордена:

"Положение Германии на востоке заметно ухудшилось; даже самое славное достояние немецкой национальности, вызванное крестовыми походами, *государство Тевтонского ордена* в Пруссии, совершенно попало при Фридрихе польской зависимости. Под давлением бедствий, обрушившихся на Орден после его поражения под Таненбергом в начале столетия (1410г.), он совершенно выродился; его нравственная сила угасла. Земельно-сословное устройство, введенное Генрихом фон Плауэном, принесло новые беды в разлагавшееся государство. Различные поводы к оппозиции против произвола умножались, и недовольные города и сельское дворянство соединились в *Прусский союз*, главной опорой которого благодаря связям и средствам был Данциг..."

После 13-летней борьбы истощенный Орден был вынужден согласиться на Торуньский мир (1466г.), по которому Западная Пруссия с Мариенбургом, Торунем, Кульмом, Данцигом и Эльбингом отходила к Польше, а Восточная Пруссия оставалась за Орденем лишь в качестве польского лена" (О. Егер).

Видимо, чисто немецкий элемент в это время лишь пытался сохранить за собой основные должности в Ордене, в то время как прусско-славянский в союзе с поляками уже стал полным хозяином самой его жизни.

Перечень неудач и потерь Германии времен правления Фридриха III можно продолжить еще не на одну страницу. Но, вот что интересно, уже во времена этого слабого и корыстного императора, в последние его годы, началось преобразовательное движение. Ведь начиналась новая эпоха германской истории, соответствующая четвертой четверти или весне большой зимы 1477-1525.

С 1486 года Фридрих III приступил "к возведению общего и прочного земского мира – обращению Германии в государственное целое". Начинается четвертая четверть большой германской зимы. Германская нация медленно и как бы неохотно пробуждается при сыне Фридриха III Максимилиане:

"Максимилиан I (1493-1519) правил страной 34 года, считая и те 8 лет, когда был посвящен в дела при жизни отца. Детище нового времени, восприимчивый, он с пользой усвоил многие семена современной культуры, бегло говорил по латыни, по-французски и по-итальянски, занимался разными науками, особенно богословием и медициной, а в артиллерийском искусстве был даже знатоком и изобретателем" (О. Егер).

При Максимилиане были фактически заложены основы новой Германской империи, во всем блеске и нищете проявившейся уже при его преемнике Карле V. При нем "дело конституционного порядка было закончено на Кёльнском рейхстаге 1512г. Для водворения земского мира и исполнения решений имперского суда немецкое государство было разделено на 10 *имперских округов*. Во главе каждого из них находился окружной начальник с подчиненным ему советом" (О. Егер).

ОСЕНЬ

Ниже представлена схема германской макроосени 1525 – 2293. Макросезон разбит на четыре больших сезона – средних цикла. Средние циклы, в свою очередь, разбиты на четыре средних сезона – малых цикла.

1525	БОЛЬШАЯ ВЕСНА						1717	
1525	среднее лето	1573	средняя осень	1621	средняя зима	1669	средняя весна	1717
1717	БОЛЬШОЕ ЛЕТО						1909	
1717	среднее лето	1765	средняя осень	1813	средняя зима	1861	средняя весна	1909
1909	БОЛЬШАЯ ОСЕНЬ						2101	
1909	среднее лето	1957	средняя осень	2005	средняя зима	2053	средняя весна	2101
2101	БОЛЬШАЯ ЗИМА						2293	
2101	среднее лето	2149	средняя осень	2197	средняя зима	2245	средняя весна	2293

І. ЛЮТЕР И ЧЕРТ

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ТЕЛЕОЛОГИИ

Новый германский большой цикл, или, другими словами, осенний макросезон 1525-2293 начался лютеровской Реформацией (с 1517), Крестьянской войной (1524-1525) и правлением Карла V (с 1519) – одного из наиболее известных германских императоров. С эпохи Карла V обычно отсчитывают время "Новой империи".

До этого еще сонная, хотя и разбуженная при Максимилиане, Германия превратилась в страну кипящих страстей и кипучей деятельности. Основным явлением в германской истории XVI века стала Реформация. В Германии и вокруг германских событий сконцентрировалась и вся европейская политика того времени.

Чего же добивался Мартин Лютер и его сподвижники? А лучше спросить – чего же он и его последователи добились?

Они положили начало новым Церквам – протестантским. Отныне "раздвоенность" христианства стала его "разтроенностью".

Важно и то, что новая конфессия утвердилась, прежде всего, в "германском мире": Германии, Англии, Скандинавии, Швейцарии. Это вряд ли случайность.

Какой перестройкой телеологического кода немцев стала Реформация?

Летний макросезон 757 – 1525 немцы были носителями кода "Одиссея", спланивавшего среднеевропейскую империю "аристократической народностью" и имперским "феодально-горизонтальным" партикуляризмом.

Изначально, в теологическом коде германской нации-общины установилось динамичное, но, благодаря многообразию, устойчивое равновесие между общиной и личностью. Германец всегда умел лично растворяться в общинах, а общинная система, имевшая сложную структуру малых и средних общин, не могла не выпускать возжелавшего свободы индивида на волю:

"Каков человек, таков его Бог"; это изречение, часто неприложимое к отдельным лицам, гораздо вернее по отношению к народам, особенно когда они сами являются творцами своих религий; но даже когда религия занесена извне, они всегда изменяют ее по своему подобию. Перенесенное в Грецию, христианство эллинизируется и принимает метафизический характер: созерцательная мысль углубляется в тайны, между тем как душа может оставаться холодной, а сердце безжизненным; на самых верхних ступенях, это – чистый разум со всеми диалектическими утонченностями. Перенесенное в Рим, христианство романизируется, обращаясь в теократическую организацию в настоящую священническую "империю" с первосвященником во главе; является безусловное подчинение авторитету, дисциплина, ритуал, целый кодекс строгого формализма. В Германии христианство стремится углубиться внутрь: греческий догмат теряет свой спекулятивный характер; римская иерархия – свою административную централизацию, религиозный индивидуализм сосредоточен в самом себе. Во Франции, хотя она имеет также своих великих мистиков, христианство приняло форму общественной морали" (А. Фуллье).

"Германский Одиссей" так и путешествовал в этом сложном, многоцветном и динамичном мире профессионально-корпоративных, семейных, общегородских, крестьянских, монастырских, братских общин, пронизываемых и соединяемых народными судами, народными собраниями, сеймами, соборами и рейхстагами.

В отличие от немца, француз не путешествовал в общинном мире, а, словно дозорный, постоянно всматривался в него, ревниво охраняя свою свободу. Если уж он и окунался с головой, то в более безопасный для французской свободы мир общностей: мир идей и страстей-интересов.

В начале XVI века в Европе властвовало не германское общинное "горизонтальное" многообразие, а итальянский общинный рационализм "снизу" и французский общностный рационализм "сверху".

В северо-восточной части Германии, контролируемой рыцарско-монашескими орденами, а также в Тюрингии и в восточной Саксонии, резко активизировались языково

онемеченные, но оставшиеся "в духе" славянами, потомки лютичей, бодричей, лужицких сербов, пруссов.

Их дух был иррационально-общностным. Они легко отдавались во власть идей и интересов, но не "увиденных" мыслью, а только "почувствованных" душой.

Именно оттуда, с полуславянского Северо-Востока, а также с полукельтского Юго-Запада и пришла Реформация, взорвав Германию сначала крестьянскими, а потом религиозными, войнами.

Реформация освободила Германию из-под власти нестерпимого в своем цинизме, заматерелого папства (вспомним, что 1525-1573 – это период итальянской "осенней зимы", когда нация впадает в тяжелую паранойю). Но от папского ярма Германия освободилась бы уже через 50-60 лет и без Реформации.

Лютеровская Реформация послужила примером и стала сокровищницей идей и опыта духовной и социальной революций для других: англичан, скандинавов, французов, швейцарцев. Реформация обесценила феодализм, поставив на место феодального идеала и феодальной иерархии идеал человека трудящегося, а также иерархию должностей вместо знатного происхождения:

"Учение Лютера как бы сплюсчивает средневековую иерархию: вместо вознесшихся сословий остаются скромные возвышения должностных мест. На этой выровненной поверхности и начинает подымать новые высоты подземная сила упорства, самоотвержения и целеустремленности, берущая свое начало в вере.

Уже в работах 1520-1523 годов утверждалось, что вера обнаруживает себя в миру в качестве непреложной любви к ближнему. У позднего Лютера понятие "любви к ближнему" часто заменяется понятием "службы ближнему" (Nachstendienst). Поскольку же "мирской порядок" мыслится как уже наличная и самим богом устроенная система взаимовыгодных должностей, постольку главным поприщем христианской любви (а стало быть и, деятельной веры) оказываются сословно-профессиональные занятия. В какой мере они успешны и почитаемы, для "службы ближнему" совершенно безразлично. Важен лишь внутренний мотив и обусловленная этим мотивом степень упорства и прилежания. "Если ты спросишь последнюю служанку, зачем она убирает дом, моет клозет, доит коров, то она может ответить: я знаю, что моя работа угодна богу, о чем мне известно из его слов и наказа".

В этой удивительной формуле Лютер впервые в истории "нащупывает" понятие труда вообще, труда, рассматриваемого и ценимого безотносительно к его конкретной форме – в качестве целенаправленного усилия известной интенсивности и длительности.

Тот, кто упорно трудится, вырастает в глазах бога, хотя бы сословие его было презираемым, а должность – еле приметной. Тот, кто трудится нерадиво, – чернь в глазах творца, хотя бы он был князем или самым заметным из юристов" (Э. Соловьев).

Тем самым Реформация положила начало превращению Одиссея, сплывающего Империю, в нового Одиссея, создающего своими трудовыми и предпринимательскими добродетелями рыночное и частнокапиталистическое пространство. Человек экономический в одном из первых своих вариантов – это лютеровский "Одиссей", променявший мир общинного многообразия на мир рыночных ролей:

"Католическое богослужение предъявляло довольно высокие требования к подготовке священников, но не спрашивало никакого образования с мирян. Они ведь были просто зрителями и слушателями мессы, совершавшейся "за них и ради них". Богослужение лютеранское по самой сути своей нуждалось в грамотном прихожанине, который читает, помнит и толкует библейский текст. Но, заботясь об удовлетворении этой новой церковно-религиозной потребности, виттенбержцы работали одновременно и на потребность историческую: они прокладывали путь к программе всеобщего начального обучения" (Э. Соловьев).

Это определило перестройку всей телеологической ценностной структуры германской нации-общины. Старый Одиссей, сплывающий Империю и погружающийся в многоцветный мир общин, стал Новым Одиссеем, который почти отдался решительно зауженному миру своих семейной и малой территориальной общин.

Поэтому многообразный и всеохватывающий германский партикуляризм периода "летней империи" стал партикуляризмом ограниченности. Ограниченности человеческой,

личностной, социальной. Новый партикуляризм охватывал уже не Империю, и даже не страну, а одну из трехсот ее земель. Для большинства немцев мир сузился до своего городка, своей деревни.

"Экклесиальные" институты тоже обесцветились и потеряли значительную часть своей конституирующей силы. Они уже не сдерживали эгоистического беспредела князей и сословий.

Все эти изменения положили начало макроосеннему общему закоснению германской нации. Это не кризис в Силе, а кризис в Творческих потенциях.

Вместо многообразия и всеохватности пришли сконцентрированность на экономической деятельности и политическом самоутверждении нации. Это совершенно закономерный переход, связанный с переходом из макролета в макроосень.

Парадокс этой эпохи в том, что нация уже не хочет "разбрасываться" ради других (вспомним, сколько сил и энергии "летние" германцы затратили на соединение в одно государство с Италией). Реально "осенняя" нация выполняет уже не гибкую, а жесткую программу, и, как правило, программу экспансионистскую.

Макроосенняя нация отдает окружающим нациям все лучшее, еще живое и развивающиеся, в обмен на миф о собственном вечном господстве и на отражение угроз, порожденных реализацией этого мифа.

В это время нация-община, предчувствуя будущую макрозиму, старается максимально использовать все еще огромную собственную силу.

Основная, то есть теологическая программа нации, нацеленная на совершенствование гено типа человека, искажается неадекватной телеологической программой – эгоистического самоутверждения нации как таковой. Это противоречие несет много бед и конфликтов, но, как правило, приводит к тому, что макроосенняя нация "растрачивается" для других, находящихся во "впительном" состоянии: макровесеннем, меньше – в макрозимнем. А "историческое сражение" она проигрывает макролетним нациям-общинам.

Реформация и Лютер "не виноваты" в великом Упрощении, которому подверглась немецкая нация начиная с XVI века. Но вина их в том, что разрыв с прошлым оказался слишком решительным.

Это оказалось фатальным для уже ослабленного "сердца Европы", которому надлежало быть мудрым и терпимым, которому, может быть, не повезло с германскими вождями XVI века: Лютером и Карлом V. Эти вожди были слишком страстными натурами, чтобы удержаться самим и удержать страну от раздоров и ненависти.

Жестокая междуусобица все равно пришла бы на немецкую землю в начале XVII века, а XVI век мог бы стать если не "золотым", то хотя бы слегка "посеребрянным". Таким, каким этот век оказался для Англии, поднявшейся из бедности и захолустья в начале века до заявки на место владычицы морей в его конце.

Впрочем, такому мудрецу надо было не только родиться, выучиться и завоевать умы или приобрести власть, что еще возможно, но и многие годы сохранять власть, прежде всего власть над умами. Реально ли это в великой и многообразной стране, утратившей европейское господство, но еще помнящей о нем, да и политически и психологически настроенной на это господство?

Кого мы видим в качестве альтернативы Лютеру? Мюнцера? Крестьянских вожаков-"башмачников", перевернувших пирамиду угнетения и издевательств вершиной вниз, после чего эта пирамида, в своем падении, раздавила сотни тысяч жизней и порушила вековые устои? В лице рыцарей-разбойников? В лице какого-нибудь проходимца Гецеля? Курфюрст саксонский был умен. Но не умнее императора...

ТЕНЬ ВОПЛОЩАЕТСЯ

Светлый лик Германии был перекошен фанатизмом и ненавистью до и без Лютера. Сам Лютер чуть не стал жертвой не только папского или императорского, но и народного произвола.

Вместе с новым германским духом проснулась и старая германская Тень. В преддверии христианской эры она воплотилась в комплексе "изгнанника", гонимого Римом.

Новая эпоха уже не была эпохой господства германского духа. Наступила эпоха Франции. Новая эпоха уже не востребовала многообразия форм и методов государственного и социального устройства. Ее основные принципы: прозрачность и четкая универсальная иерархия в политике и государстве, унификация и специализация в экономической и социальной жизни.

Английский дух, свободный от противоречий Германской империи, меньше затронутый ненавистью и притязаниями могущественных соседей, принял идею нормандского рационального государственного устройства и потому менее конфликтно вписался в это Новое время. Он поддержал многообразие там, где это было возможно, отказался от него там, где это было нужно.

Германский же дух растерял значительную часть своих творческих потенциалов в Реформации и войнах XVI – XVII веков. Принципиально важно и то, что англичане в 1525 году вступили в макролето, а немцы – в макроосень. А макроосенние ветры и бури неблагоприятны для органичного творчества масс.

Ненависть, с которой Лютер и его партия обрушились на Рим, была проявлением восставшего к жизни германского антиримско-проримского комплекса, находившегося в то время в фазе "ненависти", а не в фазе "страсти" или "ненависти-любви".

"Черт, рассуждает реформатор, видит, что его любимое, искуснейшее творение – "антихристова папская церковь" – находится под угрозой. Чтобы предотвратить ее крушение, он будет сеять в обществе сумятицу. Он сделает все возможное, чтобы втравить антипапистов в войну сословий, в битву светских "низов" со светскими "верхами" (Э. Соловьев).

Хотя и сам Лютер попал в ловушку: чем больше обличал Рим, тем больше в нем проступала любовь к Риму. Его последняя запись свидетельствует о его величайшем почтении к этому древнему институту:

"Перед сном Лютер сделал свою последнюю запись: "Чтобы понять буколики и георгики Вергилия, надо пять лет прожить пастухом или поселянином; чтобы по достоинству оценить письма Цицерона, надо двадцать лет быть чиновником крупного государства. Священное же писание не может в должной мере оценить тот, кто в течение ста лет не правил церковью пророков... Мы нищие. Воистину это так!" (Э. Соловьев).

Сила комплекса не столько в ненависти к некоему географически определенному месту и даже не в ненависти к определенным принципам, носителям римского духа. Это вождение, тайная страсть к этим началам.

Какие же это начала?

Это Эней – строитель империи "снизу", империи тщательно прилаженных один к другому через "комиции" уровней политической иерархии. И, начиная с XVI века, немцы пытаются строить такую "правильную" империю, но не "сбоку" и "снизу", а по-французски (или по прусски-славянски?), "сверху". Не сердцем, а головой. В конце XIX века они ее построили. К чему это привело – известно.

Сам Эней был упрямым созидателем, погруженным в малую общину. Одиссей-немец тоже стал упрямым и тоже созидателем, но истеричным и скачущим по поверхности жизни.

Наконец, римская "комициальность" в интерпретации Люцифера оказалась просто немецкой ограниченностью. Их мелкие междусобойчики мало чего решали и плохо помогали строительству общества и государства. Они хорошо утешали и подымали немца в собственных глазах. Они наложили на его лицо печать особенной ограниченности, а часто – тупости.

Такую Германию, в массе своей бюргерско-ограниченную, добродушно-тугодумную, мистическую, упрямую и пародийно-заносчивую, увидели "острые" русские в начале XIX века. То был предел германского бессилия. Но рядом развивалась и росла другая "Германия" – Пруссия. Ее дух был не германским, а славянским и включал в себя базовые ценности: Порядка – рациональной империи "сверху" и "узкой партийности" во имя Нового Порядка.

Этот, слегка "отмороженный" юноша был произведен весьма достойными родителями: тевтонцами – германцами и славянскими народами пруссов-боруссов, а возможно еще лютичей, бодричей и лужицких сербов. Ребенок наследовал положительные качества

"матери-славянки" и совсем ничего, кроме пороков (Тени) и немецкого языка, не взял от "отца".

Так бывает, когда нации-отцы любой ценой добиваются "высоких целей". Монашески-рыцарские ордена стали дурной формой "брака". Тотальное насилие по отношению к чужой нации во имя высокой миссии – это двойное насилие. Оно содержит в себе извращение: высокие цели становятся инструментами низких интересов. Цель в большой истории, как и в большой политике, обычно не оправдывает средств.

"В какой степени и как быстро эта борьба против ересей извращала все нравственные воззрения – доказывает нам война против штедингов, поселян, живших к западу от низовьев Везера. Они просто отказались от выполнения некоторых своих обязательств по отношению к графу Ольденбургскому и архиепископу Бременскому. Тогда нашли, что они отрекаются от повиновения папской власти. На местном соборе этих несчастных обвинили в ереси и против них пошли крестовым походом. Штединги, пользуясь благоприятными условиями местности, отчаянно защищались. Наконец, в 1234г. против них было выдвинуто войско, предводимое герцогом Брабантским и графом Голландским, оно и привело в исполнение приговор собора, истребив "без различия пола и возраста" все население" (О. Егер).

Однако нации – не люди. Нет плохих наций, конечно, если нация не попала в антихристовы когти своей воплотившейся Тени. Нации способны умирать и возрождаться. Причем, если окружение позволяет, они восстают на гармоничных основах. Даже средняя зима (в пределах 192 – летнего цикла) способна существенно менять характер нации в соответствии с законами среднего цикла, тем более – большая зима.

Прусская априорная ограниченность, получившая воплощение в ценности Порядка, похожа на галльскую Свободу. Здесь в основе также позиционирование живой личности в центре влекущих ее стихий и крайностей, в том числе стихий общинного мира и полностью автономного индивидуализма.

Но галл пытается проникнуть разумом в бесконечные дали противостоящих один другому миров, а пруссак равнодушен к линии горизонта, считая ее естественным пределом мира. Он концентрируется не на том, чтобы, устремившись "к другому берегу", увидеть его, он стремится организовать доступное его взгляду пространство уже здесь и сейчас.

Этим он похож на итальянца. Но итальянец – коллективист, а потому он строит порядок снизу, постепенно включая малые коллективы (общины) в более сложные структуры. Пруссак же индивидуалист, верней, как и все кельты (галлы и славяне), он эгоцентрист. Он строит порядок сверху, от идеи, от первоначального понимания общего. Вместо "галльского разума" у него славянское "чувство", а, точнее, ощущение и "рассудок".

Это не "отмороженность", потому как пруссак со своим "Порядком" все-таки идет к горизонту. Но таковыми его качества становятся в периоды сезонных кризисов прусской нации-общины, самой отвратительной из которых оказалась третья четверть прусской большой осени 1909 – 1957, хотя и "летней зимой" 1717 – 1765 свинства в Пруссии тоже было достаточно.

Лютер (от рождения Людер), может, и был потомком онемеченных славян и потому с такой силой и в таких противоречиях передал дух новой Германии. Он воплотил дух нового времени, времени разрушительной борьбы германского духа со своей Тенью.

Он отменил исповедь. Но "нельзя отнимать у человека права исповеди", – заметил однажды Гете. Над теми странами, где отмер этот обычай, нависла тяжкая тьма. Нравы, одежда, искусство, мышление приобрели мрачные краски единственного оставшегося мифа. Трудно найти другое столь же лишенное солнечного света учение, как теория Канта. "Каждый сам себе священник" – это убеждение содержало в себе только обязанности, но не права. Никто не будет исповедоваться самому себе, сохраняя внутреннюю уверенность в отпущении грехов. Поэтому постоянная насущная потребность очистить душу от прошлого превратила в протестантских странах все высшие формы сообщения – музыку, живопись, поэзию, эпистолярный жанр, научную прозу – из средств изображения в средства самообвинения, вероисповедания, не имеющего границ, и покаяния" (О. Шпенглер).

Упростив литургию, церковную организацию и догматику, поставив предопределение в центр своей доктрины, фактически объявив авторитет личной совести и личного "уразумения" более высоким, чем авторитет общины, Лютер положил начало

"схлопыванию", "усечению" германского многообразия. Он сконцентрировал германский дух на "очередных задачах власти":

"В центр богослужения ставилась проповедь, и священник трактовался прежде всего как выбранный общиной проповедник. Месса не запрещалась, но не должна была заслонять проповеди (по сути дела, она трактовалась как церемониальный пережиток, сохраняемый из уважения к укоренившимся привычкам)...

Лютер отверг католическую догму о пресуществлении тела и крови Иисуса в хлеб и вино. Однако, он настаивал на том, что преображенное, вездесущее тело Христа так же "присутствует" в "святых дарах", как и сами нисходящие на человека благодать, поддержка и сила бога" (Э. Соловьев).

И все бы ничего, да вот германское многообразие было не временным состоянием, а органическим свойством германского духа и, следовательно, это "сужение" ослабило его и усилило Тень.

Не случайно Лютер всю жизнь боролся с чертом. Черт преследовал его. И чем дальше, тем больше:

"Его одолевали жестокие бессонницы. "Мои мрачные мысли, – вспоминал реформатор, – похожи были на летучих мышей или на ворон, которые прилетают, чтобы навеять страх". Из полумрака по временам показывался и тот, кто насылал эти полчища искусительных сомнений, – черт, господин всяческой сумятицы.

Мы уже имели случай рассказать, что у доктора Мартинуса было вполне средневековое и вполне простонародное представление о нечистом. Дьявол представлялся ему существом грубо телесным, видимым, занимающим совершенно определенное место в окрестном пространстве. Когда Лютера постигала депрессия, бессонница, смятение, он искал черта где-нибудь по соседству и, как правило, находил – в углу, под кроватью, на дворе за окном. В Вартбурге это случалось с ним особенно часто" (Э. Соловьев).

Лютер положил начало утверждению в партикулярной Германии чуждого прусского духа и, тем самым, оказался невольным орудием Тени.

Это и стало тем двойным противоречием (между духом и Тенью, между духом-кодом германским и прусским), которое столь угнетало Германию в XVI – XIX веках и взорвало Германию, Европу и весь мир в двух мировых войнах в XX веке.

ВЕЛИКОЕ УПРОЩЕНИЕ

Произошло ли к началу осеннего макросезона существенное изменение в теологическом коде германской нации-общины?

Мы говорили уже о том, что до этого немец свободно "растворялся", погружаясь в общины разного типа и уровня, а также свободно "выныривал". Говорили и о том, что мир германских общин к XVI веку и особенно в XVI – XVII веках сузился и локализовался.

Не означает ли это того, что немец уже не мог "растворяться" в общине и свободно "путешествовать" от одной общины к другой? А, значит, соотношение "общинности – индивидуалистичности" изменилось кардинально в пользу "индивидуалистичности"?

Нет, кардинальной перестановки позиций не произошло. Индивидуализм не получил общего перевеса над общиной, а если и получил, то не решительный, а нюансный.

Поскольку Реформация воплощала, в качестве основной, идею возвращения к первоначальному христианству, к Богу-Отцу, то Община теперь получала более весомое "представительство" в теологическом коде, ограничив свободу "межобщинного перемещения" индивида. Бог-Отец получил свое, Бог-Сын (Личность) – свое. Их отношения перестроились. Оба и потеряли, и приобрели.

Бог приобрел более статичную Личность, потеряв собственное многообразие. Личность приобрела право оставаться самой собой, без "ныряний" и "растворений", но вынуждена была "путешествовать" на резко сузившемся общинном пространстве.

Равновесие между Отцом и Сыном стало более статичным, люди окончательно превратились в домоседов в прямом и переносном смысле. Им оставалось теперь только трудиться, создавая материальное богатство как основу своей духовной независимости.

Немецкая Троица перестроилась и упростилась. Отец по-прежнему оставался выше Сына. Но Отец постарел. А Сын, новый Сын, ведь "летний" умер вместе с завершением

летнего большого цикла (такова схема основного закона истории: "Отец" живет 12288 лет, а "Сын" только 768), новый сын был не могущественным, добродушным и справедливым правителем христианского мира – императором Карлом и императором Фридрихом. Он стал "всего лишь" революционером Лютером и мыслителем Гете.

И дело здесь не в масштабе личности. Дело в масштабе ее свершений. Точнее, в масштабе дозволенного ей для свершения. Карл строил Европу, Фридрих Барбаросса – небезуспешно пытался ею управлять, а Лютер и Гете лишь смогли всколыхнуть умы. Но это "всколыхивание" не уберегло от несчастий и роковых ошибок ни Европу, ни Германию. Оно, скорее, даже способствовало совершению ошибок.

"Фаустовский человек" это не германец 757 – 1525, это немец после 1525. Раздвоенность "фаустовского человека" стала действительной его натурой и проблемой, тогда как раздвоенность "дофаустовского" германца лишь слегка оттеняла его и делала его личность загадочной и притягательной:

"Реформация устранила светлый и полный утешения готический миф: культ Марии, почитание святых, реликвии, картины, паломничество, дароприношение. Остался только миф о дьяволе и ведьмах как олицетворение и причина внутренней муки, возросшей теперь до крайних пределов. Для Лютера крещение было актом экзорцизма, таинством изгнания нечистой силы. Возникла великая, чисто протестантская сатанинская литература. Из всего богатства красок готики остался только черный цвет, из всех видов искусства только органная музыка" (О. Шпенглер).

Был ли запрограммирован драматичный сюжет германской истории XVI – XX веков, с его черно-белой чересполосицей периодов, наполненных страданиями и злодействами, перемежаемыми периодами высоких взлетов духа? Хотя известно, что в материальном смысле эта история почти благополучна: это история практически непрерывного экономического процветания, лишь перемежаемого сравнительно короткими эпизодами разорений и бедствий, имевших только одну основную причину – большую войну.

Такой сюжет не был запрограммирован германской нацией-общиной. Не история программируется нацией-общиной. Программируются лишь сила, настроение и "умственные способности" нации. Конечно, нации-общины обладают способностью предвидеть события, но их "стратегические прогнозы" не могут быть абсолютно точными. Жизнь и история всегда сложнее, чем гений нации-общины. Бог не всеведущ.

По-видимому, если бы не драматичный накал борьбы пап и императоров в XII – XIII веках, не было бы и "первого инфаркта" во второй половине XIII века, а с ним и столь далеко зашедшей деградации Германской империи в XIV – XV веках и, следовательно, не было бы нужды с такой силой и яростью обрушиваться на тени прошлого в лице дьявола-Рима и т.д., по цепочке.

Возможно, конечно, что макроосенняя паранойя нашла бы другой объект для своей ненависти. Лютеровское "предопределение" словно предвозвестило новый, жертвенный период германской истории: сначала воплощение Тени, а затем и спускание в мир теней, или, по Шпенглеру, в "растительное существование" приближающейся германской макрозимы 2293-3061.

II. ТРЕТИЙ ИНФАРКТ

УНИЖЕНИЕ

Исключим из подробного рассмотрения очень значимый период германской истории – период со второй половины XVI и до начала XIX веков, а вместе с ним и два эпизода, важнейших для понимания германской истории и судьбы. Первый – это период Тридцатилетней войны, когда Германию сразил "второй инфаркт". Второй – это период второй половины XIX века, когда Пруссия каким-то "странным" образом стала одним из двух гегемонов Германии.

Это интересное и значимое, но все-таки не ключевое время, каким было время Лютера. В этот период закономерно, хоть и конфликтно, развивались институты и воплощались идеи, "вживленные" в германскую историю и в германский дух с конца XV и до конца первой половины XVI века.

Да и во всей Европе во время ключевых событий XVI века произошел исторический переворот. Отныне в Европе экономически господствовали страны протестантского Севера, а сила итальянского духа временно, но надолго, угасла.

На место итальянской духовной гегемонии пришла духовная гегемония Франции. В течение двухсот лет влияние и слава Франции будут неуклонно расти. Одновременно будет расти экономическая мощь Севера.

Германское сердце отзовется на все европейские события. Отдельные части нации будут играть важную роль в большой европейской политике, которая с начала XVIII века включит в себя и Россию. Но разобщенность Германии усилится. Поэтому Германии в общеевропейской политике будет отведена в основном страдательная роль.

Страдать Германия будет добровольно и даже с каким-то наслаждением. Тень убедит ее в необходимости подобной формы жертвенной миссии. Немцы, потеряв деятельное экспансивное многообразие, призвуют страдательное многообразие.

Перестав продвигаться на юг, восток и запад, они позволят Югу, Востоку и Западу самим прийти в Германию в виде политических интриг, военных и экономических предприятий. Вершиной этой страдательности стала Тридцатилетняя война, когда немецкую землю терзали армии и банды со всех концов Европы.

Приведу одно из красноречивых свидетельств бедствий заключительного периода Тридцатилетней войны в пограничной Лотарингии, когда жизнь стала адом и хлебом, а дух достиг вершин страдания и пронзительной искренности в творчестве Жоржа де Ла Тура:

"Наступил ужасающий голод. Некому было обрабатывать поля, а виноградники сожгли солдаты. Три четверти сельского населения, по мемуарам маркиза де Бово, погибли или покинули страну. Нищие наводнили дороги и города. Из Нанси французские власти однажды изгнали 1600 укрывавшихся там нищих, предварительно заклеив их. Страшно читать свидетельства современников о начавшейся охоте на людей. Карл Лотарингский цинично хвалился тем, что его солдаты в разоренных областях ели людей, и называл количество съеденных – "более десяти тысяч". Перед подобными цифрами меркнут сообщения мемуаристов о том, как около Меца были откопаны головы съеденных детей, как близ Шато-Сален какая-то женщина убила и съела свою мать. Разрывали могилы и ели трупы. Люди уподоблялись волкам, которые врывались в дома и пожирали женщин и детей. Мемуарист, описывающий эти ужасы, завершает свой рассказ словами: "Я стыжусь обнародовать все это, и будущее мне никогда не поверит". Вот еще одно леденящее душу сообщение маркиза де Бово: "Видели даже многих матерей, доведенных до тяжелой необходимости есть своих собственных детей, чтобы не умереть с голода, и они говорили одна другой: сегодня я поем твоего, а завтра ты получишь кусок моего" (Ю. К. Золотов).

Пройдут десятилетия, раны Тридцатилетней войны зарубцуются, немцы успокоятся в простом бюргерском счастье, наиболее активные и обездоленные начнут пассивную колонизацию на восток, где они с готовностью и старательностью станут приспособляться к далеким культурам народов, населяющих Российскую империю.

Но наполеоновские войны вновь разбудили Германию. Это пробуждение было несчастливим как по самому впечатлению, так и по его последствиям.

Господство Бонапарта и взбаламученных Французской революцией слоев французского общества оказалось грубым попранием всего, во что еще верили германцы: Римскую империю германской нации, в свою аристократию, собственную европейскую миссию и в свою "центральность".

Германская империя оказалась смешной и слабой. Теперь Империей называлась наполеоновская машина. Достоинство германской аристократии было растоптано карликом. Его многочисленные родственники и подручные стали королями, принцами, князьями и графами.

Общеввропейская сцена в начале XIX века показала плохую пародию на священные книги германской Европы. Это был бурлеск, напоминающий возрожденческий раблезианский, но вторичный и безвкусный. Корсиканец, кстати, не только наплевал в германские глубины, но и надсмеялся над французским вкусом.

Пелена спала с глаз и Германия предстала перед немцами разобщенной, слабой и нагой, но, что невыносимее всего, жалкой и смешной.

Германская культура, в течение веков соединявшая Европу миллионами уз феодальных и корпоративных отношений, которая в последние триста лет с готовностью несла крест религиозной реформы, испытывая тысячи несчастий в надежде заслужить уважение и благодарность Европы, оказалась в ненужном прошлом. За триста лет она почти безнадежно отстала от своих соседей. Этим соседям и дела не было до германской миссии. Эти соседи были в конце XVIII века уже столь сильны, что воспринимали германское центральное пространство как место, которое пора бы поделить между собой.

И всему этому, после наполеоновских побед и наполеоновских оплеух, приходилось поверить:

"Наполеон по своему воспользовался своей добычей и победой: энергично, без стеснения, жестоко. В Веймаре он высказал свое негодование герцогу Карлу Августу, что он, как прусский генерал и немецкий князь остается верным своим обязанностям в эти тяжелые дни несчастья; в Галле он выразил свое недовольство на непочтительное поведение студентов, которые проявляли любопытство, а не страх или почтение, и взыскивая за это с университета, велел его закрыть; недоставало, чтобы он и профессоров прогнал. Герцога Брауншвейгского он обозвал "генералом Брауншвейгом" в своем бюллетене от 16-го и объявлял конец его династии; герцога Гессенского не спасло его запоздалое верноподданничество..."

7-го, четыре дня спустя, был заключен мир в Тильзите между Францией и Россией; 9-го – между Францией и Пруссией. В 4-ой статье нового договора было уточненное, в таком документе едва ли слыханное издевательство – можно сказать, школьничество: "Из уважения к императору Всероссийскому (de toutes les Russies), император Наполеон соглашается отдать королю Прусскому нижепоименованные покоренные владения" (О. Егер).

Французы и русские указали на действительное место Германии в Европе – на место второразрядной страны, точнее, двух второразрядных и трех десятков третьеразрядных стран. И современная культура ее, нагота которой еще прикрывалась романтизмом и философией, объективному взгляду предстала второразрядной.

Пруссаки тоже пребывали в кризисе, на время запутавшись в сословности, противоречиях отношений с поляками и формальностях собственной бюрократической машины:

"Государство Фридриха Великого, без его умного руководства, сделалось одним механизмом, таблицами, призраками, а в дальнейшем – извращением всего. Вместо чести сословий – высокомерие касты; вместо единства политики, обдуманной государственным умом – непостоянное любительское политиканство второстепенных людей" (О. Егер).

ДЕПРЕССИЯ

Как известно, Наполеон был разгромлен. Но решающая роль в его разгроме принадлежала России. Германия же, в лице ее главного "представителя" – Австрийской империи, успела смириться и даже испытать чувство покоренного. Жалкий Рейнский союз

был союзом вассальных по отношению к Франции государств. Еще недавно, казалось бы, неумолимо возвышающаяся Пруссия, тоже была побеждена и унижена и также приняла фактически вассальный статус. Однако Пруссия была побеждена, но не покорена. Разгром Наполеона в России поднял на борьбу сначала Восточную, а за ней и Западную Пруссию.

Только решительная российская победа в войне 1812 года и морская победа Англии проложили дорогу к спасению от санкюлотской диктатуры. Германская гордость была уязвлена и тем, что в России и Испании возгорелась народная война, а в "народной" Германии – нет. Народ "оставался на местах" даже тогда, когда ситуация резко изменилась в пользу России и Пруссии. Лишь отдельные области, такие как горский Тироль, поднялись против европейского тирана.

Наполеоновские войны способствовали росту авторитета Пруссии. И, хотя лидерство Австрии было восстановлено, а австрийский канцлер Меттерних стал основной политической фигурой послевоенного урегулирования, Пруссия увидела, что её господство в Германии – лишь вопрос времени.

Шок наполеоновских войн дал начало медленному, но неумолимому, процессу деградации старогерманского имперского духа, и даже – базового духа нации, и, вместе с тем, возвышения германской Тени.

Началась третья четверть большого лета или "зима-лето" 1813-1861. Как мы помним, "зимой осени" 1237-1283 "случилось" междуцарствие и разразился фатальный кризис штауффенской империи.

"Зимой зимы" 1429-1477 ничтожество Империи и императоров, возможно, спасли и их самих, потому как нашлись этому ничтожеству сильные покровители.

"Зимой весны" 1621-1669 Германия корчилась в муках Тридцатилетней войны, положившей конец германскому имперскому могуществу в Европе.

"Зимой лета" 1813-1861 мы видим несчастьем разбухшую Германию, утратившую грезы нового романтизма и так жестоко обманувшуюся во всем, что еще составляло предмет и основу ее гордости. Это эпоха "меттернихов" – пошлых и пройдошливых политиков. Ничего не создающих, никого не подпускающих и не пропускающих.

Все, что было старогерманским духом или создано при его живейшем участии, оказалось отвергнуто и осмеяно. Как? Кем? Пошлым плебеем, хуже – плебейством соседней нации. Но печальнее всего – это то, что немцы сразу смирились. Они плохо боролись с Наполеоном. Победу над Наполеоном они получили из рук "восточного варвара".

Оставалось с надеждой, все более крепнувшей, смотреть на Пруссию, которая, находясь в 1813-1861 в своем славянском "лете осени" (первой четверти большой осени), знала, что делать и поневоле стала общегерманским примером и образцом. Она подала растерянному германскому миру пример национального государства с четкой вертикалью власти, деятельной уверенностью, всеильным чиновничеством и Таможенным союзом.

Казалось бы, сама жизнь объявила старой Германии вотум недоверия. Дескать, "хватит носиться со своим партикуляризмом, аристократией и духовностью, в наше время успех – за деятельной ограниченностью, вертикалью власти и национализмом". И этот шепот Тени оказал прусскому авторитету неоценимую услугу. Средние и Северные немцы поверили. Они решили, что изменить себя, это значит изменить себе, но изменить для будущей великой роли, той роли, которую они все время играли, но, как оказалось, не по тем правилам.

Но власть Тени, в отличие от власти духа, не органична. В глазах соседей народ, находящийся под властью своей Тени, в силе своей становится зловещим, а в слабости – жалким. Власть Тени ведет народ к цели, но это не вершина, а пропасть. Это "зияющие высоты".

Правда, немцы в 1813 году еще только "проснулись". Их пробуждение оказалось ложным пробуждением во сне. "Проснувшись", они увидели не цветной и гармоничный мир, а мир черно-белый, мир теней и полутеней, мир ненависти и гротеска, мир, в котором не хотелось жить, в котором хотелось что-то, может быть все, сломать. Романтический и философский взлет последних десятилетий XVIII века и первого десятилетия XIX: (Гете, Шиллер, Фихте, Гегель) оказался прощанием старогерманского духа с Германией. Поэтому творчество великих немецких мыслителей и поэтов конца XVIII – начала XIX веков, столь

высокое, глубокое и чистое, одновременно столь бессильно. Их творчество – словно предчувствие слома и падения:

"Так должно было свершиться для того, чтобы нация воспрянула, наконец, к новой жизни и деятельности из того глубокого упадка, которого не замечали ее виднейшие умы, витая в области идеалов, поэзии и отвлеченного знания. Французская революция также не могла привести народ к этому; величественное возрождение немецкой литературы Гете и Шиллером глубокомысленные творения таких философов, как Фихте, Кант, Шеллинг, Гегель, которые, созидая здание знаний, старались разрешить высшие задачи мысли, мира и духа, усиливали лишь созерцательное направление умов. Весьма характерно, что Гегель написал свою "Феноменологию" в год битвы при Иене (1806г.). Даже драмы Шиллера, дышащие такой энергичной политической и национальной жизненностью, поражали зрителей только богатством мысли и блеском риторики" (О. Егер).

Это оценка романтизма очарованного пруссачеством немецкого историка конца XIX века. А вот оценка немецкого политолога конца века XX:

"Романтизм породил политически неангажированного бюргера, идиллический образец аполитичного немца, который в то же время, не будучи чистым идеалистом, охотно сходится с себе подобными (общинное сознание). Вильгельмовская эпоха произвела, наконец, на свет то недоброе сочетание жажды национального престижа с жесткой реальной политикой, которое в XX веке сделало Германию столь трудным партнером в европейском концерте, поставив под угрозу с трудом стабилизировавшееся в XIX веке равновесие. В годы грюндерства выросло страстное желание немцев быть чем-то важным в мире, получить свое место под солнцем. В вильгельминизме смешались чувство гордости крепнущей экономической мощью со стремлением обрести мировое значение как политическая сила.

Идеологические предпосылки такого представления об особой роли Германии как сильной державы в сердце Европы, предназначенной исполнить историческую миссию в этой части мира, были заложены романтизмом. В ту пору представители германского духа противились принятию западного мышления и западных учреждений. В ту эпоху сформировался германский консерватизм, который не только заботился о защите традиционной структуры собственности, но и действовал при помощи таких впечатляющих опасных новых формул, как: идея органичности в противовес якобы механически сконструированному строю западного либерализма; идея цельности и общности в противовес индивидуальности и личной свободе; наконец, мессианское представление, будто немецкая нация призвана оздоровить весь мир, ибо в немцах-де, в силу их уникального исторического прошлого, особенно глубоко укоренены высокие ценности человеческого бытия" (К. Зонтхаймер).

Оговорюсь – речь идет о духе нации, а не о душах людей. Люди, как всегда, любили и очаровывались, но только как люди, как личности, а не как частицы могучего и прекрасного Общего. Это могучее Общее впало в тяжелую депрессию.

До 1830 года, казалось бы, ничего страшного не произошло. Ну, в Австрии правили хитрые бездарности, а в Вюртемберге – порочные и жестокие короли. Зато в Баварии правил чудак и поэт, а в Пруссии жизнь организовывалась и устраивалась. Вокруг Пруссии формировался общегерманский Таможенный союз.

Страх перед революцией стал навязчивым состоянием умов всех германских правительств. Жертвами этого страха становились студенты и профессора, которых можно было всего лишь заподозрить в "разжигании революции". Но в Германии и Пруссии, в отличие от Италии, Испании и Франции в это время была более-менее спокойно.

За "более-менее" скрывались тлеющие угли религиозного раздора, прусско-германских противоречий и несовместимостей, выражающихся в создании "сепаратных" таможенных союзов, в баварском "культурном вызове", в борьбе конституционалистов и конституций разных типов.

III. МЕТАНИЯ И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ

ДОНКИХОТСТВО ФРИДРИХА-ВИЛЬГЕЛЬМА IV

В 1830-1840 в большинстве германских государств и в Пруссии, под влиянием очередной французской революции, активизировалась политическая жизнь. В это время громко заявили о себе либералы, но они не получили поддержки германского общества. В это же время усилилось противоречие между католиками и протестантами. Так, в Пруссии практиковались мелочно-циничные гонения на католиков, была усилена ассимиляционная политика против католицизма. Но Таможенный союз, созданный Пруссией, продолжал расширяться.

Позже, в сороковых годах XIX века, ультралиберал того времени Фридрих Энгельс подверг уничтожающей критике либеральное движение в Германии за его "трусость" и "узость", фактически примерив французские мерки к немецким процессам. Но дело было не в "трусости" и "узости", а в том, что тошнотворными были для немцев патентованные французские пилули.

Крепкий немецкий организм (ведь дело было "летом"), болеющий лишь депрессией, сопротивлялся французским лекарствам как отраве. Он сопротивлялся и прусскому лекарю, не только лечившему его плохими лекарствами, но и все время пытавшемуся упечь его в свою тюремную клинику.

Эта роковая цепочка событий, в результате которой германский дух был пленен своей Тенью и "сыном-отморозком", объективно и упрямо вела к роковой развязке.

События правления прусского короля Фридриха-Вильгельма IV (1840-1861) убеждают, что предотвратить воцарение Тени было уже невозможно. Этот король был идеальным воплощением германского духа, его сознательным и бескомпромиссным проводником, причем проводником, обладавшим огромными интеллектуальными и нравственными достоинствами.

Но чего он добился?

"Редко случается государю приступить к великой задаче при лучших обстоятельствах. Прекрасно одаренный, не только окруженный людьми безупречной нравственности, но благодаря своей матери, королеве Луизе, воодушевленный идеалами и стремлениями; мальчиком и юношей он был воспитан в очень строгих правилах и под возвышенными впечатлениями; одаренный редкими способностями, он жил в такое время, когда все кругом было пропитано гением. Кроме того, как сыну могущественного короля, ему стоило только пожелать, и все разносторонние сведения, все современные стремления духа – поэзия, искусство, наука, богословие и религия – все получал он из первых свежих и обильных источников. Фридрих с удовольствием постигал эти разносторонние стремления человечности. Решительно обо всем у него было свое мнение, но при всем изобилии этого романтизма он не научился простой прозе королевского достоинства...

Его правление было самым поучительным и самым несчастливым из всех, какие история может нам представить. Большое значение имело само по себе то, что такая возбуждающая, совершенно оригинальная по своим взглядам, чисто немецкая личность шла впереди самого большого государства, Германии, в такое время, когда немецкий народ вступил в новую эру своего развития и совершенно преобразился под влиянием эпохи великой освободительной войны" (О. Егер).

Возможно, он на 10-12 лет замедлил воцарение Тени, но, задержав, сделал этот приход более торжественным, а ее победу – более убедительной.

В 1840-1848 в Пруссии бурно боролись за конституционный режим и напряженно трудились над прусской конституцией. Но король практически в одиночку противостоял напору либеральных реформаторов, которые стремились создать ясные основы представительной власти. Вместо этого он предполагал воплотить в жизнь феодальные формулы "верности престолу" и "верности престола". "Я никогда не допущу, – говорил он, – чтобы между нашей землей и Господом Богом вторгнулся какой-то писанный документ, как

бы второй Промысел, мнящий править в государстве своими статьями и заменить ими старинную священную верность престолу".

Созданная им система публичной власти оказалась уже при своем рождении устаревшей и неэффективной. Вскоре она вызвала против себя решительную массовую оппозицию.

Его политика церковных реформ, несмотря на огромный ум, знание предмета и "конструкторские способности", также привела только к мнимому результату – интенсивной, но совершенно безрезультатной говорильне:

"Все предпринимаемое королем в отношении церковной организации и согласно с его общими политическими взглядами, как то: созыв окружных соборов (1843г.), областных соборов (1844г.), наконец, общего собора в Берлине (1846г.) только обостряло церковные споры, доказывая его желание сделать плодотворной эту сферу немецкой жизни, но не создавая решительно ничего нового" (О. Егер).

Зато рационализм, становившийся бескрылым, но хорошо ползающим по земле практицизмом и "реализмом", проникал всюду и везде пробивал дорогу себе. Правда, он не мешал бурному развитию технических знаний, точных и околоточных наук. Но религиозная жизнь и искусство вырождались.

Австрия в это время, оставаясь вне основных движений германской жизни, тихо деградировала интеллектуально и духовно под "нелепой строгостью цензуры", и подспудно готовилась к смене ролей в своей империи, к своему превращению в Австро-Венгрию.

В Германии, Австрии и Пруссии, экономика, техника и наука быстро развивались, но духовная и властная элиты представляли собой довольно жалкое зрелище. Росла социальная напряженность. В Лейпциге и в Мюнхене вспыхнули опасные мятежи.

Во всей Германии явно проявилось стремление людей к объединению в единую, сильную национальную державу, что "неожиданно" проявилось в вопросе о самостоятельности входящих в состав Дании "немецких" герцогств Шлезвига и Голштинии.

В 1846 году немцы, живущие в разных германских государствах, ополчились против датчан. Это с виду незначительное событие, возможно, и было точкой бифуркации в германском развитии на пути к единой националистической Германии, отказавшейся от многообразности и "горизонтальности", принявшей на вооружение принципы упрощения, рационализма, "политического реализма" и господства.

Отныне спокойный, уравновешенный и глубокий германец будет все глубже впадать в истерику при каждом случае, когда он сочтет, что задеты его национальные интересы. Увы! Рассудительный и неглубокий, но уверенный в себе, пруссак в этих случаях будет с готовностью подставлять впадающему в маразм отцу-германцу своё мощное сыновнее плечо.

Вскоре и гениальный неудачник Фридрих-Вильгельм IV превратился в этой среде в пустого затейника, почти в комедианта.

В 1848 году новая революция во Франции вызвала революционную бурю во всей Европе. Германия, в 1817 году покрывшаяся легкой зыбью либеральных идей, в 1830 году тревожно взволнованная, в 1848 вскипела революционной бурей. На этот раз революция была всеобщей, охватившей Пруссию и все германские земли.

Центром либеральной, как поначалу казалось, революции стал Франкфурт. Здесь были созданы союзные органы управления: парламент, президент и правительство. Но либеральная власть продержалась недолго. К концу года восторжествовала консервативная реакция, сначала в Пруссии, а потом и в других германских государствах. Фридрих-Вильгельм IV распустил революционный парламент и в феврале 1849 года созвал новый, конституционный.

Уже в конце марта 1849 года союзный парламент избрал Фридриха-Вильгельма IV германским императором. В эту новую империю, правда, не вошла Австрия со своими землями. Но щепетильный прусский король отказался от императорской короны, не пожелав принимать ее из рук революции и не согласившись с разделением страны.

В 1852 году, после перипетий бурной революции, но революции "в белых перчатках", благородный прусский король добровольно передал германское первенство соседней Австрии, только что справившейся, при помощи русского царя, и со своей революцией.

"ПОРЯДОК ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!"

Казалось, что Германия вернулась в свое рыхлое мирное состояние. Однако это было лишь временное отступление объективного хода вещей перед волей прусского короля, гениального упрямца, оказавшегося в центре общеевропейских и общегерманских событий:

"Год 1852, как 1548 и 1629 годы, был весьма счастливым для Габсбургов. Едва спасшись от гибели, Австрия получила возможность предписывать законы Германии; была даже минута, в которую едва не осуществился смелый план вступления Австрии, со всеми ее землями – Венгрией, Галицией и итальянскими владениями – в состав Германского союза, что превратило бы его в 70-миллионное целое, в союз среднеевропейских государств с Австрией во главе, как с самым могущественным из них. План мог удалиться, но в Вене поняли невозможность идти напролом и решили действовать окольными путями, добившись сначала доступа в германский таможенный союз; первым шагом к тому было заключение торгового договора с этим союзом; затем последовало и полное вступление в него (1 января 1859 г.) Но глубоко униженная Пруссия достигла здесь первого успеха.

Напрасно старались приверженцы Австрии – Вюртемберг, Бавария, Саксония, оба Гессена, Нассау – сделать невозможное возможным, устраивая съезды в Вене, Бамберге, Дармштадте" (О. Егер).

В конце 1857 года Фридрих-Вильгельм IV вынужден был передать власть своему брату Вильгельму, т.к. к тому времени он уже не мог управлять из-за болезни мозга. Политика Пруссии сразу же изменилась с жертвенно-идеалистической на обычную, разумно-эгоистичную.

После того, как Австрия в 1859 году потерпела поражение в Итало-Австро-Французской войне, ее значение, искусственно восстановленное в 1849-1852, вновь, и теперь уже окончательно, рухнуло, открыв Пруссии дорогу для гегемонии в Германском союзе. В 1861 году Фридрих-Вильгельм IV умер и на престол взошел его брат, став королем Вильгельмом I.

Так закончился период 1813-1861, сравнительно спокойный и благополучный, как может показаться, в истории Германии. Ведь победа над Наполеоном объективно была и победой Германии. Революции 1830 и 1848-52 годов тоже, казалось бы, благотворно повлияли на общее развитие страны.

Но страна в этот период перенесла "третий инфаркт", в результате которого ее дух был укреплен, а Тень воплотилась в Антихриста. Пруссия же развивалась естественно и гармонично. Несмотря на многочисленные удачи Австрии (Габсбурги всегда были удачливы), несмотря на правление "антипрусского" короля Пруссии Фридриха-Вильгельма IV, к концу этого периода она созрела для роли безусловного гегемона в Германском союзе.

Что бы ни делалось в Германии (но не в Пруссии) в это время, в либеральном, в реакционном, в католическом, в протестантском, в централистском, в партикуляристском лагерях – все было смешно и жалко, все было не так. И лишь хорошо работать немцы не разучились. После бестолочи революции 1848-52, после фиаско прогерманской и проавстрийской политики Фридриха-Вильгельма IV, немцы смогли отказаться от самих себя и принять прусскую базовую национально-общинную идею Порядка.

"Порядок превыше всего!" Сколь жалка эта фраза в устах немца. Это примерно так же неестественно, как была бы неуместной фраза "умеренность и аккуратность" в устах нашего русака.

Естество ушло в тень. Тень стала естеством немца. Многие немецкие интеллектуалы, начиная с Т. Моммзена и Ф. Ницше, в конце XIX и в начале XX века сокрушались по поводу столь безотрадного вырождения германского национального характера. Впрочем, гениальный Ницше, воспевав Человека, побратался и с зверем.

С 1861 года Пруссия уже знает не только что делать, но и как делать. Например, как на базе Германского союза построить собственную империю, не оглядываясь на завязшую в славянско-итальянско-мадьярских проблемах Австрию. Германия тоже это "знает", хотя и через силу, и натужно вдохновляется возможностью стать единой страной, страной Порядка.

Тем страшнее будет ее месть самой себе и своим соседям. "Раз мы продали свою свободу, отказались от своей духовности – откажитесь и вы! Не хотите? Заставим!"

IV. ПРИШЕСТВИЕ АНТИХРИСТА

ИМПЕРИЯ БИСМАРКА

После 1861 года события развивались стремительно. В 1861-63 Пруссия пережила конституционный конфликт между либеральной и консервативной партиями. Победу в этом конфликте одержала консервативная партия, поддержанная новым королем и возглавленная Бисмарком.

В это время австрийцы и баварцы попытались оттеснить Пруссию с ее ключевых позиций в Германском союзе. Но весьма кстати снова возникший шлезвиг-голштинский вопрос оказался тем самым гордиевым узлом, разрубив который, пруссаки смогли перехватить объединительную инициативу.

Победоносная в 1864 году война Австрии и Пруссии против маленькой, но "вредной" Дании, однако, сразу же поляризовавшая всю Европу, позволила Вильгельму и Бисмарку постепенно, т.е. в 1865-66, справиться с внутренней оппозицией. Поскольку за эти годы отношения между Пруссией и Австрией предельно обострились, причем, пруссаков все более активно отвергали и в других германских государствах, то Вильгельм и Бисмарк снова решились на войну.

В 1866 году, в союзе с Италией, Пруссия нанесла поражение Австрии и южногерманским государствам. В результате этого Германский союз, созданный после разгрома Наполеона, приказал долго жить.

Пруссия стала безусловным гегемоном в Германии. Но не силой согласия, а силой оружия. И лишь под общегерманским впечатлением от прусской мощи и прусских побед.

Это чем-то напоминало "признание" Наполеона. Признание чрез силу. И слезы сквозь смех.

Австрия была просто выставлена из Германии и кинулась в объятия очередного французского выскочки – Наполеона III, жалкого подобия "некультурного", но гениального деда. Этот внук, правда, уже успел растратить во внешних авантюрах весь свой и позаимствованный от своего имени авторитет.

Умница Бисмарк правильно распорядился победой. Он не стал навязывать федеративный союз всем германским государствам, оставив свободу, например, Баварии и швабским государствам – Бадену и Вюртембергу.

Власть президента Союза – прусского короля, оказалась ограничена полномочиями, относящимися, прежде всего, к общей оборонной политике. Были учреждены общие органы: военное, морское, таможенное, торговое, почтовое. Граждане каждого союзного государства становились гражданами и остальных союзных государств.

Все эти меры позволили избежать немедленного отторжения прусских порядков германским организмом, хоть и поработанным Тенью, но еще борющимся за свою свободу.

После своего поражения в 1866 году, Австрия тоже сбросила оцепенение и в 1866-1868 годах успешно реформировала Австрийскую империю в Австро-Венгрию. Видимо, общегерманская Тень Австрии лишь коснулась.

Она осталась самой собой, сохранив в себе древнегерманский дух. Но Австрия, сама по себе, была лишь осколком германского мира, озабоченным тем, чтобы удерживать целостность австро-венгерско-чешско-сербского имперского пространства, в котором немцы, даже после утраты Италии, составили только четверть всего населения. Австрия, как ей казалось, временно отказалась от борьбы за Германию, оставив дела там на волю судьбы, ведущей к решительному столкновению большой Франции и маленькой Пруссии.

В 1870 году Франция объявила Пруссии войну, несмотря на то, что Вильгельм I благоразумно уклонялся от обострения отношений, идя почти на унижительный компромисс. Если пруссаками двигало благоразумие и осознание того, что мирная работа по превращению Германского союза в реальную федерацию требует еще многих лет, то французам все еще туманила голову славная наполеоновская эпоха.

Но на этот раз прозреть пришлось не Германии, которая уже давно не только прозрела, но и успела признать и принять чуждый ей идеал. Прозреть предстояло Франции.

Немотивированное нападение Франции на Пруссию послужило единодушному сплочению всей Германии против общего врага:

"Итак, вспыхнула война – великий момент в истории германского народа. Интрига французского правительства, его желание унижить короля Пруссии и затем, все-таки, объявить ему войну, побудило во всех его подданных негодование и гнев на дерзких оскорбителей их маститого, семидесятилетнего властелина. Вся Германия, – все ее собрания, партии, округа – все, как один человек, поднялись на защиту своего отечества. Народ и вся страна действовали единодушно: победа была несомненна" (О. Егер).

Это событие окончательно убедило немцев в правильности сделанного с таким внутренним сопротивлением выбора. Это же оттолкнуло от Франции всех ее союзников. Даже австрийские политики не решились воспользоваться представившейся им возможностью реванша за поражение и утрату руководящей роли в Германии, так как австрийцы поддержали своих северных собратьев.

Французы терпели сокрушительные поражения на границе и в глубине своей территории. Немцы на короткое время вступили в Париж "для фактического ознаменования своей полной победы". 10 мая 1871 года был подписан мирный договор.

Еще в начале года, а именно 18 января 1871 года в Версале была провозглашена Германская империя, в которую теперь уже безоговорочно вошли все земли, как Северной, так и Южной Германии.

После блестящей победы над "французскими империалистами" уже ничего не мешало преобразованию Германии по прусскому шаблону и образцу:

"В Германии скоро освоились с ролью центральной и до некоторой степени первенствующей европейской державы, так как эта роль весьма естественно ей и подобала по ее географическому положению, по численности населения, по обширному пространству и по гармоническому распределению высшего образования среди этого 40000000 населения. Политическое единство, как это выяснилось впоследствии, оказалось довольно хорошо подготовленным в народе в течение последних четырех десятилетий: в маленьких государствах народонаселение с радостью и с пониманием почувствовало себя членами единой великой державы, созиданию которой содействовали и они тоже" (О. Егер).

До 1888 – года смерти императора Вильгельма I и года кратковременного правления его сына, Германская империя развивалась на разумных основаниях, хотя централистские начала усиливались неумолимо, став ко времени вступления на престол Вильгельма II столь же хваткими, как собачий ошейник.

Куда делась немецкая аристократическая гордость и немецкая глубина?

Исчезли.

Что же получилось? Чем стала страна? Страна стала Государством, столь ярко и жестко описанным Ф.Ницше:

"Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно; и эта ложь ползет из уст его: "Я, государство, емь народ".

Это – ложь! Созидателями были те, кто создали народы и дали им веру и любовь: так служили они жизни.

Разрушители – это те, кто ставит ловушки для многих и называет их государством: они навесили им меч и навязали им сотни желаний.

Где еще существует народ, не понимает он государства и ненавидит его, как дурной глаз и нарушение обычаев и прав.

Это знамение даю я вам: каждый народ говорит на своем языке о добре и зле – этого языка не понимает сосед. Свой язык обрел он себе в обычаях и правах.

Но государство лжет на всех языках о добре и зле: и что оно говорит, оно лжет – и что есть у него, оно украло.

Все в нем поддельно: краденными зубами кусает оно, зубастое. Поддельна даже утроба его...

Государством зову я, где все вместе пьют яд, хорошие и дурные; государством, где все теряют самих себя, хорошие и дурные; государством, где медленное самоубийство всех – называется – "жизнь".

Чем стали немцы? Снова прислушаемся к Ницше:

"Вы – ходячее опровержение самой веры и раскромсание всяких мыслей. *Неправдоподобные* – так называю я вас, вы, сыны действительности!

Все времена пустословят друг против друга в ваших умах; но сны и пустословие всех времен были все-таки ближе к действительности, чем ваше бодрствование!

Да, смех вызываете вы во мне, вы, современники! И в особенности когда вы удивляетесь сами себе!

И горе мне, если бы не мог я смеяться над вашим удивлением и должен был глотать все, что есть противного в ваших мисках!

Чужды мне и смешны современники; к ним еще недавно влекло меня сердце; и изгнан я из стран отцов и матерей.

Так что люблю я еще только *страну детей моих*, неоткрытую, лежащую в самых далеких морях; и пусть ищут и ищут ее мои корабли.

Своими детьми хочу я искупить то, что я сын своих отцов; и всем будущим – *это настоящее!*".

ПЕРВЫЙ ФЮРЕР

Вильгельм II, как абсолютно серая, бездарная личность, самим своим характером точно передал дух страны и времени. Он плыл по течению не только своих страстей, но и страстей и желаний опруссаченного германского "общественного мнения". Его хамские выходки стали естественными проявлениями варваризирующегося духа нации.

Это примерно то же, что Иван Грозный в России, безумец, который своим безумием высветил глубины и духовные пропасти русского народа. Ведь народ не только терпел, но и активно участвовал в вакханалии убийств и издевательств.

Только Вильгельм II высветил не глубины духа, а пыльные углы Тени, ставшей с 1871 на 74 года неким эрзац-духом германской нации.

Уже в детстве его характер испытал ледящее воздействие культурной и нравственной среды, которая определила развитие в нем пороков и подавила человечность, сформировала перекошенную личность:

"С самого начала мать жаловалась на его верхоглядство и лень в учебе, душевную холодность и высокомерие. Эта вообще-то чрезвычайно умная женщина просто не в состоянии была смириться с тем, что поставленная ею цель на самом деле не соответствует возможностям ее сына, что она требует от него невозможного. Юный принц постоянно видел разочарование матери и в ответ пытался утвердить собственное Я через отказ в выражении нормальных сыновних чувств и бунт". (Д. К. Г. Рель).

"Добрые и воспитанные" родители Вильгельма, по-видимому, более всего повинны в его пороках, ведь их преступление самое тяжелое – это родительская нелюбовь. Мать его не воспитывала, а "ломала":

"Когда ему исполнилось 18 лет, Вильгельм все же выдержал экзамены на аттестат зрелости с оценкой "хорошо", но его леность в учебе приводила родителей в полное отчаяние. "Он от природы ужасный бездельник и тунеядец, он ничего не читает, разве что идиотские истории... у него нет жажды знаний, – жаловалась мать в 1877 году – я боюсь, что его сердце совсем невоспитанно". Она писала, что у Вильгельма нет "скромности, доброты, доброжелательности, уважения к другим людям, способности забывать о себе, смирения", и желала, чтобы удалось "сломить его эгоизм и его душевную холодность" (Д. К. Г. Рель).

В результате получилось то, что получилось:

"Человек, которому предстояло 30 лет провести на "самом могущественном троне мира", действительно обладал довольно странными свойствами. С самого начала современники были обеспокоены самолюбованием Вильгельма, которое граничило с манией величия. Еще не успев взойти на престол, он пригрозил: "горе тем, кому я буду приказывать!". Еще до ухода Бисмарка он хотел "разнести в клочья" любого противника...

В одной из самых чудовищных своих речей в 1900 году Вильгельм дал немецким войскам, отправлявшимся в Китай, приказ вести себя подобно гуннам: "если вы встретитесь с врагом, то для того, чтобы драться. Пощады не давать, пленных не брать. Тот, кто попадет в ваши руки, в вашей власти". Эта императорская речь привела к тому, что немцев и в наши дни за границей порой называют "Jhe Hunes"...

Но даже тех, кто уже знаком с такими высказываниями, не может не шокировать жестокость, с которой император говорил о еврейском меньшинстве в Германии: "Самый низкий, самый подлый позор, который только можно совершить над народом, немцы сами совершили над собой, – так писал он о революции, изгнавшей его с трона. – Однако немцев "натравило и совратило проклятое племя Иуды, которое пользовалось их гостеприимством! Такова была их благодарность! Ни один немец никогда им этого не простит и не успокоится до тех пор, пока эти паразиты не будут истреблены и стерты с лица немецкой земли! Это ядовитый грибок, разъедающий немецкий дуб!". Вильгельм II собственноручно написал это 2 декабря 1919 года.

Агрессивности способствовало "комедианство", в котором зловеще сочетались жестокое и смешное. Князь Гогенлоэ вспоминал, что Вильгельм любил поворачивать кольца на своих пальцах камнями внутрь, причиняя при рукопожатии такую боль, что у его посетителей порой из глаз брызгали слезы. Болгарский царь публично получил от него увесистый пинок в зад. Русского великого князя он треснул маршалским жезлом по спине. А герцога Заксен-Кобургского и Готского император "форменным образом отколотил".

В дневнике одного швабского дипломата подробно описываются забавы императора во время морских путешествий. Здесь мы можем прочесть "об отвратительном зрелище", когда во время утренней зарядки "старых переносчиков-генералов заставляют приседать, что они делают с искаженными лицами, император подбадривает их тумаками, они делают вид, что это отличие доставляет им несказанную радость, а сами сжимают в карманах кулаки и бранятся ему вслед, как базарные бабы" (Д. К. Г. Рель).

Нелюбовь родительская обернулась сыновней ненавистью:

"Пропать между Вильгельмом и его настроенными проанглийски и проеврейски родителями расширялась не только усилиями Бисмарка, свою роль сыграли здесь и патологические наклонности самого принца. Высшего пункта взаимная ненависть достигла тогда, когда сестра Вильгельма Виктория захотела выйти замуж за принца Александра фон Баттенберга, который будучи правителем Болгарии, не давал покоя русскому царю и в 1886 был свергнут в результате организованного Россией переворота. Вильгельм, недолго думая, заявил, что "всадит этому проклятому полячишке пулю в лоб", если ничего другого не получится, то он "просто прибьет этого Баттенберга". Ненависть его к матери и к Англии еще более усилилась, когда в 1887 году стало известно, что у его отца рак гортани. Теперь свою английскую бабашку он презрительно называл "императрицей Индостана" и заявлял, что пора бы уж ей и помереть. Мать и сестру он называл "английской колонией", врачей, которые лечили отца – "еврейской шайкой", "негодьями" и "отродьем сатаны", которые до "гробовой доски" заражены "расовой ненавистью" и "германофобией" (Д. К. Г. Рель).

Полное отсутствие противовесов в опруссаченном государстве позволило Вильгельму сконцентрировать в своих руках необъятную власть при том, что он ежедневно совершал глупости и пакости, при том, что его политика была взбалмошной и опасной:

"За первые 10 лет правления Вильгельма II соотношение сил между короной и людьми в правительстве, которые несли ответственность по конституции, радикально изменилось. Бисмарк правил фактически единолично, хотя в пропагандистских целях постоянно выпячивал вперед фигуру монарха – теперь же единолично правил император, а канцлер и министры превратились в простых исполнителей его воли...

Непоседливость императора, постоянные напоминания о "полномочиях Божьей милостью", оскорбительные высказывания в адрес "очернителей", осмеливавшихся критиковать его, речи на все мыслимые и немыслимые темы: живописи, богословия, археологии, этнологии, научной политики и т.д. производили тяжелое впечатление на общественность Германии. Пресса рассуждала о "маниакальных состояниях" в Берлине. Макс Вебер писал, что ему кажется, будто Германией управляет "орда умалишенных". Затем последовала и внешнеполитическая реакция: в 1904 году Англия присоединилась к Франции; попытка Германии разрушить этот союз, создав угрозу войны в первом марокканском кризисе, потерпела жалкий провал на международной конференции в Альхесиресе. (Д. К. Г. Рель).

Даже полная потеря Вильгельмом II авторитета в германском обществе не помешала ему и дальше направлять политику страны. Немцы, словно стадо баранов, шли к мировой

войне под крики и понукания своего безумного пастуха. Впрочем, сами себе они казались волчьей стаей.

Проигранная война 1914-1918 завершилась, наконец, крушением прусской империи и самого Вильгельма II. Вильгельм эмигрировал в Голландию:

"Вильгельм прожил еще 23 года, но уже никогда не покидал Голландию. Почти до самого конца он всерьез надеялся не только на реставрацию монархии Гогенцоллернов в Германии, но и на то, что сам еще вернется на престол. Несмотря на несбывшиеся надежды, закат его жизни прошел под знаком удовлетворения – новый фюрер успешно решил старые задачи с помощью людей его, вильгельмовской "школы". Агрессия против Польши по его оценке, была проведена "замечательно", "в старом прусском духе", Вильгельм был просто счастлив. В июне 1940 года он трогательно приветствовал победоносные немецкие войска, проходившие через Доорн, направляясь во Францию. Он посылал восторженные телеграммы фюреру, с восхищением отзывался о "новом порядке", установленном Гитлером в Европе. Он писал: "Рука Господа созидает новый мир и творит чудо... Возникают Соединенные Штаты Европы под предводительством Германии". Осенью 1940 года Вильгельм писал в одном из писем об этой войне: "Чередой чудес! Старый прусский дух короля Фридриха, Клаузевица, Блюхера, Йорка, Гнейзенау и т.д. вновь явил себя миру, как в 1871 году.... Блестящие генералы, командующие армиями в этой войне, вышли из моей школы, в мировой войне они лейтенантами, капитанами и молодыми майорами сражались под моим началом. Ученики Шлиффена, они воплотили в жизнь его планы, разработанные под моим руководством. Они сделали это точно так же, как мы в 1914 году". В самый черный час Германии Вильгельм II показал, что он ничего не забыл и ничему не научился.

Он умер 4 июня 1941 года" (Д. К. Г. Рель).

V. СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИЯ

НЕУВЕРЕННАЯ ГЕРМАНИЯ

Что такое современная Германия? Понять это нам поможет суховатая, но выверенная и основательная книга германского политолога К. Зонтхаймера.

Современная Германия – это Германия, выросшая на отрицании нацистского прошлого. Это Германия, свою живую историю видящая лишь на два века назад. Это страна, ныне снова сильная и, как никогда, по крайней мере, за последние четыре столетия, влиятельная в Европе.

Но это и глубоко задумавшаяся Германия. Задумавшаяся над тем, не "свалилось" ли на нее новое счастье новым самообманом, лишь временной передышкой перед новым испытанием? Может быть, это "растерянная" Германия, сильная, но неуверенная в своих силах и своем будущем:

"Германская экономика, несмотря на свое поразительное развитие по восходящей линии в послевоенное время (за которым последовал относительно постоянный, хотя и меньший и отнюдь не равномерный рост) вовсе не являлась столь самоуверенной и надменной, как это можно было бы предположить на основании рассказов о ее успехах. Она не обладает тем разумным доверием к самой себе, которое собственно говоря, могло бы у нее возникнуть на основе в общем и целом позитивного развития. Изменения, скажем, в отношении к труду или признаки антитехнических настроений у социального меньшинства или же обычные в мировой экономике потрясения зачастую беспокоили ответственных за экономику лиц больше, чем это оправдывалось фактами. Когда это обещает выгоды, выступают за конкуренцию и рыночное хозяйство, но едва только хозяйственные условия становятся неблагоприятными, быстро переходят к опошлению священных принципов и просьбам к государству о помощи и субсидиях. Любое отставание в области хозяйственного и технического развития от других ведущих экономических держав слишком рано интерпретируется как начало спада, заставляющего опасаться самого худшего для германской экономики.

Большая заинтересованность в собственной безопасности определяет образ действия как менеджеров, так и представленных профсоюзами работников наемного труда. Поэтому некоторые изменения мирового хозяйственного процесса воспринимаются скорее как угроза, нежели как вызов. Страх перед кризисами засел в мозгах и самих политиков и ответственных за политику органов; он является наследием германского прошлого".

Европейская гармония была одним из наиболее страстных мечтаний немцев во все времена. И представляется неуместным и странным, что в то время, когда Германия воссоединилась, Западная Европа вступила в фазу утверждения единой валюты, а восточноевропейские страны прижались к ней, словно котятка к кошке, немцы чувствуют страх и неуверенность.

Может, потому страх и неуверенность, что позади только два века истории, да и то не своей, а прусской? Эта история в первой половине XIX века началась возвышением Пруссии, затем продолжилась созданием прусской империи, затем крахом прусской, созданием и крахом нацистской империи в первой половине XX века. Наконец, во второй половине XX века наступило пробуждение от тяжкого ночного столетнего кошмара, и выросло тихое могущество ФРГ.

Теперь уже реально проснувшаяся нация хорошо помнит историю ночного кошмара, а что было до него помнит только умом, но не душой. И только сейчас начинает вспоминать и эмоционально окрашивать то, что было много раньше. Ведь Гете и Шиллер не "мифические" Гомер и Вергилий, и даже не Данте, Рабле и Шекспир. Эти дядьки стояли у твоей кровати, когда ты засыпал. Они жили всего лишь вчера. А позавчера жил Лютер.

Но настоящая историческая память народа – это живая память о "лете". Поэтому для немцев сейчас важно вспомнить макролето своей истории VIII-XV веков. Вспомнить как нации. Ведь тело уже "вспомнило" многое из того, что должен вспомнить мозг.

Посмотрим на возрожденное политическое "тело" ФРГ 90-х годов XX века.

Пожалуй, политическая система Германии сейчас является одной из самых сложных в мире. Многообразие, как германская базовая ценность, наконец, реализовало себя в сильном и дееспособном государстве–обществе, охватившем всю Германию. Этого не удавалось добиться со времен Карла V.

Создавая свою политическую систему, германская элита опиралась на собственные вековые традиции, перенимала опыт старейших демократических режимов: английского и американского, и, скорее, отталкивалась от в целом неудачного опыта вильгельмовского, веймарского и гитлеровского режимов. Правда в современной неуверенной Германии даже очевидные параллели из прошлого представляются многим интеллектуалам подозрительными:

"Утверждают (например, специалист по государственному праву Э.Форстхофф), что государство Федеративной республики создано немецким обществом. Динамичные силы этого общества, раскрывшиеся прежде всего в хозяйственной жизни, будто бы впервые и создали государственный организм Федеративной республики. Утверждение в такой форме очевидно неверно, ибо в качестве "государства" весьма успешно функционировали оккупационные власти".

В чем проявились германские вековые традиции?

КОРПОРАТИВНОСТЬ

В том, что бундесрат, т.е. германский "сенат", формируется не "плебисцитарным", а "назначенческим" способом. Делегатов в эту палату германского парламента не избирают голосованием. Они делегируются земельными правительствами. Причем, в отличие от депутатов бундестага, им вручается так называемый "императивный мандат", согласно которому они не имеют права отклоняться от воли делегировавшей их земельной элиты.

Это фактическое воспроизводство одной из самых характерных черт средневековых рейхстагов, на которых имперских субъектов представляли "делегации" князей, духовных и светских, рыцарей, а потом и горожан – представителей местной земельной элиты.

Проявление вековых традиций в том также, что полномочия президента германской республики очень напоминают, правда, урезанные в силовых составляющих, полномочия средневекового германского императора. Его основная задача, как, между прочим, и у германского императора, быть стабилизатором политической системы в кризисные периоды. Серьезных политических кризисов в истории ФРГ еще не было, хотя, может быть, не было благодаря сдерживающей силе президентской власти. Ведь серьезные предкризисные ситуации уже случались.

Если соединить власть президента и конституционного суда, имеющего право разрешать споры между палатами парламента и субъектами федерации, выносить свой вердикт относительно конституционности любых законов и норм, то получаем теоретическую власть германского императора средних веков. Правда, необходимо добавить сюда еще канцлерскую прерогативу главнокомандующего национальной армией во время войны.

В Германии, несмотря на теоретическое господство понятия о разделении властей, сложилась корпоративная политическая система, в которой общество и государство теснейшим образом переплетены между собой. Партийная деятельность щедро финансируется из бюджета. Местные политические элиты напрямую контролируют бундесрат. Предпринимательские союзы обладают огромной политической властью, а партии бюрократированы:

"Со второй половины 80-х годов федеральный министр экономики посредством так называемой "концертированной акции" пытается в своем духе воздействовать на партнеров тарифных соглашений. В этом "концерте" представители важнейших государственных, хозяйственных и социальных интересов должны так "сыгратья" друг с другом, чтобы, насколько это возможно взаимно, согласовать свое политико-экономическое поведение, не связывая себя, однако, твердыми соглашениями. Эта акция несколько лет подряд откладывается, но все снова обсуждается".

В германской политической системе тесно переплетены между собой законодательная и исполнительная власть, ведь имеющий огромную власть канцлер избирается не

"плебисцитом", т.е. прямыми народными выборами, а бундестагом. В случае, если в бундестаге меняются местами оппозиционная и правящая коалиции, то и канцлер переизбирается. Тем самым, здесь практически маловероятна ситуация межпартийного противостояния исполнительной и законодательной властей. Она возможна, правда, лишь как противостояние дух палат: бундестага и бундесрата.

Но бундесрат, рожденный исполнительной земельной властью, ориентирован не на "высокую политику", а на качество законов, на их исполняемость. Поэтому все противоречия между палатами до сих пор улаживались согласительной комиссией палат.

Такая "корпоративность", "слепленность", системная согласованность германской политической элиты – это непосредственное воплощение ценностных основ нации. Именно корпоративностью германской политической системы больше всего недовольны американцы. Здесь они видят опасность для демократии, основанной на "сдержках и противовесах" (более точно – "сдержках и колебаниях"):

"Государственные органы, политические партии и союзы интересов вступили в нынешней системе в симбиоз, который в современной политологии рассматривается как корпоративизм. При этом различают авторитарный корпоративизм, существовавший в руководимых государством, тоталитарным по своей тенденции, общественных организациях (сословия при фашизме, массовые организации при коммунизме). Кроме того, существует корпоративизм либеральный, при котором на основе принципиальной автономии союзов происходит взаимопроникновение государства и союзов. В нем участвуют также и политические партии. Можно не считать с тем, достаточно ли удачно избрано понятие корпоративизм. Оно означает своего рода переплетение крупных организаций, партий и государственных органов, из взаимодействия которых, как правило, рождаются экономические и социально-политические решения современного государства".

И, действительно, корпоративная система способна генерировать "трансцендентную" политическую волю, которая может разрушить все формальные сдержки представительной демократии и вновь вернуть страну к архетипу "народного государства", уродливыми детьми которого, как мы знаем, были нацистский и коммунистический режимы.

Но, с другой стороны, народная воля германской нации обусловлена не ценностями самодержавия и централизма, а ценностями многообразия и партикуляризма. Только в болезненном состоянии длительного раскола и слабости нация родила сначала вильгельмовский "нацизм", а потом и "настоящий" – гитлеровский.

Правда, К. Зонтхаймер считает нынешнюю политическую систему не воплощением партикуляристских ценностей германской нации, а облагороженной либеральными оккупантами и, соответственно улучшенной, системой веймарской республики:

"Политическая теория плюрализма внесла свой положительный вклад в то, что демократия в Германии понимается не как эманация руссоистской общей воли, а более сообразно – как происходящее по признанным правилам соревнование конкретных социальных интересов. Благодаря этому традиционная немецкая теория государства как блюстителя объективного общего интереса и воплощения нравственной идеи (Гегель) утратила свое политическое значение".

Впрочем, тот же автор с гордостью говорит и о том, что "отождествление политической культуры с нормативным кодексом политического поведения казалось тем более уместным потому, что, традиционное немецкое понимание культуры, связанное с идеей прекрасного, истинного и доброго, как и прежде, живет в гражданской традиции и легко поддается переносу на политику. Эстетические мерки традиционного буржуазного понятия культуры заменяются нормами политической морали, уважение которых неотъемлемо от добропорядочной демократии".

К. Зонтхаймер уверен и в исконном миролюбии немцев:

"Политическое сознание немцев и их политическое поведение в современную эпоху определяются, таким образом, многими историческими факторами, зачастую порожденными противоположными тенденциями. Однако образ бряцающих саблей, бахвалящихся немцев, образ Германии реакционных прусских юнкеров, воинствующих милитаристов и подобострастно вытянувших руки по швам верноподданных возник только в начале XX столетия. Именно он прежде всего определил отношение западных демократий к немцам.

Такая Германия, запечатленная в карикатурах либеральной прессы, никогда не была всей Германией, а тем более не является ею сегодня".

Но чувство вины и ощущение неуверенности все еще довлеют над немецкими интеллектуалами, которые продолжают доказывать всему миру, что "они сейчас другие":

"Национал-социализм с его империалистической и преступной политикой, с его доведенной до гигантизма технократической романтикой, с бесчеловечным расовым учением и хорошо смазанным механизмом тоталитарного государства вновь распространил по всему миру негативный образ немца и сформировал его как стереотип. Сегодня, когда немцы по праву считают, что они другие, когда они, наконец, серьезно воспринимают демократию, им трудно понять, что их "имидж" за рубежом все еще определяется отрицательным опытом, приобретенным человечеством в период 1914-1945 годов".

В современной германской общественной системе оригинально и адекватно проявился не только партикуляризм, но и экклесиальность.

Например, "важнейшая причина функционирования профсоюзной системы в духе регулирующего конфликта социального партнерства – членский охват наемных работников не по профессиям, а по предприятиям. Слесарь бумажной фабрики входит не в профсоюз металлистов, а в профсоюз работников бумажной и керамической промышленности. Таким образом удается избежать столь частых в других западных странах парализующих сепаратных стачек мелких групп".

Почему членство не по профессиям, а по предприятиям является реализацией именно экклесиальности? Потому, что "предприятие" и его коллектив локальны и конкретны, также как и "народное собрание, в то время как "профессии" объединены преимущественно интересами, пусть идеологизированными интересами, а не личными отношениями и личным участием.

Опасность дальнейшей корпоративизации германского государства в сторону тоталитаризма является мнимой. Как это часто бывает, политики и политические системы борются с собственными страхами, тогда как рядом вырастают реальные опасности, еще не распознанные и "невинные".

Нынешняя система германских "сдержек и колебаний" направлена на предотвращение возвращения нацизма в любых формах. Также она направлена против неустойчивых состояний, воспользовавшись которыми, нацизм может прийти к власти. Это борьба против теней прошлого, потому что немецкая нация уже вполне излечилась от нацизма. Причем наступает очередной ее критический период (2005-2053) – это третья четверть большой осени или "зимы осени", когда, как уже не раз бывало, взрыв партикуляризма фатально ослабляет германский национальный организм.

Для немцев любая зима большого сезона является испытанием. Испытанием рознью, расколом, междоусобицей.

РЕАЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ ПОРОКИ "ГЕРМАНУС-ПОЛИТИКУС"

В прошлом продолжают все же видеть не живые ценности и примеры для подражания, а "пережитки", "препятствия", которые, по умолчанию, следует преодолевать, исправлять на пути к истинному либерализму американского или английского образцов.

Одним из таких "родимых пятен" отвергаемого в целом прошлого считается этатизм:

"Среди продолжающих действовать традиций прошлого на первом месте следует назвать этатистскую, которая после века религиозных войн развилась в абсолютизм. В Германии государство всегда значило особенно много. Гегель поднял его значение до реализации нравственной идеи, а его многочисленные эпигоны видели государство в роли укротителя не упорядоченного без него общества. Государство служило воплощением общественного блага и, даже стоя до 1918 г. над партиями, оно отлично блюло интересы господствующего класса. Но ему все же удавалось изображать свою политику как ориентированную на общее благо. Немецкое политическое мышление с середины XIX в. рассматривало несформированное общество как противоположность сформированному государству. Оно считало государство не политической организацией общества, а неприкосновенным инструментом обеспечения и упорядочения общественных отношений.

Соответственно, дисциплина, долг и послушание постоянно ставились на шкале ценностей выше, чем свобода, индивидуальность, оппозиция.

Из этой установки выросли неприязнь к общественной спонтанности, трудности восприятия партий и представительств интересов иначе, чем в качестве манифестаций партикулярных интересов, направленных против государства как воплощения всеобщего интереса".

Другим серьезным пороком немца является аполитичность:

"В довольно непрочной связи с этатизмом находится все еще действующая традиция аполитичного немца. Она является продолжением в эпоху демократии мировоззрения верноподданного авторитарного государства. Выражается она в том, что политика рассматривается не как потенциальное дело всего народа, а преимущественно как дело тех, кому принадлежит ею ведать.

К традиции ограничения себя сферой своего дома и быта, преданности культу интимной жизни немцев, идущей от пиетизма и филистерства, добавляется все еще распространенный взгляд, что политика – не для порядочного человека, она его только пачкает. Впрочем, такая идеология благоприятна для приспособленцев и карьеристов и именно потому она подкрепляет господствующее у многих граждан негативное представление о политическом гешефте и его процедурах".

Третий "великий порок" немца как человека политического – это идеализм или, иными словами недостаток политического прагматизма:

"В политическом мышлении Федеративной республики, а особенно в политических теориях, выдвигающих абстрактные критерии, видны следы той традиции, которую для краткости можно назвать теорией немецкого идеализма. Идеалистическая традиция нашей политической культуры тесно связана с традициями этатизма и аполитичности. Но при этом ее характерным выражением служит такой образ мышления, при котором обнаруженные политические и социальные отношения измеряются идеальным масштабом, что приводит к более или менее уничтожающему выводу насчет этих отношений. На основе подобной традиции в Германии развивалось непримиримое противоречие между властью и духом".

Отсюда их неспособность зачастую признать позитивную роль институализированного конфликта, конкуренции и соревновательности в политической жизни:

"Значение традиции сказывается, далее, в неспособности большинства немцев видеть в ограниченном и упорядоченном конфликте средство продуктивного формирования общества. Немцы стремятся к гармонии, к связывающему всех воедино национальному сообществу, которому они охотно подчиняют интерес к честной конкуренции и открытому соревнованию. Так, например, порядок внутри партий для них не только проблема взаимоотношений между массой членов этой партии и ее руководящей олигархией, но и проблема боящейся конфликтов немецкой общественности, которая охотно истолковывает внутренние разногласия в политических группах и споры внутри них и между ними как признак слабости. Конфликты становятся в этой перспективе выражением несовершенства данного социального строя.

На этом фоне можно объяснить время от времени вспыхивающий интерес немцев к социальным утопиям, к общественным проектам, не знающим конфликтов и разногласий".

Мешает немцам и чрезмерное развитие формальной юридической логики, которую применяют зачастую и к вопросам, имеющим чисто или преимущественно политический характер, там, где необходима воля, видение и компромисс, а не "буква":

"И, наконец, следует упомянуть еще об одном свойстве немецкой политической жизни, которое продолжает почти нерушимо существовать и в Федеративной республике. Это тенденция облекать политические проблемы в одежду формальных правовых проблем и обсуждать их с юридических точек зрения. Данную тенденцию можно отнести прежде всего на счет юристов, образующих становой хребет германской бюрократии и организаций интересов, налагающих свой сильный отпечаток на общественную жизнь".

ПРУССКИЙ ФАКТОР

Пруссия, после объединения Германии, снова становится ключевым участником в большой германской игре. Онемеченная прусская нация, которая, как это ни странно,

довольно уютно чувствовала себя в советском блоке, сейчас очень болезненно приживляется к общегерманскому организму ФРГ:

"Радости и удовлетворению, вызванным столь неожиданно ставшим возможным объединением Германии, грозит опасность оказаться поглощенными теми огромными проблемами и тем тяжелым бременем, которые несет с собою процесс этого воссоединения. Сегодня уже никто не может дать надежный прогноз относительно удачного проведения отдельных этапов преобразования бывшей ГДР в приближающуюся к западногерманскому индустриальному обществу социальную структуру. Во всяком случае, этот процесс, которому предстоит длиться еще долго, являет собой исключительный вызов германской политике, а также и германскому обществу, отвечая на который выросшая за 40 лет западногерманская демократия, распространенная теперь на земли бывшей ГДР, должна выдержать действительное испытание".

ГДР была государством пирамидального ("верхового") порядка, естественно воплощая ценностный код пруссов:

"ГДР была государством СЕПГ. Прочие партии, правда, не были устранены с политической арены, поскольку следовало сохранить демократическую видимость многопартийной системы. Но они были обязаны раболепно признавать руководящую политическую роль СЕПГ и влачить существование в качестве так называемых блоковых партий целиком под ее эгидой. СЕПГ хотя и предоставила им некоторые второстепенные функции и мандаты, однако до самого конца не опасалась никакой оппозиции с их стороны. Партии блока были фактически унифицированы".

"Естественность" партийного централизованного государства стала причиной его устойчивости, несмотря на диктат Москвы и органичную неэффективность социалистической экономики:

"При Ульбрихте в 1952 г. было принято решение о "планомерном строительстве социализма", и оно осуществлялось всеми средствами государственного насилия. Именно Ульбрихт учредил в ГДР социалистическую систему, которая несмотря на внутренние проблемы, связанные с ее экономическим потенциалом и эффективностью организационных форм, превратилась в особенно успешно развивавшееся государство и в самого надежного во всей советской империи партнера СССР. Именно Вальтер Ульбрихт заложил и силой закрепил те экономические и социальные основы ГДР, на которых базировался и продолжал действовать дальше его преемник Эрих Хонеккер".

Именно ценностная "естественность" ГДР стала основой для далеко зашедшей национальной идентификации населения с восточно-германской республикой и ее обществом, а также стимулировала небезуспешные попытки перехватить у СССР роль "знаменосца социализма":

"Так, с 1961 г. в ГДР началась фаза более сильной идентификации населения с навязанной ему социалистической системой, поскольку никакой альтернативы у него более не было. Под этим знаком шло относительно последовательное дальнейшее развитие и укрепление социалистической системы в ГДР.

Консолидация государства СЕПГ прогрессировала при Вальтере Ульбрихте в 60-е годы так быстро, что шеф этой партии и он же Председатель Государственного совета ГДР решился даже поставить под вопрос руководящую роль Советского Союза и образцовый характер его системы. Он предпринял осторожную попытку несколько высвободить ГДР из-под абсолютного советского господства. Мол, ГДР должна сама стать успешно осуществляемой моделью социалистического государственного строя и подлинного "человеческого сообщества".

И все же, уже в семидесятые годы, когда отставание от Запада стало слишком большим, когда в советском блоке все более заметными стали маразматические проявления, в ГДР началось накопление недовольства и усилились сторонники западногерманской модели развития. Но система оставалась стабильной:

"Полное отгораживание от Запада уже нельзя было проводить после договора об основах отношений между ФРГ и ГДР и общеевропейского совещания. Несмотря на растущее недовольство населения ГДР (которое, даже при определенном улучшении материальных условий жизни, не могло мириться со своими ограниченными жизненными

возможностями, а особенно с препятствиями для поездок на Запад), укрепившаяся в ГДР структура власти никогда не подвергалась серьезной опасности... общество ГДР в 80-х годах стало более живым, лабильным и уже не безоговорочно подчинялось давлению сверху. Однако никакая опасность для сохранения тоталитарной системы и структуры власти не могла вырасти из внутреннего развития, из стремления к изменениям и улучшениям".

Прусссы (пруссаки) – носители ценностей централизма, а не партикуляризма. Если бы им не удалось объединить Германию в XIX веке, то все германские болезни протекали бы легче и "протекли" бы значительно быстрее.

Думаю, что безумия гитлеровской диктатуры не было бы, хотя, может быть, случилось другое безумие. Причем, случись оно в 50-х годах, то, вероятно, мир сейчас лежал бы в радиоактивных развалинах. Поэтому не будем оценивать, что лучше и, тем более, сожалеть о бедной Германии, ставшей добычей "злодеев-прусссов". Что случилось, то стало нашим общим достоянием, как опыт, как предостережение, да и как послевоенный расцвет.

Будущее значение прусского фактора, чуждого природе германского духа, но имеющего "пропуск" не только к германским комплексам, но и в германскую политическую и социальную систему, более подробно рассмотрим в прогнозной главе.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ПАРТИКУЛЯРИЗМ

Что еще роднит политическую систему современной Германии с ее славным прошлым?

Социальным фундаментом Германии являются десять тысяч коммунальных общин, городских и сельских, а ее первыми социально-политическими этажами являются парламенты и правительства федеральных земель. Замечательным проявлением германского партикуляризма является система, при которой органы центральной власти полагаются в реализации своих решений на аппараты земельных правительств:

"Организация управления Федеративной республикой – в основном дело земель. Большинство федеральных министерств для реализации принятых ими решений собственного административного аппарата не имеет, а пользуется помощью и содействием земельных управлений. Федерация обращается к ним с указаниями, дает поручения и воздействует изданием распоряжений на конкретное проведение ими в жизнь положений законов. Тот факт, что конкретная, детальная работа должна обеспечиваться землями, создает исключительно сильные позиции бундесрата в процессе законодательства, которые, не в последнюю очередь, проявляются как соучастие в административной деятельности. Отсутствие центрального единого управления, хотя и несколько усложняет административный процесс, не может все-таки рассматриваться как главная слабая сторона германской управленческой системы. Напротив, сотрудничество между Федерацией и землями отлажено довольно хорошо и придает землям через бундесрат тот вес, который никак нельзя недооценивать".

Важная роль бундесрата в политической системе ФРГ стала следствием победы германской традиции в острой политической дискуссии:

"Обсуждалась альтернатива. Можно было либо принять принцип сената, предусматривавший образование второй, формируемой федеральными землями палаты, депутаты которой избираются народом путем прямого голосования, либо позаимствовать из прошлого традиционный германский принцип совета, при котором члены второй палаты стали бы представителями правительств земель, связанными их инструкциями. Решение было принято в пользу традиции. Это значит, что бундесрат (федеральный совет) представляет интересы земель в федерации через назначенных, а не избранных представителей земельных правительств. Соответственно этому принципу, представительство земель функционирует в процессе формирования государственной воли преимущественно как инструмент исполнительной власти и бюрократии, а не как дополнительный орган демократического волеобразования".

Победа традиции тем более значительна, что в силу различных причин субъекты федерации уже не были автономными и естественными государствами, сложившимися в XVI-XVIII веках, а их население в лихие годы после германского объединения было сильно перемешано:

"Исторически германское федеративное государство (первоначально – союз князей) было альянсом исконно суверенных государств, объединившихся для того, чтобы придти к формулированию единой политической воли для нации в целом. При этом не должна была терпеть урона исторически сложившаяся индивидуальность государств-членов, по национальным причинам объединившихся в этом федеративном единстве. Поэтому задача германского федерализма заключалась в том, чтобы сохранить исторически выросшее многообразие отдельных государств, будь то Пруссия, Бавария или Гессен, и вместе с тем добиться их общего взаимодействия во всех вопросах национального единства. Германский федерализм был легитимирован в первую очередь исторически, а уже во вторую – конституционно-политически.

Однако эта историческая основа германского федерализма была в основном ликвидирована в результате унификации земель национал-социализмом и нового переустройства земель оккупационными державами.

В сравнении с историческим воплощением германского федерализма в 1871-1918 годы и в 1919-1933 годы, после второй мировой войны было осуществлено по большей части совершенно новое разделение западногерманской территории на земли и сделано это – властным решением оккупационных держав.

За исключением Баварии и ганзейских городов Гамбурга и Бремена, 11 земель старой Федеративной республики – это вновь созданные государства, в которых отсутствует как историческая традиция, так и отчетливый признак этнического различия их жителей. Перемещение беженцев и переселенцев после 1945 г. и связанная с развитием индустриального общества социальная мобильность населения, хотя и не устранили этнических различий германских провинций, но все же сильно стерли их. Таким образом, в германских федеральных землях едва ли можно видеть действительно особые государственные образования. Скорее, речь идет о территориальных корпорациях с формальной государственной структурой, которые материально сохраняют лишь незначительную самостоятельность".

И все же, современную Федеративную Республику можно считать вполне естественным политическим образованием, то есть основанным не на расчете и балансе формальных признаков, а на "естественном национальном праве" и традиции. Цитируемый здесь автор признает это, говоря о роли традиции и о "бесчисленных договорах", столь естественных для горизонтально-ориентированного германского правового сознания:

"Земли (за исключением образования юго-западного государства, созданного из Бадена и Вюртемберга) не смогли создать уравновешенное новое административное деление территории Федеративной республики, предложенное еще в 1948 г. западными оккупационными державами и предусмотренное с конституционно-правовой точки зрения статьей 29 Основного закона. Маленькие и большие земли, финансово сильные и слабые, города-государства и сельские государства продолжают существовать рядом друг с другом. Это объясняется тем, что не удалось создать федерацию из 5-7 более или менее равновеликих и экономически равноценных федеральных земель, что было бы оптимальным для федеративной структуры республики. Главным препятствием для разумного, сбалансированного переустройства структуры земель было не столько специфически земельное сознание населения. Решающими стали собственные интересы земельных политиков и бюрократов, а также растущий вес возникшей после 1945 г. традиции.

Практика германского федерализма в области координации и кооперации, поддерживаемая бесчисленными межгосударственными договорами и соглашениями между землями или между федерацией и ими, в значительной мере осуществляются помимо народных представительств. Практикуемый федерализм – преимущественно дело бюрократов; он в значительной мере избегает парламентского контроля".

КОММУНАЛЬНЫЙ БАЗИС

Коммунальная Германия, несмотря на слухи о ее болезни и даже смерти, несмотря на бесконечные разговоры о необходимости ее коренной реформы, остается политическим и социальным базисом германского общества:

"Понимание структуры коммунального устройства Западной Германии затрудняется также множественностью форм этого устройства. В одних общинных управлениях действует дуалистический, а рядом – демократический принцип; то они функционируют в форме советов, то власть осуществляется бургомистром. Отдельные земли, обладающие законодательной компетенцией по вопросам коммунального устройства, создали различные коммунально-политические структуры. Отчасти доминируют традиционные формы самоуправления, отчасти – учреждения, введенные оккупационными властями (прежде всего – в бывшей английской зоне оккупации)...

Политическая жизнь германских общин построена по демократическим принципам: регулярно проходят выборы; исполнительная власть в основном контролируется представительными органами. Однако коммунальная политика лишь в очень ограниченной мере сделалась ареной для обучения гражданина демократической практике. Едва ли верно популярное предположение, будто граждане в сфере коммунальной политики гораздо ближе стоят к собственным проблемам и потому принимают более заинтересованное участие в их решении. Лишь в определенных случаях удается мобилизовать интерес широких кругов к коммунально-политическим проблемам. В коммунальной политике более крупных общин и городов доминируют сложные технические вопросы обеспечения общественного блага в век техники, между тем как в общинах помельче все еще преобладает местничество на базе локальной элиты. Рядовой гражданин равно отстранен как от одного, так и от другого.

Но и в коммунальной политике мы в общем и целом имеем дело с теми же самыми партийными группами, что и на федеральном уровне. Именно коммунальная политика послужила некоторым политикам трамплином для прыжка в большую политику. Однако в коммунальной политике чаще происходят знаменательные отклонения от национального образца политического поведения".

Попытки реформировать коммунальную структуру Германии в основном были отторгнуты самой коммунальной системой. Сам этот факт убеждает в том, что коммунальные общины остаются реальным социальным базисом Германии. Реформа 70-х годов "сократила число самостоятельных общин в Федеративной республике с 25 тыс. до примерно 10 тыс. Вокруг этой территориальной реформы развернулась острая политическая борьба, а планировщики не всегда достаточно считались с интересами граждан и исторически сложившимися структурами. Поэтому достигнутый результат (не в последнюю очередь, с точки зрения демократического участия населения) не получил однозначно положительной оценки. Движение гражданских инициатив, все более становившееся критическим фактором коммунальной жизни во многом находило свои импульсы в борьбе против планирования, чуждого интересам граждан".

СОСКАЛЬЗЫВАЯ В КРИЗИС

Земельный, почвеннический характер немецкого сознания все больше подрывается самим ходом развития современной цивилизации, подобно тому, как тысячелетние памятники разрушаются в течение десятилетий самим воздухом современного города. Тем более, что и земли – субъекты федерации, различия между которыми еще в двадцатых годах XX века были очень значительны, в результате практики фашистской диктатуры, войн, переселений, индустриальной и постиндустриальной революций, потеряли большую часть своей культурной уникальности и социального своеобразия. Тем более, что произошли массовые переселения населения и происходит непрерывная его ротация вследствие изменения экономических условий (сейчас в Германии, как и в США, люди меняют место жительства вслед за местом работы).

Можно сказать, что немцы ФРГ уже потеряли часть своей коммунальной и земельной идентичности. Не опасно ли это? Кроме того, разрушаются семьи и выхолащиваются церковные общины. Не происходит ли и процесс выхолащивания личности? Общество подает сигналы SOS – опасно...разрушаются...выхолащивается... К. Зонтхаймер считает эту опасность серьезной:

"Эти альтернативные ценности частично приходят из мира свободного времени, а частично объясняются решительной оппозицией разрушению гуманного образа жизни индустриальной экспансией и лежащей в ее основе рациональностью. Эту непрочную связку

представлений о ценностях именуют постматериалистической. Путем эмпирических исследований констатируется, что постматериалистическая установка (или ментальность) находит в нашем обществе все больше сторонников, хотя овладеть большинством населения еще не в состоянии. Типично постматериалистическими ориентациями считаются заинтересованность в участии, подчеркивание качества жизни в противоположность количественным показателям, требование самоопределения или самореализации личности. Иными словами: когда мы говорим об изменении сознания индустриального общества речь идет об отказе от описанной Максом Вебером пуританской трудовой морали и производственной этики и об обращении к отчасти анархическим, отчасти романтическим ("назад к природе"), а отчасти и гедонистским жизненным ориентациям, свидетельствующим о кризисе культуры современного индустриального общества.

Положение вещей еще очень зыбко, чтобы можно было рискнуть делать надежные прогнозы насчет будущего общественного развития. Однако неоспоримо одно: проблемы и вызовы германского общества в 80-е годы и позднее носят частично иной характер, нежели во времена экономического чуда. Социальный консенсус относительно целей и основ общественного развития размягчился и стал предметом спора политиков. Новый консенсус должен сначала возникнуть в ходе социальных споров в поисках ответа на технологическое и экономическое развитие. В настоящее время общество Федеративной республики находится в фазе переориентации, даже перелома, которые заметным образом непосредственно воздействуют на политику. Из относительно стабильного, лишь слегка разделенного конфликтами общества послевоенной эры, мягко говоря, возникло "беспокойное общество".

"АМЕРИКАНИЗАЦИЯ"

Унификация, которую насаждали вильгельмовская и гитлеровская власть, сейчас входит в жизнь под привлекательными обложками демократии, повышения качества жизни и престижа германской экономической модели.

На сцену снова выходит двумерный человек. Он смотрит с глянцевого обложки справочника посолторга, почти как настоящий. Но ведь за его широкой улыбкой души нет.

Она есть у американца, душа которого – в бизнесе и в вечном покорении Дикого Запада. Но ее нет у журнально-глянцевого немца, поскольку душа немца в мистическом теле общинной империи-содружества, в своей, охватываемой глазом и чувством коммунальной общине. В общем, перефразируя – что американцу хорошо, то немцу – смерть:

"Устойчивые ранее партии превратились в рыночные институты. Их политические деятели все больше и больше считают себя экспертами по коммуникациям, причем на первом плане стоит краткосрочный успех, исчисляемый количеством поданных голосов, а вовсе не ориентация на прочные принципы и раскрытие перспектив будущего. Налицо лишь поверхностное и прагматичное следование сиюминутным интересам электората.

При этом внимание партийных стратегов крупных народных партий направляется в первую очередь на политически не связанные средние слои, на изменчивую политическую позицию которых они едва ли могут однозначно полагаться. Отсюда просматривается тенденция утраты определенного профиля прежде определявшей их социально-политической среды, из которой крупные партии черпали своих сторонников. С другой стороны прагматическая стратегия партий еще более усиливает тенденции разложения. Партии расплачиваются за это потерей собственной общественной почвы и становятся игровым полем для нового класса политических менеджеров, которые все сильнее поддаются соблазну служить не политической партии и ее избирателям, а прежде всего собственным интересам. Этот процесс во многом содействует теперь всеми наблюдаемому падению доверия к политикам".

Превращение партий в рыночные институты, естественное для американской культуры, в среде германской культуры приводит к накоплению кризисного потенциала – к очень опасному кризису доверия:

"Главной же слабой стороной является хотя всегда латентно существовавшее, но уже в начале 90-х годов открыто проявившееся общее недовольство значительной части населения

своими политическими партиями. В публичной дискуссии этот феномен получил наименование "досады на партии" или "отчуждения от партий".

Развивается опаснейший синдром двуличия, болезненной раздвоенности политической морали:

"Немецкому политическому мышлению с его этактистской традицией все еще становится не по себе, когда говорят о "власти союзов". Все еще продолжают считать, что (в соответствии с отжившей теорией дуализма государства и общества) влияние общественных интересов на политические решения нелегитимно. Союзы же, со своей стороны, учитывают это обстоятельство, постоянно пытаюсь создать вокруг своих особых интересов ауру всеобщего блага и внушить общественности, что учет именно их интересов служит этому благу. Это вносит в германскую политику интересов немалую долю неискренности и мировоззренческого пафоса, вступающего в конфликт с прагматической ориентацией данной политики. Поэтому берлинский политолог Эрнст Френкель (на фоне гораздо менее предвзятой в указанном отношении американской демократии) представляет точку зрения, что Федеративная республика страдает от "недоразвитого плюрализма". Подразумевается не слишком малый объем деятельности групп интересов в германской системе, а напротив, та стыдливость и неискренность, с какой легитимируется и осуществляется власть интересов".

Постепенное омертвление государства проявляется и в том, что живые политические вопросы попадают в формальные сети чрезмерно разросшейся юридической системы, где и решаются либо в духе оскотенной политкорректности, или не решаются вовсе:

"В обширной литературе о германской конституционной юрисдикции немалую роль играл вопрос, не превращают ли столь сильные полномочия этого суда правовое государство в государство юстиции, а государство законов – в государство судей, или, иначе говоря, не ведет ли это к превращению политики в юридическую казуистику.

Конституционная юрисдикция может действовать внутри политической системы тем эффективнее, чем реже она использует действительную функцию подсудности Суд способен тогда выполнять свое предназначение, когда рассматриваемые дела имеют преимущественно правовой характер. Если же речь идет прежде всего о политических вопросах, то он по самой своей природе плохо подготовлен к вынесению обязательных к выполнению решений".

Таким образом, "американизация" германского общества представляет собой все более возрастающую его неадекватность новой динамичной действительности, научно-техническим и другим цивилизационным вызовам. То, что преподносят как исправление немецкой отсталости от идеальной, т.е. американской, модели, помочь не может, травмируя и раздражая немецкое общественное сознание, "Идеальные рецепты" в лучшем случае бесполезны, в худшем – вредны.

Правда, германский организм пока отвергает "правильные рецепты", предпочитая "неправильные" свои. Но впереди зима германской осени, а с нею и бунт партикуляризма и расцвет патентованных советов и советчиков. Возможна и американизация без кавычек, американизация как новая германская болезнь.

VI. ГЕРМАНИЯ ЗАВТРА

БУНТ ПАРТИКУЛЯРИЗМА: ОТ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ К КОРПОРАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Так что же впереди? Бунт исконно-германского партикуляризма? Или американизация? Впереди бунт. Но его разрушительная сила направлена, прежде всего, против самих немцев. Ведь впереди эта самая третья четверть большой осени.

В чем может проявиться "зимне-осенний" разгул партикулярных страстей в Германии 2005-2053?

С огромной разрушительной силой он проявится в коммунальной реакции, интегрированной в общеземельную реакцию. Впрочем, земельная реакция будет не столько "беспричинной" реакцией базовых партикуляристских ценностей на неадекватную им действительность, сколько целенаправленной реакцией на революцию другой центробежной силы – революцию крупных компаний, объединившихся в отраслевые общеевропейские корпорации.

Эти корпорации интегрируют в себе власть предпринимательских и трудовых союзов, власть собственников и менеджеров. Они обопрутся в стране на мощную технократию и попытаются интегрировать в себя земельную бюрократию. Крупные корпорации, сделав базовыми какие-то германские земли, тем самым попытаются приручить власти и население этих земель. Очень существенной станет поддержка, оказанная этим корпорациям со стороны общеевропейских властных и лоббистских структур.

Получится, как при Штауффенах: насаждение жесткой зависимости вовне Германии, дезинтеграция внутри страны.

Но до середины 20-х годов XXI века власть "отраслевых корпораций" еще не будет жестко институционализована. Германия переживет первичный кризис партикуляризма, который и запустит весь механизм "средне-зимнего" кризиса – откроет дорогу власти отраслевых гигантов.

Произойдет все тот же "бунт ценностей" как ценностей земельных, в центре которого будет находиться земельная "аристократия" (бюрократия). Поводом, возможно, станут противоречия между восточными и западными землями, резкое ухудшение отношений между немцами и проживающими в Германии иностранцами (прежде всего турками и, наверное, итальянцами), усиленные экономической стагнацией, американскими интригами и коррупционными скандалами в ведущих партиях.

Земли Южной Германии взбунтуются против программ помощи Восточной Германии, а также против расточительной, с их точки зрения, общеевропейской интеграционной политики страны. В результате Германия политически расколется на "восточников" и "южан". К обоим блокам примкнут различные среднегерманские "аристократии", что расколется страну примерно надвое, на два противостоящих друг другу политических лагеря.

Борьба разгорится уже в середине десятых годов XXI века и до начала двадцатых годов она будет отвлекать основное внимание федерального правительства.

Поскольку в это время общеевропейская интеграция делает свои решающие успехи, а экономический рост Германии и всей Европы будет впечатляющим, поскольку американские позиции в Европе существенно ослабнут, постольку Восточно-Германский блок будет олицетворять собой в глазах немцев не только интересы евроинтеграторов, но и интересы германского единства. Поэтому Южно-Германский блок будет побежден и убежден.

РЕВОЛЮЦИЯ КОРПОРАЦИЙ И "РАЗБЕГАНИЕ" ЗЕМЕЛЬ

Но в тени этой борьбы вырастут монстры политических и экономических олигополий и монополий, тесно интегрированных с земельными бюрократиями. Бывшие союзники по Южному блоку: Бавария и Баден-Вюртемберг, как и во времена гвельфов и гибеллинов, станут отчаянными конкурентами между собой и превратятся в носителей наиболее опасных для германского единства идей земельного автономизма.

Баден-Вюртемберг экономически будет усиленно интегрироваться с Швейцарией и Францией, а Бавария – с Австрией, Чехией, Венгрией и Италией.

После корпоративной революции двадцатых годов XXI века германское многообразие позволит наблюдать удивительные явления разбегания германских земель "по соседям". По многим критериям Баден-Вюртемберг будет частью Франции, а не Германии. Баварию можно будет "записать" частью Италии.

А восточно-германские земли станут перекрестьем влияния Польши и западногерманских земель. Эта посредническая роль поможет восточно-германским землям вновь утвердиться в качестве равноправных и равно-богатых с западно-германскими землями.

Прусский национально-общинный организм в 2005 году вступает в первую четверть большой зимы или в "лето зимы". Это сравнительно благоприятный период, когда интеллект нации достигает вершин трезвости и объективного познания мира и себя. Но ее душа представляет собой ослабленное существо. Это мудрость благородной старости, если благородство сдерживает порывы и комплексы. Это череда просветлений и срывов – взрывов, как правило, бессильной злобы, если благородства не хватает.

Надеюсь, что в первой половине XXI века пруссакам-пруссам уготована благородная роль. Хотя бы потому, что их много меньше в Германии, чем собственно немцев. Они перенесли тройное поражение своей политической доктрины. Они пережили крах системы, созданной Бисмарком и Вильгельмом I, и извращенной Вильгельмом II, также системы, созданной Гитлером и, наконец, системы, созданной Ульбрихтом и Хоннекером. Да и не они присоединили к себе Германию, а Германия их присоединила к себе.

Пруссии в единой Германии XXI века уготована роль стабилизатора. Роль центростремительного стабилизатора станет для Пруссии основной и благодарной. А также роль посредника и проводника в германо-славянском сближении. Славянско-германское сотрудничество станет одним из "козырей" Пруссии, которая и станет его центром.

В двадцатых годах XXI века Германия уйдёт в "троянский поход" за землями и славой в пределах Западной и, меньше – Восточной Европы и, действительно, добьётся многого, но, в отличие от Одиссея, не обретёт себя, а потеряет.

Поэтому, уже в тридцатых годах XXI века в Германии начнет усиливаться и твердеть убеждение в том, что процессы европейской интеграции надо остановить, занявшись интеграцией самой, уже изрядно дезинтегрированной, Германии.

Парадоксально, но к 2050 году прусский Восток будет дальше от германского Запада, чем в 2000 году. Пруссия будет чувствовать себя уютно на перекрестье славянского и германского миров.

В начале XXI века многим немцам представляется, что наступает благословенное время общеевропейского единства, в котором Германия будет сердцем и сердцевиной, в котором немцам уготована хлопотная, но благодарная и благородная роль старшего брата.

Но, проблемы объединения, воспринимаемые сначала как законные хлопоты по обустройству в новом доме, окажутся всё же столь нервическими, что просто вымотают душу.

Да и в собственной квартире, в своей семье не всё будет ладиться. То Восток с Югом будут ссориться и скандалить, то вдруг окажется, что в своей квартире он (немец) не хозяин, что назойливые соседи, особенно бесцеремонные южане (итальянцы и испанцы) без спроса и без стука входят и выходят, что-то приносят, что-то выносят, в общем не жизнь, спокойная и сосредоточенная, а цыганский табор, песни, пляски и всё больше под чужую дуду, и при этом ещё заставляют раскошелиться, так что и денег нет, и свободы, и уважения тоже.

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД

Новый национализм, который возобладает в 50-х годах XXI века, уже не будет старым самоутверждением помолодевшей (или считающей себя таковой) нации, это будет досадливое "а ну их!"

Германия повернётся к Западу задом, а к Востоку передом, тем более, что Польша, Украина и Россия с готовностью примут Германию в свою отнюдь не дружную семью; Россия потому, что будет слабой перед китайским проникновением и исламской угрозой,

Украина потому, что давно хочет в Европу; а Польша потому, что получит достаточно удобные и безопасные условия в сотрудничестве с Пруссией-Германией и станет славянским центром славяно-германского сближения.

Германия воспримет свою новую восточную политику как новую миссию, вернее, новое видение исконно германской миссии и попытается противопоставить себя Италии и Франции:

"И все же эти обширные территории, находящиеся в потоке непрерывных изменений, где в грядущие столетия может родиться все – или не возникнуть ничего, внутренне близкие скорее метафизической приглушенности Германии, нежели французской ясной завершенности очертаний, остаются для Франции столь же мало доступными, как и англосаксонский мир. Если этот последний отделен от Франции насыщенной сжатостью и чужеродностью его собственных форм, то западно-восточный регион – мятежной тревогой и такими глубинами, куда французский дух, с присущей ему благородной утонченностью мысли, никогда не осмелится спуститься, застывая подобно ветхому старцу – хотя он отнюдь не стар и дряхл – перед выражающими их суть вечными словами: "Смерть для жизни новой" (А. Вебер).

Германия в первой половине XXI века – это действительно красивая, многообразная и талантливая страна. Здесь, под закатным солнцем, соберется всё великолепие европейской цивилизации, а научная мысль подарит миру великие открытия и изобретения.

Во второй половине XXI века Германия породнится со славянским Востоком, а количество "настоящих" славян, проживающих в Германии, достигнет 15%. Славянская Пруссия станет ещё более славянской.

Но католический ренессанс, который придет в Европу во второй половине XXI века, значительно усилит социальное напряжение в стране, поскольку процесс религиозного возрождения более всего захватит население Южной Германии, меньше – Средней и Северной, ещё меньше – Восточной.

Католическая Польша станет в это время более "протестантской", чем католической страной, не по вере, а по духу времени и ничуть не ослабит это противоречие между светским Востоком и религиозным Югом Германии.

Южная Германия вовлечётся во все процессы итальянского, испанского и французского католического ренессанса и уже в конце XXI века будет смотреть на остальную Германию глазами Южной Европы, а не Южной Германии.

В начале XXII века этот явно обозначившийся раскол Германии на "славянский" Восток и "латинский" Юг вызовет мощную объединительную реакцию общегерманского организма.

Германия снова соберётся с силами и духом, и консолидируется. Но уже в тридцатых годах XXII века Южная Германия будет объединена в союзную Италии швабско-баварско-австрийско-швейцарскую конфедерацию, а Север, Центр и Восток объединятся в конфедерацию с Польшей, Чехией и Украиной.

До конца XXII века "славянизация" Северной Германии усилится. Южная Германия станет полем битвы между находящейся в расцвете Италией и возрождающей Францией.

Дальнейшая история Германии – это история нации в макрозиме 2283-3061. Германия в этот период будет столь же бессильна, как и Галлия периода римского владычества и Италия периода "тёмных веков".

Но, возможно, что Пруссия не даст Германию "в обиду", не позволит отнять у неё язык, а, тем более, ассимилировать или "расташить" по соседям. Прусское господство станет тем самым "иностранным владычеством" над Германией, погрузившейся в "растительное существование". Значит, XIX и XX века были с точки зрения долгосрочной перспективы лишь репетицией будущей германской макрозимы?

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (ЛИЧНЫХ, ПЛЕМЕННЫХ, НАРОДОВ)

А

Августин 20
 Август 14,29,52,61,62,69
 Аврелиан 69
 Аглая 5
 Аглаофем 95
 Адальберт св. 100
 Адельхейда 100
 Адольф Нассауский 117
 Адриан 65,67
 Аламаны 68,69,71,79,80,83
 Аларих 69
 Албанцы 35
 Александр Македонский 16,42,44,56,
 57,63,64
 Альбрехт 117
 Александр Север 68
 Александр фон Баттенберг 147
 Алкуин 18
 Альфельди 29
 Альфесты 95
 Альфонс Кастильский 119
 Амазис 95
 Аммиан Марцелин 68
 Англичане 105,122
 Англосаксы 79
 Андре Шедевиль 127
 Анжуйский граф 97
 Анк Марций 35
 Антоний 14
 Антонины 66,67
 Антемнаты 35
 Аполлон 4,5
 Аполлоний 95
 Арабы 33,66,79,80,83,84,87,92,93,100
 Ариовист 15,16,60,61
 Аркадий 69
 Армений 62
 Арнольд Брешианский 106
 Ассарак 29
 д`Ассас 73
 Асканий 45
 Атанагильда 81
 Аттила 69
 Афиняне 95
 Африканцы 66

Б

Байярд 73
 Басилевс 19
 Бастарны 61,77
 Барокко 22

Бицилис 65
 Беребиста 63
 Бернвард 101
 Бисмарк 144,147,148,160
 Де Бово 138
 Бодричи 132,134
 Боруссы 122,134
 Бойи 15,63
 Бонавентура св. 101
 Бонапарт 74,138
 Боннар А. 16,55,56,57
 Бонифаций VIII 120
 Боккачо 39
 Бомануар 16
 Бемер Ф. 29
 Бенедектинцы 117
 Биатек 63
 Блюхер 148
 Блуаский граф 97
 Брабантский герцог 135
 Брауншвейгский герцог 139
 Бременский архиепископ 135
 Бродель Ф. 15,17,66,72,83,87,127,128
 Британцы 72
 Брунгильда 81
 Бруно Джордано 39
 Бургунды 15,79
 Бюффон 73

В

Вандалы 15,67,69,79
 Варрон 46
 Вацлав 124,125
 Вебер А. 18,24,26,27,28,71,75,76
 Вебер Макс 148,157
 Вейенты
 Вейи 35,47
 Венгры 100
 Венеды 61,77
 Вестготы 69,81,84
 Велисарий 80
 Вергилий 45,134,149
 Византийцы 80,83,87,92
 Виктория 147
 Вильгельм I 118,143,144,145,160
 Вильгельм II 6,27,118,145,146,147,148
 Вильгельм Голландский 118
 Вольтер 73,74

Г

Ганнибал 16,50
 Галлы 14,15,34,51,66,70,72,74,76,77,78,79,

81,83,84,85,87,91,92,93,94,95,96,99,104,105,
108,135
Галиани 74
Гафурио Ф. 4,39
Гегарт 107
Гегель 26,151,152
Гелиогабал 68
Гейне 13
Геренний Этруск 68
Германцы 5,6,7,13,14,15,16,44,51,52,61,62,
63,65,66,70,72,73,76,77,78,79,81,83,84,85,87,
91,92,93,94,95,96,98,104,105,107,109,113,
117,118,126,131,134,138,142,160
Габсбурги 119,14
Габсбург Рудольф 117
Галсвинта 81
Геродот 6,42,43,95
Гессенский герцог 139
Геты 5,14,15,42,43,44,52,65,66,68,
136,140,149
Гёте 23
Гектор 29
Генрих II 102
Генрих III 102
Генрих IV 73,105,102,103
Генрих V 105
Гейзерих 69
Гьерстад Э. 45
Гийом де Ногаре 120
Гипербореи 5,43,44
Гильдебранд 103
Гитлер 6,27,148,160
Готы 66,67,68,71
Гракс Тиберий 48
Гракхи 52
Грации 4,5
Греки 14,42,44,49,54,55,57,58,66,70,
71,73,75,76,77,78,80,81,92,107
Григорий VII 103,104
Григорий IX 118
Глазычев 5
Гнейзенау 148
Гогенштауфены 119
Гогенцоллерны 148
Гогенлоэ 147
Голландский граф 135
Гольцшу Дитрих 20
Гольдсмит 13
Гомер 22,65,95,149
Гонорий 69
Готы 72,80,83,84
Гуго Капет 97
Гунны 68,69,147
Гумплович 12
Гус Ян 125

Гуситы 125
Гуревич А.Я. 71,82,84,90,91,93,95,98

Д

Давид 18
Даки 5, 14,15,42,43,52,61,64,65,66,68
Данте 20,39,102,149
Дамид 95
Датчане 100
Дарданиды 29
Дарданы 78
Дардан 45
Децебал 64,65
Деций 68
Диакон Павел 35
Дион 95
Дион Кассий 14,44,65
Дионисий 35,46
Диоклетиан 69
Джиоберти 38
Домициан 63,64
Дорийцы 14,53,70,78

Е

Евтропий 67
Егер О. 81,82,84,87,88,92,97,100,
101,117,118,123,124,125,128,129,145
Евфросине 5

Ж

Жанна Д'Арк 73
Жак де Сессоль 22
Жеро Амик 99
Жорж де Ла Тур 138

З

Заксен-Кобургский и Готский герцог 147
Зевс 29
Зонтхаймер К. 141,148,150,157
Золотов Ю.К. 138

И

Иасион 45
Иберийцы 71,73,78
Иван Грозный 146
Иисус 135
Илиада 29
Иллирийцы 45,54,63,78
Иннокентий II 104
Иннокентий IV 20,118
Иоанн Интертурский 21
Иоанн X 99
Иоанн XI 100
Иосия 18

Иосиф 32
 Иордан 66
 Испанцы 95,120,160
 Италики 29,62
 Италиец 32,33,34
 Итальянцы 95,99,104,105,106,107,109,
 120,122,126,135,159,160
 Иуда 147

Й

Йорк 148

К

Кант 12,135,140
 Капетинги 117
 Капис 45
 Камериты 35
 Каракалла 67,68
 Кардинали 29
 Карл Август 139
 Карл V 21,135,136,149
 Карломаны 5,96
 Карл Великий 15,16,18,19,33,34,73,77,
 87,88,94,95,106,117
 Карл VII 127
 Карл Лотарингский 138
 Каролинги 98
 Катон Старший 36,48
 Кельты 5,14,15,22,44,60,63,66,71,
 72,73,75,77,78,79,83,85,94,135
 Кельтиберы 78
 Кинэ 13
 Кимвры 44,60,61
 Кликс Ф. 7
 Клавдий 29
 Клаузевиц 148
 Колосовская Ю.К. 14,15,42,60,61,62,63,64,
 65,66,67,68
 Конде 73
 Константин Великий 64,68,69,103,106
 Констанций Хлор 68
 Конрад II 102
 Конрад III 105,116
 Коммод 66
 Корреджо 39
 Корсиканец 138
 Кроманьонец 7
 Крустумерийцы 35
 Ксенократ 95
 Куманецкий К. 36,37,48,49,53,56,57,58,
 69,70

Л

Лависс Э. 17,21,39,97,99,104,106,107,108,
 111,113,115,116

Лангобарды 80,81
 Латины 22,28,30,35,36,71
 Латиняне 72,73,75,83,84
 Латин 29,45,47
 Лев III 117
 Ле Гофф 16,18,20,21,22,31,72,81,88,90,91,
 101,103,105,117,127,128
 Леодегарий 81
 Леонардо да Винчи 39
 Лотарь Саксонский 105
 Ливий 46
 Луиза 141
 Людовик Баварский 123
 Лютер 23,104,122,125,131,133,134,
 136,137,149
 Лютичи 122,132,134
 Люцифер 134

М

Макиавелли 39,40,41,75
 Максимилиан 6,90,119
 Макробий 4,5
 Македонцы 14,44,51,53,57
 Мария 32,102,137
 Марий 44
 Марк Эмилий Лепид 48
 Марк Фульвий Нобилиор 48
 Марк Аврелий 66
 Маркоманны 71
 Маробод 62
 Мароция 100
 Мартин св. 124
 Мартинус (Мартин Лютер) 136
 Маяк И.Л. 29,35,36,45,46,49
 Меровинги 5,96
 Мессия 21
 Меттерних 139
 Мефистофель 28,70,101
 Мильхиседек 18
 Милль Стюарт 12
 Микеланджело 39
 Мирабо 73
 Моммзен 26,144
 Монголы 77,93
 Мусей 95
 Мюнцер 133

Н

Наполеон I 72,73,118,139,140,143,144
 Наполеон III 144
 Нарсес 80
 Неандерталец 7
 Неметы 44
 Немцы 72,74,91,104,106,112,122,

129,131,134,138,139,140,142,143,144,145,
147,148,150,153,157,159,160

Нибур Г. Б. 29
Ницше 5,7,8,12,1
Нормандцы 105,107
Норманны 97,103,104,105
Нума 30

О

Одиссей 15,19,22,29,33,52,54,55,57,
58,60,70,71,72,76,92,10-1,105,134,160
Одоакр 70,79
Отгон I 18,34,97,100,106
Отгон II 100
Отгон III 100,101,103
Ольденбургский граф 135
Остготы 79
Орест 69,70
Орфей 95

П

Петрарка 39
Петр св. 100
Петр де Винеа 118
Персы 68
Пьер 99
Пьер Абеляр 106
Перуцци Э. 29
Пипин 83,84
Пиренн Анри 15
Пирр 50
Пифагор 95
Платон 95
Плиний Младший 64,65
Плутарх 16,35
Поморцы 77
Португальцы 95
Приам 29,45,47,54
Прометей 32
Прокопий Кесарийский 80
Пруссы 122,132,134,160
Пруссаки 135,139,140,142,154

Р

Рабле 149
Рамбо А. 17,21,39,97,99,104,106,107,
108,111,113,115,116
Рауль Глабер (Безбородый) 21
Рафаэль 39
Рель Д.К. 146,147,148
Ромул 30,31,46,49
Ромул Августул 69
Романовская М.А. 44
Ромейцы 71,80,81

Ростовцев 67
Рем 30,34
Римляне 51,65,66,69,70,71,74,75,76,77,78,
79,80,81,92,103,107
Ричард Корнуэлльский 119
Рудольф Габсбургский 21
Русаки 144
Руссо 13
Русские 76,77,121,134,139

С

Салимбене 20
Сарацины 100,120
Свевы 5,14,15,44,52,61,62,63,68,69
Светоний Г. Транквил 29
Селевк 29
Серапис 5
Сербы 132,134
Сервий 29
Сиагрий 79
Сигизмунд 125
Сигеберт I 81
Сидон 62
Сильвестр II 101
Сицилиец 107
Соломон 18
Соловьев Эрих. 104,132,134,136
София 7,12
Спартак 52,60
Страбон 15,45,61,63,68
Славяне 71,76,77,78,81,100,102,122,125,
128,132,134,135,140,160

Т

Талия 5
Тарквиний Гордый 50
Тацит 35,44,60,62,63,
Тевтоны 44,60,61
Тевтонцы 134
Теодорих 33,80,84
Теодорих III 83
Тиберин 45
Тиль Колюп 20
Тирийцы 78
Тициан 39
Токвиль 13
Траян 16,32,64,65,66,67,68,69,80
Требониан Галл 68
Трибоки 44
Троянец 95
Тудор Д. 65
Тулл Гостилий 35
Турки-османы 70
Турки 125,159

Тюрень 73
Тьерри Огюстен 72

У

Ульбрихт 153,154,160
Узипеты 44

Ф

Фалес 95
Фауст 23,101,137
Фест 35,101
Феодосий I 69
Феодора 100
Феофания 100
Фиденаты 35
Филипп Красивый 38
Филипп VI де Валуа 127
Финикийцы 78,79
Филистимляне 78
Фихтенау Г. 18
Фихте 140
Флор 64
Фосье Робер 126
Форстхофф Э. 149
Франки 15,34,72,77,79,80,81,82
Французы 72,73,74,75,76,77,104,112,
113,122,126,131,134,138,139,161
Фрау Хольде 23
Фракийцы 5,14,42,43,44,51,52,53,60,
61,70,95
Фредегонда 81
Френкель Эрнст 158
Фридрих Барбаросса 39,105,106,107,108,
111,112,136
Фридрих II Штауфен 20,21,38,107,
113,118,119,125,128
Фридрих Великий 139
Фридрих – Вильгельм IV 141,142,143,148
Фридрих III 136
Франсуа Гизо 17
Франчиши 35
Фулье А. 12,13,38,73,74,75,76,77,104,131

Х

Хариты 5
Херуски 62
Хильперик I 81
Хонеккер Эрих 154,160
Хлодвиг 79,81,92
Хлотарь II 81
Христос 32,55,135

Ц

Цезарь 15,40,52,60,61,65,66,77,80,84
Циркин Ю.Б. 78
Цицерон 134

Ш

Шекспир 149
Шеллинг 140
Шиллер 140,149
Широкова Н.С. 44
Шлиффен 148
Шпенглер О. 23,102,135,137
Штауфены 102,105,106,119,159
Шукхард К. 29

Э

Эберхард II 124
Эброин 81
Энгельс Фридрих 141,
Эней 29,30,31,32,33,34,36,37,38,39,40,41,45,
47,48,54,57,58,60,102,134
Экард 23
Этрусски 31,47

Ю

Ювенал 64
Юнг Артур 13
Юлиан 68
Юстиниан 79,80,106

Я

Язиги 62
Ясторфцы 5,14,42,43,44,51,52,53,61,63,70

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ**А**

Абритт 68
 Авентинский холм 100
 Авиньон 99
 Австрия 25,116,139,141,142,143,144,145,160
 Австрийская империя 139
 Австразия 79,81,83
 Австро-Венгрия 142,144
 Адриатическое море 43,50
 Азия 16,51
 Аквы Сектиевы 44
 Аквитания 83,97,103,105
 Америка 126
 Англия
 25,72,83,91,98,104,105,113,116,124,131,133,
 139,148
 Андрос 43
 Аламания 83,84
 Александрия Египетская 58
 Альпы 104
 Альхесирос 148
 Аппенинский полуостров 36
 Аппенины 99
 Арелат 105
 Асти 39
 Атика 53,70
 Атемна 35
 Афины 53,58
 Африка 51,69,79,80,100

Б

Бавария 62,124,141,143,144,155,160
 Баден-Вюртемберг 62
 Балканы 29,79
 Балтийское море 14,44
 Балтика 66
 Бамберг 143
 Безье 127
 Бельгия 79,127
 Берлин 141,148
 Болгария 147
 Болонья 107
 Бландрат 39
 Бранденбург 128
 Бремен 97,116,155
 Бретон 97
 Британия 69,72,79,105
 Британский полуостров 105
 Брюгге 127
 Буг Западный 42
 Бургундия 79,83,97,105

В

Вавилон 17
 Варна 42
 Вартбург 136
 Везер 42,44,135
 Веймар 139
 Вена 116,143
 Венеция 38,39,102,106
 Венгрия 81,101,143,160
 Верона 39,
 Византия 5,18,33,69,70,100,125
 Висбаден 124
 Висла 42,44
 Восточно-Франкское королевство 18,96,
 97,100
 Восток
 33,49,51,58,63,71,81,92,95,98,99,102,138,
 160,161
 Вюртемберг 141,143,144,155,160

Г

Галл 139
 Галиция 143
 Галлия 21,33,50,60,62,65,66,68,69,70,72
 77,79,81,82,83,92,95,97,105,161
 Гамбург 155
 Гасконь 97
 Гарильяно 99
 Гвастал 39
 ГДР 153,154
 Генуя 39
 Гессен 124,143,155
 Германия 4,5,6,7,13,14,15,16,19,20,21,22,23,
 24,25,26,27,28,34,44,60,62,63,64,68,71,95,96,
 97,99,100,101,102,104,106,113,114,115,116,
 117,118,119,120,121,122,123,124,125,128,
 129,131,132,133,134,143,145,148,149,135,136,
 137,140,141,142,147,148,150,151,152,153,
 154,156,157,159,160,161,162
 Германская империя 120,122,123,126,138,
 145
 Герцинский лес 15,61
 Гетия 14,66
 Гибралтарский пролив 16
 Голландия 79,148
 Гольштиния 142
 Греция 53,58,67,70,71,131
 Грюнвальд 128
 Гунния 81

Д

Дания 80,142
 Данциг 129
 Дакия 5,14,16,32,63,64,65,66,67,68,71

Дармштадт 143
 Делос 43
 Деффинг 124
 Доорн 148
 Днестр 43,44
 Днепр 44
 Дунай 14,15,16,42,43,54,60,62,63,67Ю,68,70
 Дунайский ареал 29
 Дуэ 127

Е

Евбея 43
 Европа 4,5,6,7,13,14,15,16,17,19,20,21,22,
 23,24,25,26,27,28,34,44,60,62,63,64,66,68,71,
 72,78,79,8083,84,104,105,107,116,118,120,
 121,126,127,131,136,137,138,139,140,143,
 148,149,160,161
 Евразия 122
 Египет 56,69,80
 Евфрат 68

З

Запад
 30,71,72,80,92,99,103,122,126,138,154,161
 Западно-Римская империя 87,88
 Западно-Франкское королевство 96,97,99,
 100
 Зальцбург 97

И

Иберия 50,51,70
 Иена 140
 Иерусалим 103
 Израиль 117
 Иония 70
 Италия 4,5,6,16,19,20,21,29,33,36,38,40,41,
 44,47,50,51,67,69,70,72,79,80,83,84,95,97,99
 100,102,104,106,107,108,109,113,114,115,
 116,125,133,141,144,145,160,161
 Итака 54,55
 Испания 15,51,69,72,78,79,80,83,84,126,
 139,141
 Истрия 43
 Иллирия 29,50,54,69
 Иллирик 63,71
 Индия 65,66
 Индийский океан 66
 Индостан 148
 Ирландия 79

К

Камерия 35
 Капитолий 75
 Кариста 43

Карпаты 15,43,44
 Карфаген 17,47,50,51
 Кёльн 20,97,129
 Китай 147
 Киффгейзер 21
 Комо 104
 Компостелла 104
 Константинополь 17,33,70,79,80,120
 Костешы 64
 Корби 87
 Корсика 80,106
 Крайна 116
 Кремона 39,62
 Крит 42,47
 Кунакс 55
 Кульм 129

Л

Лакония 84
 Лаподун 62
 Лация 45
 Лейпциг 142
 Литва 128
 Лоди 39
 Ломбардия 38,39,101,106,114,116
 Лотарингия 62,85,96,138
 Льеж 127
 Любек 21,116
 Лючера 116

М

Магдебург 97
 Майнц 21,97
 Македония 51,52,56
 Малийский залив 43
 Малая Азия 29,45,69,79
 Марафон 53
 Марокко 66
 Мариенбург 129
 Мезия Нижняя 68
 Мемфис 56
 Медиолан 50,69
 Мец 138
 Милан 39,50,69,102,106
 Моден 39
 Молдавия 44
 Московия 25
 Москва 153
 Моравия 63,125
 Мюнхен 142

Н

Навара 39
 Нагасаки 17

Нанси 138
 Нассау 143
 Неаполь 39,102
 Нейстрия 105
 Никомедия 69
 Никополь 125
 Норик 67,69
 Нормандия 105
 Нормандское герцогство 97
 Нюрнберг 124

О

Одер 42,44,63
 Орвието 39
 Орлеан 127
 Орэштие 64
 Османская империя 25
 Олимп 71

П

Павия 39
 Палатинский холм 45
 Паннония 69
 Пасаргады 56
 Париж 99,127
 Пелопоннес 42
 Пергам 58
 Персия 16,66
 Пиза 39
 Пиренейский полуостров 84
 Пловдив 68
 Подунавье 68
 Понт Западный 63
 Польша 43,101,129,148,160,161
 Португалия 126
 Причерноморье 42,43,68,79
 Припятское Полесье 43
 Прованское графство 105
 Провен 127
 Пруссия
 6,13,25,26,122,128,129,135,137,139,140,
 141,142,144,145,153,155,160,161,162
 Прут 43,44
 Пьяченца 39
 Пятра Рошие 64

Р

Равенна 39
 Разград 68
 Рейн 14,15,16,42,44,60,62,70,139
 Реймс 127
 Речь Посполитая 25
 Реция 67
 Рим 5,14,15,16,17,18,19,24,29,30,34,33,35,

36,37,39,44,45,46,49,50,61,62,64,65,66,67,
 68,69,70,71,75,79,80,84,87,92,99,100,101,102,
 103,104,106,113,119,128,131,133
 Римская империя 33,34,105,106,113,
 Римская республика 107,118,121,138
 Родос 42
 Россия 138,139,146,147,161,
 Российская империя 138
 Руан 109,127
 Русь Святая 76

С

Самофракия 45
 Саксония 83,87,116,131,143
 Сардиния 106
 Сарцегия 65
 Сахара 66
 Свевия 5,14,60,62,71
 Северное море 14,42,66
 Север 64,65,95,104,105,113,138
 Сен-Бенуа-Сюр-Луар 117
 Сен-Дени 117
 Сен-Мартен-де-Тур 87
 Сен-Галлен 87
 Серета 43
 Сермизегетуза 65
 Сиракузы Сицилийские 95
 Сицилия 38,50,52,99
 Скандинавия 44,72,83,104,131
 СССР 154
 Спарта 53
 Старое Городище 62
 Средиземноморье 42,51,64
 Сцилла 54
 США 157

Т

Тапы 65
 Таненберг 128,129
 Тевтобурский лес 62
 Тенос 43
 Тибр 29,45,47,106
 Тильзит 139
 Тиса 62,63
 Тироль 139
 Тоскана 38,106
 Торун 129
 Трир 97
 Троада 29
 Троя 45,47,53,54
 Тюрингия 21,119,124,131
 Тулуза 127
 Турн 127
 Турция 25,84

Турэнь 97

У

Украина 161

Уэльс 72

Ф

Фессалия 51

Фивы 51,54

Фидены 35

Филипполь 68

Фиорентино 116

Франкское государство 81,82,85

Франкская держава 79,83

Франкская империя 96,99

Французское королевство 96

Франкфурт на Майне 122,123

Франкония 124

Франция

13,21,25,26,38,72,73,76,77,79,81,95,96,97,

98,99,104,120,126,127,128,138,139,141,143,1

45,148,160,161

Фракия 29,42,43,47,53,54,68,69,70

ФРГ 149,150,153,155,157

Фландрия 127

Франкфурт 142

Флери 117

Флоренция 39,102

Фульд 87

Х

Ханаан 79

Харибда 54

Хильдесхаймс 101

Хиросима 17

Хоксем 127

Ч

Черное море 14,44

Чехия 101,106,125,160,161

Ш

Шампань 97

Шато Сален 138

Шартр 127

Швабия 62,83,84,119,124,144

Шверин 116

Швеция 25,125

Швейцария 124,128,131,160

Шотландия 72

Шлёзвиг 142

Штирия 116

Шуэнбург 116

Ц

Ценина 35

Э

Эгер 124

Эллада 42

Эльба 42,44,63,70

Эльбин 129

Эльзас 13,62,85

Эпир 50

Ю

Юг 95,104,105,113,138,160

ЛИТЕРАТУРА

1. Боннар А. "Греческая цивилизация", т. I, II. – М., 1992
2. Бродель Ф. "Что такое Франция? Люди и вещи". – М., 1999
3. Бурдерон Роджер "Фашизм: идеология и практика". – М., 1983
4. Вебер А. "Избранное: Кризис европейской культуры". – С-Пб, 1999
5. Глазычев В. Л. "Гемма Коперника (мир науки в изобразительном искусстве)". – М., 1989
6. Жак Ле Гофф "Цивилизация Средневекового Запада". Сретенск, 2000
7. Геродот "История (в девяти томах)". – М., 1999
8. Грамши А. "Тюремные тетради", часть первая. – М., 1991
9. Гуревич А. Я. "Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе". – М., 1970
10. "Древние цивилизации". Под ред. Бонгард-Левина Г. М. – М., 1989
11. Сборник "Древние фракийцы в Северном Причерноморье". Под ред. Златковской Т. Д., Мамонова А. И. – М., 1969
12. Дубнов С. М. "Краткая история евреев". – Ростов-на-Дону, 1987
13. Ергин Д., Густафсон Т. "Россия: двадцать лет спустя. Четыре сценария". – М., 1995
14. Егер О. "Средние века". – М., 1999
15. Егер О. "Новейшая история". – С-Пб, 1999
16. Золотов Ю. "Жорж де Ла Тур". – М., 1979
17. "История Древней Греции". Под ред. Авдиева В. И. и др. – М., 1972
18. Курт Зонтхаймер "Федеративная республика Германия сегодня (основные черты политической системы)". – М., 1996
19. Кабанес О., Насс Л. "Революционный невроз" и Фуллье А. "Психология французского народа". – М., 1998
20. Прокопий Кесарийский "Тайная история". – М., 1991
21. Кликс Ф. "Пробуждающееся мышление (у истоков человеческого интеллекта)". – М., 1983
22. Колосовская Ю. К. "Рим и мир племен на Дунае I – IV вв. н.э.". – М., 2000
23. Куманецкий К. "История культуры Древней Греции и Рима". – М., 1990
24. Лависс Э. и Рамбо А. "Эпоха крестовых походов". – С-Пб, 1999
25. Лейн Тони "Христианские мыслители". С-Пб, 1997
26. "Новеллино". Под ред. Андреева М. Л., Соколовой И. А. – М., 1984
27. Пьер Левек "Эллинистический мир". – М., 1989
28. Макиавелли Никколо "Государь: Сочинения". – Харьков, 1999
29. Маринович Л. П. "Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса". – М., 1975
30. Маяк И. Л. "Рим первых царей (генезис римского полиса)". – М., 1983
31. Ницше Ф. "По ту сторону добра и зла: Сочинения". – М., 2000
32. Рабле Франсуа "Гаргантюа и Пантагрюэль". – М., 1981
33. Рудольф Мертлинка "Античные легенды и сказания". – М., 1992
34. Соловьев Э. "Непобежденный еретик", – М., 1984
35. Сборник "Финикийская мифология" (работы Тураева Б.А. и Шифмана И.Ш.). Под ред. Довженко Ю. С. – С-Пб, 1999
36. Шиндлинг А., Циглер В. "Кайзеры". Ростов-на-Дону, 1997
37. Широкова Н. С. "Культура кельтов и нордическая традиция античности". – С-Пб, 2000
38. Шпенглер О. "Закат Европы, 2. Всемирно-исторические перспективы". – М., 1991
39. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей "О Галльской войне". – М., 1991
40. Юнг К. Г. "Ответ Иову". – М., 1998.